

SLAVICA HELSINGIENSIA

56

**Русские звукоподражательные
глагольные междометия в свете
экспериментальных и
корпусных данных**

Оксана Канерва

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора философии,

официальная защита которой состоится с разрешения
факультета гуманитарных наук Хельсинкского университета

в лекционном зале РIII корпуса Porthania

Хельсинкского университета 27 мая 2023 в 12

Helsinki 2023

SLAVICA HELSINGIENSIA 56

Series editors

Tomi Huttunen, Johanna Viimaranta, Max Wahlström

Published by:

Department of Languages, Faculty of Arts

P. O. Box 24 (Unioninkatu 40 B)

00014 University of Helsinki

Finland

Copyright © by Oksana Kanerva

ISBN 978-951-51-9188-5 (softcover)

ISBN 978-951-51-9189-2 (PDF)

ISSN-L 0780-3281

ISSN 0780-3281 (Print)

ISSN 1799-5779 (Online)

Cover design:

Laura Vainio

Printed by:

PunaMusta

Helsinki 2023

Abstract

Russian onomatopoeic verbal interjections, words such as *bac* 'bang', *plûh* 'splosh', *zvâk* 'tinkle', are in the focus of this dissertation. This research employs complex methodology to investigate the status of these linguistic units in the system of language. It uses methods of corpus linguistics, context and discourse analysis, experimental methods such as substitution and elicitation tests, eye tracking, and a range of statistical methods involving hierarchical cluster analysis and statistical modelling.

The key findings of this study concern drawing a demarcation line between instances of polysemy within the class of onomatopoeic verbal interjections and homonymy between this and other classes of words. This study establishes that these linguistic units combine characteristics of onomatopoeias, interjections and verbs. Next, it is concluded that grammatical functions of words such as *bac*, *plûh* and *zvâk* depend on what feature prevails in utterances with them. It is shown that syntactic functions of onomatopoeic verbal interjections are connected with the choice of punctuation marks in constructions containing them. Subsequently, this research proves that prosodic foregrounding, morphological expressiveness and syntactic independence of these linguistic units are intertwined. Furthermore, various pragmatic functions of onomatopoeic verbal interjections are identified. More precisely, it is illustrated that they do not only display acoustic events or indicate action in connection with natural sounds, but also express the speaker's reaction or attitude to the situation, attract the listener's attention, poeticize expressions and generate new meanings by imitating the original onomatopoeia. Furthermore, this study presents evidence that Russian words such as *bac*, *plûh* and *zvâk* can communicate their semantics by means of phonological form to speakers of another language with outstanding fidelity and efficiency. Finally, this research work considers the use of onomatopoeic verbal interjections in contemporary children's literature where not only traditional units are used, but also creative and author specific variations appear in abundance.

Предисловие

Очень редко так бывает, чтоб какой-либо вид человеческой деятельности имел возможность протекать вне зависимости от внешних факторов. Когда я начинала работу над этим исследованием, никто не знал, какие испытания выпадут на долю человечества в следующие несколько лет. Я хочу выразить слова благодарности людям, участие и поддержка которых помогли справиться с давлением обстоятельств и сделали возможным то, чтоб настоящая работа состоялась как комплексное исследование.

Прежде всего я глубоко признательна своим научным руководителям профессору Йоханне Виймаранта и доктору педагогических наук Екатерине Юрьевне Протасовой за их кропотливый труд по направлению моей научной деятельности. Я признательна Йоханне за то, что она поверила в меня и всячески способствовала моему становлению как филолога. Именно Йоханна предложила столь занимательную тему и создала благоприятные условия для моего профессионального роста. Я в неоплатном долгу перед Екатериной Юрьевной за ее щедрую помощь, компетентность в области языкознания, полезные рекомендации и неоценимый вклад в то, чтоб работа над этим исследованием увенчалась успехом.

Я благодарна профессору Зинаиде Какбаевне Сабитовой и профессору Маргарите Анатольевне Гаврилиной за тщательное прочтение моей диссертации, важные замечания и положительную оценку. Я также благодарна представителям факультета, доктору философских наук Ахти Никунласси и профессору Рихо Грунталоу, за проявленный ими интерес к моей работе.

Я хочу выразить свою признательность фонду Эллы и Георга Эрнрута (Ella ja Georg Ehrnroothin säätiö), научному фонду Хельсинкского университета (Helsingin yliopiston tiedesäätiö),

фонду университета г. Турку (Turun yliopistosäätiö) и совету по стратегическим исследованиям Финской академии наук (Strategisen tutkimuksen neuvosto, STN), а также исследовательским школам UTULING университета г. Турку и НУМУ Хельсинкского университета за финансовую и практическую поддержку на разных этапах работы над диссертацией.

Я благодарна профессору Арто Мустайоки, профессору Лоре Янда и профессору Туре Нессету за интерес к моей работе и критические замечания во время формирования научной позиции о статусе объекта данного исследования. Хочу выразить свою признательность профессору Мартине Бьерклунд за дельные советы при обсуждении теоретических положений диссертации, а также хочу от всего сердца поблагодарить доктора философских наук Ларису Мокробродову за практическую помощь в ходе работы над этим исследованием. Я признательна профессору Наталье Викторовне Богдановой-Бегларян за возможность использования, а также помощь с подбором материалов из корпуса прагматических маркеров «Один речевой день». Я также искренне благодарна информантам, которые принимали участие в экспериментах.

I would like to express words of gratitude to the Department of Psychology of the University of Turku and Turku EyeLabs for valuable pieces of advice and critical remarks. I am extremely grateful to Doctor of Psychology Tuomo Häikiö, Professor Johanna Kaakinen and Professor Jukka Hyönä for support, endless patience and kind guidance in building my understanding of how eye tracking methodology works. I would like to thank Senior Lecturer Jouko Katajisto who checked my statistical analysis at the early stages of working on this dissertation. I also deeply appreciate critical remarks of Professor Tuomas Huomo about the nature of words I chose for detailed analysis.

Я в особенности хочу поблагодарить моих родителей, Оксану и Александра Матвиенко, которые всегда верили в мои силы, научили не отступать от задуманного, а также ежеминутно поддерживали меня и словом, и делом. I would like to thank my husband, Juri Kanerva, for his unconditional love, devotion, encouragement and support. I appreciate Liina, Aarne and Sofia's

patience, understanding and enthusiastic involvement. Особенно это касается Софийки, которой не терпится пробраться в университет, чтоб увидеть, как же работает наука. Haluan myös kiittää Kristiina Kanervaa kotiasioiden hoitamiseen liittyvästä avusta. Lopuksi haluan kiittää sukulaisiamme ja ystäviämme heidän tarjoamastaan kannustuksesta ja tuesta.

Весна 2023,
Оксана Канерва

Содержание

Abstract	iii
Предисловие	iv
1 Введение	1
2 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СТАТУС ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ (ЗГМ) В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	12
2.1 ЗГМ РУССКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ	12
2.2 МЕЖДОМЕТНАЯ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ	24
2.2.1 Языковой статус звукоподражаний	24
2.2.2 Языковой статус междометий	35
2.2.3 Экспрессивность междометий и звукоподражаний	45
2.3 ЗГМ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	50
2.3.1 Слова, сходные с ЗГМ, в славянских языках	50
2.3.2 Слова, сходные с ЗГМ, в финно-угорских языках	53
2.3.3 Слова, похожие на ЗГМ, в германских языках	55
2.3.4 ЗГМ русского языка в сравнении с африканскими и азиатскими идеофонами	57
2.4 ПРИРОДА ЗГМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ	63
2.4.1 Теория восприятия	63
2.4.2 Теория знаков и звукового символизма	67
2.4.3 Знаковые способы передачи смысла: описание, указание, отображение	73
2.4.4 Импликации знаковости в использовании ЗГМ в речи	75
3 МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	80
3.1 МЕТОД СОСТАВЛЕНИЯ ВЫБОРКИ ПО СЛОВАРЯМ	80
3.2 МЕТОДЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	90
3.3 ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ...	93

3.4 ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД ОТСЛЕЖИВАНИЯ ВЗГЛЯДА.....	95
3.5 СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ	97
4 ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗГМ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА.....	101
4.1 МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗГМ.....	101
4.2 СИНТАКСИС ЗГМ И ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ С НИМИ	121
4.3 СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ НЕКОТОРЫМИ СЛУЧАЯМИ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ ЗГМ.....	153
4.4 ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЗГМ	166
4.5 СЕМАНТИЧЕСКАЯ УЗНАВАЕМОСТЬ ЗГМ.....	178
4.6 ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗГМ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	206
5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	221
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	231
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	250

1 Введение

В русском языке существует класс слов типа *бац*, *плюх* и *звяк*, который представляется нам особенным и достойным детального рассмотрения. В научной литературе эти слова называют «глагольными междометиями» (Шведова 1980), «вербоидами» (verboids, Nikitina 2012), «звуковыми жестами» (Исаченко 1975), «нарративными сказуемыми» (Кор Шаин 2008), «иконическими изобразительными единицами» (Wierzbicka 2003: 290). О сложной природе данных языковых единиц можно судить уже исходя из того, что до настоящего момента нет единого взгляда на то, к какому грамматическому классу их следует причислять. Многие ученые относят их к междометиям (см. Шведова 1980; Карцевский 1984; Крук 1992; Wierzbicka 2003). Другие настаивают на том, что эти слова нужно рассматривать в качестве звукоподражаний (Исаченко 1960; Поливанов 1968). Кроме того, ряд исследователей (Карцевский 1984: 132; Nikitina 2012: 165; Мхитарьян 2016; Канерва, Виймаранта 2018: 94) утверждают, что слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* обладают глагольными признаками, т. е. могут синтаксически функционировать в качестве сказуемых.

Теоретическую основу данного исследования составили работы В.В. Бабайцевой, Ф.И. Буслаева, Й. Виймаранта, В.В. Виноградова, С.В. Воронина, А.И. Германовича, И. Кор Шаин, Т.В. Никитиной, А.А. Потевни, Е.Н. Прокопович, Е.В. Середы, А.Н. Тихонова, Т.И. Хвостуновой, Л.Д. Чесноковой, Н.М. Шанского, И.А. Шаронова, С.С. Шляховой и Л.В. Щербы, направленные на изучение звукоизобразительных и экспрессивных средств языка русского языка. Слова, приближающиеся по своим фонетическим, семантическим и синтаксическим свойствам к *бац*, *плюх* и *звяк*, можно найти и в других языках. Нам известны работы, посвященные описанию подобных слов в славянских языках, таких как чешский (Fidler

2014), польский (Wierzbicka 2003; Wańko 2008), словацкий (Körtvélyessy 2020), сербский и хорватский (Тошович 2006), в германских языках, таких как английский (Oswalt 1994), шведский (Teleman et al. 1999) и немецкий (Wöllstein, Eisenberg 2016), а также в финно-угорских, таких как финский (Mikone 2002; Jääskeläinen 2013), венгерский (Скаличка 1967), эстонский, водский, а также в языке ингерманландцев (Heinsoo, Saag 2015). При этом дебаты о том, какое место они занимают в системе языка, продолжаются. Следует сразу обозначить, что звукоподражания в целом часто относят к междометиям (Bally 1950; Амека 1992; Крук 1992; Суенса 2000), поскольку они, как правило, не изменяются, могут употребляться независимо, в частности, в качестве восклицания, но одновременно способны выполнять в предложении самые разные функции, заменяя различные части речи. Также существует мнение, что эти два класса существенно отличаются друг от друга (Meinard 2015), поскольку почти всегда вариативны, а часто и индивидуальны, т. е. не входят в устойчивый лексикон языка. В широкой перспективе учение о словах типа *бац*, *плюх* и *звяк*, входящих в фонд русского языка, и словах, способных подражать звукам, извлекаемых из других языков, связывается с рассмотрением идеофонов (Voeltz, Kilian-Hatz 2001; Katsuki-Pestemer 2014). В частности, для японского языка, богатого звукоподражаниями, существует несколько классификаций подобных слов. Некоторые ученые предлагают делить идеофоны на три класса: фономимы отображают звуки, феномимы относятся к явлениям и состояниям внеязыковой действительности, а психомимы выражают чувства или психические состояния (см. Martin 1964; Shibatani 1990: 154; Hasada 2001). Такая классификация объясняет, почему звукоподражания часто объединяются с междометиями в один класс: и те, и другие относятся к эмоционально окрашенной и бедной в морфологическом отношении лексике. В то время как слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* сближаются с фономиметическими идеофонами японского языка, междометия в целом имеют те же семантические признаки, что и психомимы. Общим для всех вышеперечисленных групп слов является то, что они тем и иным способом связаны с отображением естественных звуков и в

особенности с понятием звукового символизма (Hinton et al. 1994), фонетически мотивированной попыткой передать при помощи человеческого языка звуки иной природы (ср. Фещенко 2022). Центральной идеей здесь является то, что вопреки основополагающему принципу языка, заключающемуся в арбитrarности (т. е. конвенциональности, произвольности и известной субъективности) языковых знаков, во всех языках существуют элементы, которые имеют произвольную связь между формой и значением. Эта связь проявляется между формальным способом выражения слова, соответствующим внутренним правилам языка, и внеязыковой действительностью, подчиняющейся совсем другим законам.

Арбитrarность – это концепция в лингвистике, которая утверждает, что звуки языка не имеют непосредственной связи с объектами, на которые они указывают. Другими словами, звуковые сигналы, используемые в языке, не имеют никакого естественного или логического отношения к объектам или явлениям, которые они обозначают. Примерами могут быть такие слова, как *петух*, *часы* и т.д. Звукоподражания также могут проявлять определенную степень арбитrarности. В этом случае связь между звукоподражанием и его значением устанавливается на основе договоренностей, существующих внутри языкового сообщества. Примеры, которые иллюстрируют арбитrarность звукоподражаний, включают в себя такие слова, как *кукареку*, *гав-гав*, *тик-так* и т.д. Связь между языковыми знаками и объектами, которые они описывают, не является непосредственной. Например, слово *кукареку* имеет слабовыраженную связь со звуком, который издает петух, но в языковом сообществе оно стало общепринятым звукоподражанием для обозначения звука, издаваемого этой домашней птицей. Таким образом, арбитrarность звукоподражаний является одним из основных принципов языкового знака, который позволяет людям использовать звуки для обозначения объектов и явлений в мире, независимо от их фонетических свойств.

Несмотря на значительный интерес к словам типа *бац*, *плюх* и *звяк*, некоторые противоречия между различными подходами к их языковому описанию остались нерешенными. Данные

имеющихся исследований еще не позволяют определить, какой из присущих им признаков преобладает и какой из критериев (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический или семиотический) является определяющим. Предвосхищая последующее детальное рассмотрение теоретических оснований и практических примеров, заметим, что в результате анализа литературы мы приходим к выводу, что доказательства связи между звукоподражательными и глагольными признаками междометий неубедительны.

Целесообразно указать, что в настоящем исследовании мы относим слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* к звукоподражательным глагольным междометиям (далее ЗГМ). ЗГМ мы определяем как неизменяемые языковые единицы, не содержащие словоизменительных или словообразовательных морфем, отображающие акустические события или указывающие на связанное с ними действие, а в некоторых контекстах выражающие внезапность этого действия. Подобные слова могут быть синтаксически обособленными, выступая в качестве независимых конструкций или эквивалентов предложения, либо становиться грамматически интегрированными, выполняя функцию сказуемого (Kanerva 2018). На основе этого определения можно заключить, что **объектом** нашего исследования будет являться специфическая группа речевых единиц, близких к звукоподражаниям (ономатопеям), междометиям и глаголам, неизменяемым и независимым, обладающих особыми фонетическими, морфологическими, синтаксическими и прагматическими свойствами. **Предметом** исследования выступают их морфологические, синтаксические и прагматические характеристики и взаимодействие между этими характеристиками.

Основную гипотезу данного исследования можно сформулировать следующим образом: существует определенная связь между морфологией, синтаксисом, пунктуацией и прагматикой русских ЗГМ. Эта связь заставляет их воздействовать на разнообразные черты и свойства письменного и устного дискурса, в котором такие языковые единицы появляются, а их появление в свою очередь перестраивает некоторые внешние и внутренние свойства дискурса. Иными словами, связь между

анализируемыми словами и контекстом их употребления двусторонняя, и проявляется она всегда, когда говорящий хочет воздействовать на слушающего определенным образом, произвести некоторое впечатление, показать, что он занимает позицию, делающую такое влияние возможным.

Исходя из сформулированной гипотезы, данная диссертация ставит перед собой следующие **цели**:

1) доказать, что ЗГМ русского языка являются знаками особого типа, имеющими сильную семантическую опору на звукоподражания и развитые глагольные и междометные характеристики;

2) установить взаимосвязь между морфологическим выражением, интонационным контуром и синтаксическим поведением этих языковых единиц;

3) исследовать их синтаксические особенности, а также пунктуационные особенности их употребления;

4) проанализировать прагматику употребления этих слов;

5) проверить, могут ли носители другого языка без предварительного знания русского распознать семантику этих слов на основе сходства восприятия звукового образа сквозь призму родного языка участников эксперимента;

6) определить, как ЗГМ функционируют в современном художественном тексте, адресованном детям.

Сформулируем теперь более точно конкретные **задачи** нашего исследования, вытекающие из поставленных в нем целей. С точки зрения **фонологии** и **просодии**, в настоящей работе мы стремимся показать, что присутствует: 1) связь между фонетическим выражением этих слов и их семантикой; 2) взаимосвязь между интонационным контуром, морфологическим выражением и синтаксическим поведением этих слов; 3) связь между звуковым, семантическим и грамматическим выражением ЗГМ и характеристиками дискурса, в котором они употребляются, а также прагматическими функциями этих слов. Таким образом, мы хотим подчеркнуть, что ЗГМ показывают тесную связь между разными уровнями языка, внеязыковой действительностью и вербальным поведением человека, выбирающего их для выражения собственной мысли.

С точки зрения **морфологии**, данное исследование стремится показать, что 1) некоторые классы слов, такие как ЗГМ, могут одновременно быть омонимичными и полисемичными, что усложняет их языковую идентификацию; 2) некоторые языковые единицы, обладающие простой морфологической структурой, способны развивать более глубокие семантические импликации, в том числе контекстуальную прагматику употребления; 3) отсутствие словообразовательных морфем (особенно экспрессивных префиксов и суффиксов) не мешает некоторым словам использовать другие морфологические средства выразительности, в частности редупликацию, в том числе рекурсивную, и иногда диминутивизацию. Нам кажется, что ЗГМ способны показать пользователю языка, как функционировали языки в прошлом, как из звукоподражаний могла развиваться морфология (ср. Бурлак 2019).

С точки зрения **семиотики**, применительно к семантике русских ЗГМ данное исследование направлено на то, чтобы проиллюстрировать, что 1) эти слова иконически отображают различные природные звуки, и такая иконичность может быть распознаваема также носителями других языков; 2) они способны индексировать действие, которое связано с соответствующими акустическими событиями; 3) в некоторых контекстах они выражают эмоциональные реакции говорящего на ситуации, описываемые рассматриваемыми языковыми единицами. Можно заметить, что семиотическая сторона ЗГМ, несмотря на ее очевидность, редко становилась предметом целенаправленного изучения, разве что в поэтике художественной литературы, так что не стоило бы пренебрегать этим аспектом рассмотрения.

Что касается **прагматики**, исследование направлено на то, чтобы 1) показать, что семантическая комплексность этих слов допускает большое разнообразие их прагматического использования; 2) описать такие прагматические функции, которыми они обладают в дискурсе, а именно, квазиреферентную, эмоциональную, фатическую, поэтическую и металингвистическую; 3) рассмотреть такие факторы, как принципы иконичности и экономии в грамматике. Очевидно, что эти положения все вместе могут быть причиной того, что носители русского языка иногда предпочитают использовать в речи ЗГМ

вместо глаголов и существительных. Нам предстоит идентифицировать, в какую сторону направлена сумма обстоятельств, способствующая появлению ЗГМ в речи.

Что касается **синтаксиса** и **пунктуации**, данное исследование анализирует грамматические отношения между ЗГМ и другими словами в предложении. Показательно, что этот аспект практически был белым пятном в теоретическом плане. При этом наша работа направлена на то, чтобы показать, что 1) синтаксис и пунктуация русских ЗГМ связаны с их семантикой; 2) пунктуация не второстепенна по отношению к синтаксису, а дополняет его; 3) знаки препинания, как правило, являются маркерами синтаксических функций данных языковых единиц в предложении, особенно в тех случаях, когда семантическая или функциональная неоднозначность вызвана омонимией или полисемией; 4) расхождения в пунктуационном оформлении в сходных, на первый взгляд, по своей синтаксической структуре высказываниях не являются случайностью; напротив, они сигнализируют о разных морфологических особенностях рассматриваемых языковых единиц, в том числе о том, что в каждом отдельно взятом случае эти слова принадлежат к разным грамматическим классам. Ввиду различий между устной и письменной речью ЗГМ имеют определенные особенности не только в фонетике, но и в пунктуации, что особенно интересно.

Нам представляется, что обозначенный выше многоаспектный подход позволяет всесторонне осветить проблему русских ЗГМ и очертить их особое место в системе языка. В то же время понимая, что они являются открытым классом, мы можем попытаться показать, как будут вести себя в письменном и устном дискурсе потенциальные новообразованные единицы, предсказать их характерные черты и сочетаемость. Более того, мы раскрываем механизм пополнения русского языка подобными единицами и прослеживаем его применение в текстах.

Методологическую базу исследования составляют дискурсивный и текстовый анализ, методы корпусной лингвистики, экспериментальные лингвистические методы, такие как субститутивный и ассоциативный тесты, а также психолингвистический метод, включающий в себя методику отслеживания движений глаз (айтрекинг). Анализ данных

проводился с использованием ряда статистических методов, таких как подсчеты частотности употребления интересующих языковых явлений, составление таблиц кросс-табуляции и иерархический кластерный анализ, а также методы статистического моделирования, в частности построение логлинейной и обобщенной смешанно-аддитивной моделей. Сочетание означенных методов исследования соответствует примененному междисциплинарному подходу.

Эмпирической базой исследования выступают словари русского языка, такие как «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка (Зализняк 1977; 2010), «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (Ефремова 2000) и «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой (Ефремова 2006), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (Кузнецов 1998), «Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий» С.С. Шляховой (Шляхова 2004), а также корпусные данные, полученные из основного и устного корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ, <https://ruscorpora.ru/>), разговорного корпуса «Один речевой день» (ОРД, <https://ord.spbu.ru>) и реальные тексты.

Нами предпринята попытка систематически проанализировать ЗГМ русского языка с разных точек зрения, найти связующие нити между различными признаками этих слов и показать, что взаимодействие между разными характеристиками этих языковых единиц делает их особенными и действительно сложными. Постановка такой задачи представляется нам своевременной. Ввиду того что междометия в последние годы стали все свободнее использоваться в интернет-общении, их общая частотность возросла. Появилось много новых междометных единиц, поскольку каждый пользователь цифровой среды представляет себя активным новатором в языке. Культура компьютерных игр, комиксов и сериалов сильно повлияла на интерес к исследуемому явлению и обиходную потребность в междометиях. Язык использует иноязычные заимствования, многие из которых приживаются. Все это приводит к тому, что чувствительность к буквенному аналогу произнесенного слова и к словесной передаче вариативных звуков значительно

увеличилась. Она характеризует современного носителя языка как человека, черпающего для коммуникации как уже устойчиво вошедшие в речь, так и новые оригинальные средства. Чтобы облегчить работу пользователю, например студенту, изучающему русский язык как иностранный, или специалисту в сфере искусственного интеллекта, важно четко разделять, в каких случаях мы имеем дело с вариациями основного значения этих слов, а в каких – с другими лингвистическими формами.

Комплексный подход к изучению ЗГМ русского языка, на наш взгляд, показывает, что этому классу слов присуща широкая многозначность, которая и стала причиной значительных затруднений в их лингвистической идентификации. То же касается и случаев языковой омонимии между данными языковыми единицами и другими классами слов. При этом результаты исследования можно применить при формировании и развитии навыков уверенного использования данных языковых средств в языковой коммуникации. Основным навыком здесь является осведомленность во многих аспектах функционирования этих слов в языковом пространстве.

Ключевые положения и результаты данного исследования были представлены в форме докладов и постеров на национальных и международных конференциях «Дни науки в Хельсинском университете» в г. Хельсинки, Финляндия (2018), «Дни науки в университете Турку» в г. Турку, Финляндия (2018), «Осенний симпозиум финской ассоциации прикладной лингвистики AfinLa» в г. Ювяскюля, Финляндия (2018), «МКР-Барселона: Актуальные проблемы и перспективы русистики» в Барселоне, Испания (2018), «Летний семинар в Арктическом университете Норвегии» в г. Тремсе, Норвегия (2021 – удаленно), «62-я ежегодная встреча психономического общества (англ. *Psychonomic Society*)», виртуальная конференция (2021 – удаленно), а также в 6 научных статьях в рецензируемых журналах: «Вестник Томского государственного университета. Филология» (2018), «Полярный вестник» (2018), «Сборник материалов по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона» (2018), «Die Welt der Slaven: международный журнал славянской лингвистики, литературы и культуры» (2019), «Вестник РГГУ. Серия

«Литературоведение. Языкознание. Культурология» (2020), *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition* (2022).

Работа состоит из введения, 4 разделов теоретической, 5 разделов методологической и 6 разделов практической части, заключения, списка литературы (295 источников) и 3 приложений. В теоретической части исследования уделяется внимание рассмотрению звукоподражаний и междометий как классов слов, а также их общим и различным признакам. Далее приводится обзор предыдущих исследований ЗГМ русского языка. Кроме того, дискутируются научные данные относительно аналогичных единиц в других славянских, а также в финно-угорских и германских языках. Особое внимание уделяется выявлению общих характеристик, которыми обладают эти и подобные им слова в разных языках с типологической точки зрения, а также обсуждаются различия между ними. Наконец, приводится краткий обзор идеофонов в африканских и азиатских языках, а также рассматривается сходство между ними и ЗГМ русского языка. Ставится вопрос о положениях теории знаков, о звуковом символизме и психолингвистической теории восприятия применительно к ЗГМ. Наконец, мы приводим ряд возможных причин того, что побуждает носителей русского языка использовать эти слова как в речи, так и в письменных текстах, обращая внимание на такие факторы, как принципы иконичности и экономии в грамматике.

В методологической части мы описываем те методы, какие использовались в данном исследовании. К ним принадлежат методы контекстуального и дискурсивного анализа. Описываются как методы корпусной лингвистики, так и экспериментальные лингвистические и психолингвистические методы, а также методы статистической обработки данных.

В практической части проводится разделительная черта между случаями омонимии и полисемии ЗГМ. Это принципиальная проблема для всей работы. Прежде всего, обсуждается, каким образом эти языковые единицы сочетают в себе признаки звукоподражаний, междометий и глаголов. Далее делается вывод, что грамматические функции таких слов, как *бац*, *плюх* и *звяк*, зависят от того, какой признак преобладает в рассматриваемом

высказывании. Приводятся результаты экспериментального исследования, которое показало, что синтаксические функции ЗГМ влияют на выбор знаков препинания в конструкциях с их использованием. В следующем разделе статистически показывается корреляция просодического выделения, морфологической выразительности и синтаксической независимости исследуемых языковых единиц. В частности, с помощью статистической модели показывается, что в расшифрованных разговорах паузы в речи хорошо сочетаются с повторением морфем и знаками препинания на письме. В дополнение к этому анализируются различные прагматические функции ЗГМ. На основе примеров демонстрируется, что исследуемые единицы не только отображают акустические события или указывают на действие в связи с естественными звуками, но также могут выражать реакцию или отношение говорящего к ситуации, привлекать внимание слушателя, поэтизировать высказывание и генерировать новые значения, подражая исходному звукоподражанию. Наконец, приводятся доказательства того, что слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* способны настолько точно доносить до адресата заложенную в них семантику, разумеется, благодаря фонологическому оформлению, что носители других языков с высокой долей точности распознают ее. В завершение разбирается употребление ЗГМ в современной детской литературе.

В заключении суммируются и критически оцениваются выводы по диссертации, а также обсуждается, какие вопросы, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем уточнении и исследовании.

2 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СТАТУС ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ (ЗГМ) В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

2.1 ЗГМ РУССКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В классической языковедческой литературе присутствовало мнение о том, что междометия употребляются в качестве восклицаний для выражения чувств или в качестве звукоподражаний, имитирующих звук, слышимый в результате производства какого-либо действия. Ничего удивительного нет в том, что уже двести лет назад к ним также причислялись крики животных. Ученые констатировали, что от звукоподражательных междометий производятся звукоподражательные глаголы, выражающие быстрое перемещение или соединенное со звуком движение (например, Востоков 1831: 219–221).

Изучению слов типа *бац*, *плюх* и *звяк* в русском языке посвящено немало научных работ. В начале XX века считалось, что их следует рассматривать в качестве особой формы глагола (Карцевский 1928; Шахматов 1925–1927; Пешковский 1928). Это объяснялось тем, что семантически они выражают то же значение, что и глаголы совершенного вида в прошедшем времени. Вторым главным фактором была способность этих слов выступать в функции глагольного сказуемого.

А.А. Шахматов (1925–1927: 57) называл слова типа *бац*, *бах*, *трах* «глагольными междометиями» и утверждал, что они были

произведены от глагольных основ и исторически связаны с сильным аористом, передающим значение мгновенности действия в прошлом. Указывалось, что их фонологическая форма отражает стремление говорящего воспроизвести звукоподражание, обозначающее мгновенность действия. Утверждалось, что эти слова вызывают у слушающего такие же ощущения, как от действия, совершенного в прошлом и переданного глаголом в прошедшем времени, но при этом не имеют формальных признаков ни лица, ни рода, ни числа.

А.М. Пешковский (Пешковский 1928: 233) характеризировал ЗГМ как формы «ультрамгновенного вида русского глагола», выражающие быстрое, ограниченное во времени действие и звук, сопровождающий такое действие. Считалось, что они образовались от глагольных корней, а усеченность формы этих слов связана с их стремлением передать мгновенность действия и сопровождающего его звука. Он также отрицал их принадлежность к междометиям и настаивал на том, что эти слова образовались от корней глаголов, обозначающих действие. При этом предлагается интерпретировать аффикс как нулевой, так как отсутствие окончания несет определенное значение, а именно: усиленность формы этих слов продиктована стремлением передать мгновенность действия или связанного с ним звука. Особая напряженная интонация, сопровождающая эти слова, также призвана усилить ощущение стремительности передаваемого ими действия.

С.О. Карцевский (1928: 74) причислял слова типа *хвать*, *двиг*, *бултых* к «междометным формам глагола». Утверждалось, что они имеют формальные характеристики управления, свойственные глаголам, такие как переходность. В более поздней работе Карцевский (1984: 127–132) настаивал на различиях между звукоподражательными междометиями и междометиями глагольными (междометными глаголами). Говорилось, что междометные глаголы функционируют в качестве предикатов и выражают ультрамгновенное действие, воспринимающееся как неожиданное. По мнению Карцевского, междометные глаголы типа *бух!* возникли в результате редукции глаголов типа *бухать/бухнуть*, образованных от ономастопей. Эволюция этих слов иллюстрировалась следующим образом: *бух!* >

бухать/бухнуть > *бух!*. Первым звеном этой цепочки выступало звукоподражание (звукоподражательное междометие), а последней – междометный глагол. Считалось, что в силу образования путем усечения глагольных форм междометные глаголы имеют концептуальную природу подобно полнозначным классам слов и несут глагольные признаки вида, времени, иногда переходности и залога. Помимо этого, утверждалось, что подобные слова сближаются с глаголами и вызывают кинетический образ, а не акустический, как ономатопои. Было подмечено, что междометное (звукоподражательное) *бух!* и предикативное *бух!* продолжают одновременно функционировать в языке, но отличаются тем, что первое отсылает к звукам внеязыковой действительности, а второе указывает на действие (там же: 132). При этом также упоминалось, что междометные глаголы могут сближаться по значению с междометиями звукоподражательного характера, и приводился следующий пример такого функционирования: *Разбежался и бултых в воду!* (1928: 74). Карцевским (1984: 132–133) также выделялась другая группа междометных глаголов, слова из которой возникли в результате редукции не связанных со звукоподражаниями глагольных форм: *глядеть* > *глядь*, *хватить* > *хвать*. Для них также характерно функционирование в роли предикатов. При этом обе группы формируют особую видовую форму глагола.

Из этого следует, что интерпретация сказуемого и междометно-звукоподражательного употребления этих слов в качестве примеров языковой омонимии была достаточно распространенной. А.А. Потебня (1941: 187–191) называл слова типа *хвать*, *глядь*, *бряк* «глагольными частицами», которые означают мгновенное, неожиданное проявление механического движения, а также указывают на проявление разных аспектов какого-то явления, в том числе звуковых, временных, световых, механических и моторных. Утверждалось, что глагольные частицы сродни однократным глаголам, но у последних действие представляется более сознательно оформленным. Синтаксической характеристикой слов типа *хвать*, *глядь*, *бряк* считалась сказуемость (предикативность) и способность требовать дополнения, но при этом утверждалось, что они всегда остаются

без определения времени, наклонения, числа, лица и обстоятельства образа действия. Потебня (там же: 188) приводит следующие примеры их употребления: *он топ ногою; он хлоп его в рожу*. Он настаивает на отглагольном происхождении слов типа *морг*, *толк*, *прыг* и отрицает возможность образования однокоренных глаголов *моргать*, *прыгать*, *толкать* от этих слов. Далее Потебня (там же: 190) со ссылкой на Ф.И. Буслаева (Буслаев 1959: 106) утверждает, что отглагольные формы по употреблению стоят в одном разряде со звукоподражательными междометиями типа *бац!* и *бух!*, обозначающими мгновенное действие. Важным является то, что и Потебня (1941: 189), и Буслаев (1959: 166) считали, что звукоподражательные междометия составляют отдельный класс слов, от которых в последующем образуются соответствующие глаголы.

Почти одновременно с вышеупомянутой точкой зрения существовал и другой взгляд на происхождение слов типа *бум*, *тук*, *чмок*. Считалось целесообразным относить их к звукоподражаниям (Поливанов 1933: 180–181), а именно к «звуковым жестам» как фонологической аналогии с физическими жестами (Поливанов 1968: 300). Эти языковые единицы используются для визуального или акустического изображения воспринимаемого действия. Они не имеют никаких глагольных характеристик, а лишь указывают на происходящее или замещают собой действие. При этом способность обозначать какие-либо другие впечатления, кроме слуховых, не лишает их возможности указывать на происшествя внеязыковой действительности, подобно жестам. Следует упомянуть, что это мнение сформировалось под влиянием сравнения функционирования данных языковых единиц в русском языке и подобных слов в других языках, особенно японском. Изучаемые слова не считаются связанными с глаголом, потому что семантически некоторые из них не предполагают движения, а наличие действия иногда подразумевается довольно расплывчато.

В классических работах присутствует и другое мнение, согласно которому звукоподражательная черта этих слов считается ведущей. А.В. Исаченко (1960: 507–512) писал, что резкие звуки или стремительные движения, воспринимаемые как единый и

неразделимый акт, обозначаются при помощи слов, которые стоят вне глагольных категорий и не имеют таких глагольных признаков, как вид или залог. Они либо формируют междометные предложения, либо выступают в роли сказуемого. По этой причине автор называет их «сказуемыми междометиями» или «звуковыми жестами». Эти слова совмещают в себе междометно-звукоподражательные признаки и способны постепенно встраиваться в структуру предложения, ассимилируясь в ней и приобретая сказуемые признаки. В функции сказуемого эти слова могут управлять существительными типа предикативов. При этом автор утверждает, что подобного поведения недостаточно для того, чтобы говорить об их глагольных характеристиках. Описываемые языковые единицы принадлежат к экспрессивному плану, выражая явления внеязыковой действительности. Подобно жестам, они указывают на звуковые события. Часть этих слов имеет звукоподражательное происхождение, в других связь со звукоподражаниями отсутствует. Будучи звуковыми жестами, заменяющими глагол, эти слова только указывают на какое-либо событие, связанное с действием, но сами не могут иметь характеристик глагола. Формально характеристики вида, времени, наклонения и лица никак не выражены, в отличие от соответствующей флективной словоформы. Исаченко (там же: 510) говорит, что в силу отсутствия флексий значение времени, вида и залога проявляется в контексте, и приводит следующие примеры для иллюстрации этого утверждения: *Ты к нему подойди и трах его по голове* (императив, побудительное предложение) или *Он подходит к нему сзади и трах его по голове* (настоящее время).

Далее, слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* стали определяться в качестве синкретичных форм. С одной стороны, В.В. Виноградов (1947: 758) характеризовал слова типа *хлоп* как «воспроизводящие» или «звукоподражательные восклицания», которые примыкают к междометиям, но находятся в промежуточном положении между междометиями и звукоподражаниями, а также между междометиями и междометно-глагольными формами. В эту же группу входят другие слова с ярко выраженной звукоподражательной

составляющей, такие как *бац* и *бах*. Все они воспроизводят звук, а также указывают на мгновенность действия: *И все будет, все будет около меня же круги давать, все суживая да суживая радиус, и – хлоп! Прямо мне в рот и влетит, я его и проглочу-с* (Ф. Достоевский «Преступление и наказание»). С другой стороны, слова типа *хлоп* также описывались Виноградовым как «междометные глагольные формы» (там же) или «глагольно-междометные формы» (там же: 556), которые ограничиваются глагольными основами, обозначают шум, звучание или резкие механические движения, обычно употребляются для обозначения действия в значении совершенного вида в прошедшем времени и имеют яркий экспрессивный оттенок мгновенности, внезапности, иногда произвольности (там же: 554). Утверждалось, что эти слова могут синонимически замещать глаголы в форме прошедшего, настоящего и будущего времени, так как легко приспособляются к контексту (там же: 556). При этом утверждается (там же: 470–471), что они лишены безличного употребления, а категория лица в них выражена аналитически через сочетание с личными местоимениями или именными названиями субъектов действия, что иллюстрируется следующим примером: *Я ее окликнул... а она вдруг хлоп на диван* (А. Писемский «Тысяча душ»). Они занимают промежуточное место между глаголами и междометиями. В «Русской грамматике–60» Виноградов (1960 (1): § 1016) утверждает, что глагольные междометия являются неизменяемыми словами и образуются, когда междометия приобретают значения действия или состояния, сближаясь с глаголами. При этом говорится, что они по форме совпадают со звукоподражательными междометиями и примыкают к ним по своему образованию. Виноградов (1947: 436) также указывает на то, что от междометий, звукоподражаний и слов в омеждомеченном употреблении при помощи суффиксов образуются глаголы: *хихи – хихикать, чав – чавкать, бац – бацать*.

Е.Н. Прокопович (1965: 76–78) называет слова типа *бац*, *скрип* и *шлеп* «глагольно-междометными формами» и делит их на две группы. Слова из первой группы (например, *бац*, *бряк*, *бултых*) связаны со звукоподражательными основами и сочетают в себе глагольные и междометные признаки. В некоторых контекстах

они ведут себя аналогично глаголам (там же: 76): *Да сам опять зубами скрип, да еще трубку распечатал* (Н. Лесков «Очарованный странник»), сохраняя присущее глаголам управление, номинативность в выражении прошедшего времени. В других случаях они ведут себя подобно междометиям (звукоподражаниям), т. е. лишены номинативности и не соотносятся с глаголами прошедшего времени совершенного вида: *Бац, бац, бац, – раздалось в сенях и голос умолк* (В. Слепцов «Трудное время») – и даже могут субстантивироваться подобно междометиям, выступая в функции подлежащего (там же: 77). К тому же эти слова могут употребляться в «особой функции при глагольном сказуемом» (там же: 77), когда не имеют лексического значения: *Пришло это известие, поговорил о нем голова Катерине Львовне, а эдак через неделю бац – из Ливен приезжает старушка с небольшим мальчиком* (Н. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»). Слова из второй группы (например, *верть, кувырк, мах*) преимущественно не связаны со звукоподражаниями и выступают исключительно в качестве глагольных форм: *...он крепится, крепится, наконец, не вытерпит, и вдруг, без картуза, зимой, прыг с крыльца на двор...* (И. Гончаров «Обломов»), обозначают действие, выполняют функцию сказуемого и управляют зависимыми словами (там же: 78). Глагольное и междометное употребление слов из обеих групп, по мнению Прокопович (там же: 76–78; 1969: 31–35), свидетельствует о языковой омонимии. Это еще раз подтверждает наше представление о том, как нужно исследовать подобные единицы.

«Русская грамматика–80» Н.Ю. Шведовой (Шведова 1980 (1): § 1701) называет слова типа *верть, глядь, хватъ* «глагольными междометиями» (междометными глаголами, глагольно-междометными формами), которые «обозначают частые, резкие или стремительные движения и могут служить образцом для окказиональных новообразований». Говорится, что они формируют особую группу непервообразных междометий, совпадая по форме и функциям с первообразными звукоподражаниями типа *бум, грох, хлоп, кувырк*, которые воспроизводят звуки, сопровождающие действия. Преимущественной функцией глагольных междометий типа

прыг, скок, толк, хватъ является функция члена предложения, а именно сказуемого. При этом из контекста зачастую видно, что они имеют значение прошедшего времени совершенного вида однократного действия (там же: § 1705): *Дверью хлоп, ушла...* (Г. Успенский «Нравы Растеряевой улицы»). Глагольные междометия, как и другие междометия, также могут быть синтаксически и интонационно обособленными. Глагольные междометия и междометия звукоподражания в интонационно обособленной позиции между двумя предложениями или внутри простого предложения, точнее, перед его главным членом, вносят значение неожиданности, внезапности, неподготовленности (Шведова 1980 (2): § 2219): *Ты стараешься не забывать того, чему тебя учили, а там – хватъ – оказывается, что это все вздор* (И. Тургенев «Отцы и дети»); *Гостей полон дом, а она, фить! улетела* (Н. Лесков «Некуда»). Что же касается генезиса глагольных междометий, то прямого ответа касательно того, из какой группы, первообразных звукоподражаний или собственно глаголов, пополняется этот класс, «Русская грамматика–80» не дает.

Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов (1987: 192–194) причисляют слова типа *хлоп, бац, шастъ* к особым формам глагола прошедшего времени со внезапно-мгновенным значением. Они означают внезапное, мгновенное действие, передавая определенные характеристики звучания и движения. Эти слова соотносятся с формами однократных глаголов в прошедшем времени с суффиксом *-ну-*, например, *бах – бахнуть*. Им свойственны те же характеристики, что и глаголам прошедшего времени, совершенного вида, изъявительного наклонения. Слова типа *хлоп, бац, шастъ* выражают признаки рода и числа при помощи местоимений. Они также могут управлять зависимыми словами, сочетаются с обстоятельствами и выступают в функции сказуемого. Авторы приводят следующий пример: *Вдруг слышим у двери кто-то звяк в кольцо* (Н. Лесков «Тупейный художник»), из которого видно, что *звяк* выполняет функцию сказуемого, управляет существительным *кольцо*, сочетается с обстоятельством места *у двери*, имеет значение однократного действия в прошлом, а число и род выражаются местоимением *кто-то*. Также утверждалось (там же: 194), что им свойственна многозначность,

то есть они совмещают в себе глагольные: *Он схватил его и трах об землю*, – и междометные значения: *Трах! Раздался треск упавшего дерева*. Кроме того, говорится, что слова типа *трах*, *бух*, *хлоп*, которые часто употребляются в функции сказуемых, произошли от звукоподражаний (там же: 254).

Л.Д. Чеснокова (1991: 186–189) настаивает, что слова типа *брык*, *толк*, *прыг*, *скок* выступают в качестве глаголов ультрамгновенного вида, не являются звукоподражаниями и соотносятся с соответствующими глаголами: *брыкаться*, *толкать*, *прыгать*, *скакать*, а слова типа *бом*, *динь*, *бам* являются звукоподражаниями. Существуют также синкретические (переходные) формы, которые имеют как глагольные, так звукоподражательные характеристики. В одних случаях они ведут себя как глаголы и не являются звукоподражаниями (там же: 187): *Гляжу – медведь. Я бах из ружья. А медведь брык на землю* (Н. Носов «Три охотника»). В других случаях эти слова выступают в качестве звукоподражаний и не являются глаголами (там же: 187): *Бом!.. Звук слетел с колокольни и поплыл ущельем, грустно тая в нём* (М. Горький «Мечь. Параллели»). Вероятно, такие слова все же не полностью лишены эмоциональной окраски, хотя передача эмоций не является их основной функцией.

Все слова подобного типа можно рассматривать на шкале в зависимости их близости либо к междометиям, либо к глаголам. Т.И. Хвостунова (2000: 73) интерпретирует слова типа *виль*, *глядь*, *дерг* в качестве отглагольных образований, которые находятся на периферии глагольной системы. Наиболее характерным является их употребление в качестве предиката. Они рассматриваются как усеченные глагольные формы, несущие характерные для глаголов грамматические признаки вида, времени, залога, наклонения, лица, в том числе рода и числа, выраженные аналитически, ввиду отсутствия словоизменятельных и словообразовательных морфем. Считается, что эти слова преимущественно обозначают действие без каких-либо звуковых ощущений и синонимичны соответствующим глаголам (там же): *Пока шумели, ругались солдаты, гусь юрк (≈ юркнул) между ног и к речке быстрее ходу* (С. Алексеев «Птица-Слава. Рассказы об Отечественной войне 1812 года»). Далее на шкале переходности от глаголов к

междометиям-звукоподражаниям находятся формы типа *бряк, звяк, скрип*, которые в равной степени несут дифференциальные признаки междометий-звукоподражаний и глаголов. Об этом свидетельствует в одних случаях возможность их употребления в качестве звукоподражаний для обозначения звуков, а в других – употребление в том же значении, что и у однокоренных глаголов, а также для обозначения внезапности, неожиданности звукового события (там же: 74): Ср. *Монах остановился, говорить не может, так тяжело ему. Вдруг его у корзины – трах (≈ трахнуло). Из нее на землю баба* (А. Приставкин «Первый день – последний день творенья») и *Трах! – грянул выстрел, и вскочивший на ноги тиролоц шлепнулся на землю* (В. Пикуль «Океанский патруль»). На следующей ступени переходности находятся первообразные звукоподражания, которые не были образованы от глаголов, но вербализировались для обозначения действия. Например, *По лестнице – та-та-та башмаками!* (В. Пикуль «Слово и дело»). Вербализированные звукоподражания-предикаты выступают в качестве омонимов к первообразным звукоподражаниям (там же: 75). Наконец, на другой стороне шкалы переходности, согласно Хвостуновой (там же: 76), находятся первообразные звукоподражания, которые не вербализированы и не выступают в качестве предикатов: *Тик-так, тик-так! – слышал я в узкой серой щели перед тем, как рвануть бомбам* (Н. Грибачев «День две ночи»); «*Цок, цок, цок*» – *цокали по бульжникам каблук патрульных* (Ю. Додолев «Мои погоны»).

Подобно представленным ранее авторам, Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб и М.А. Теленкова (2010: 280) утверждают, что хотя глагольные междометия и являются неизменяемыми словами, совпадающими по внешнему своему виду с междометиями, но, в отличие от них, выступают в функции сказуемого со значением мгновенного действия в прошлом. Звукоподражательные слова также сближаются по виду с междометиями, но не выражают ни чувств, ни волеизъявлений, а являются имитациями рефлексивных восклицаний людей, криков животных и птиц, различных звуков, шумов, явлений природы и т. д. Таким образом, похоже, что столь разнообразное функционирование этих слов объясняется языковой омонимией.

В одном более позднем исследовании глагольные междометия именуются «вербоидами» и характеризуются как класс отглагольных образований, которые лишены флективных и словообразовательных морфем (Nikitina 2012: 165). Подобно обычным глаголам, они могут выполнять предикативную функцию, иметь глагольную сочетаемость с подлежащим, согласовываться с другими глаголами в предикативной функции, управлять зависимыми словами, такими как дополнения (там же: 169–170). В то же время глагольные междометия отличаются от глаголов тем, что являются не символами, а индексами в семиотическом смысле; они не описывают действие, а семантически указывают на него; они обладают необычными фонологическими свойствами; в их морфологической форме отсутствуют флективные и словообразовательные морфемы; они редко используются в вопросительных, отрицательных или придаточных предложениях; и они почти никогда не выступают в роли инфинитивных дополнений (там же: 173–174). Хотя Т. Никитина (там же: 165) считает глагольные междометия производными от глаголов, она признает, что их чувствительность к ряду грамматических ограничений не позволяет интерпретировать их как усеченные формы глагола. Она не комментирует статус звукоподражательных междометий, но относит их к разряду глагольных междометий как слов, «представляющих действия, сопровождаемые характерным звуком» (там же: 168). Здесь можно снова поставить вопрос о том, что важнее в значении таких слов, действие или звук.

Г.С. Мхитарьян (2016: 66–68) относит русские слова, такие как *чирк* и *хрусть*, к «глагольно-междометным формам» и утверждает, что они могут выражать междометные, глагольные и звукоподражательные признаки благодаря омонимии между тремя классами. Особое место он отводит глагольно-междометным формам в силу их способности обозначать действие и функционировать в качестве сказуемого. Подобно Никитиной (Nikitina 2012), Мхитарьян (2016) утверждает, что глагольно-междометные формы являются глагольными образованиями, которые представляют собой особую форму глагола. Учитывая, что для данных слов не характерна аффиксация, грамматические характеристики вида, наклонения, времени, лица и числа у них

проявляются синтаксически. Мхитарьян (там же: 77) приводит следующий пример: *Приближаясь к болонке, беру деликатно за шворот и шварк ее за окошко... Только взвизгнула* (Ф. Достоевский «Идиот»), в котором слово *шварк* выполняет функцию сказуемого и, судя по предшествующему глаголу *беру*, относится к первому лицу единственного числа, вследствие чего мы делаем вывод, что оно, вероятно, отражает несовершенный вид и изъявительное наклонение настоящего времени. В работе также говорится о том, что в семантике этих слов аналогичным образом заложены такие смысловые нюансы, которые свидетельствуют о способе совершения действия.

В большинстве рассмотренных выше работ используются примеры из художественной литературы XIX века, на основе которой построены главные русские грамматики. Однако это совсем не тот материал, который актуален для нашего исследования: это не устная речь, не современный язык, не точная запись. Таким образом, нельзя сказать, что исследования прошлого на самом деле были обращены на живую речь, а ведь междометия и звукоподражания, предположительно, должны быть типичны именно для нее.

Мнение о том, что слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* имеют отглагольное происхождение, заслуживает внимания, но проблема состоит в том, что в этом случае между глагольными междометиями и звукоподражательными междометиями подразумеваются диахронические различия. Подобное утверждение исключало бы возможность многозначности или языкового синкретизма. Следует отметить, что некоторые ЗГМ лишь отдаленно указывают на действие (например, *фью-фью*, *тю-тю*), а другие вообще не имеют соответствующей глагольной формы (например, *бум*, *буль*, *шасть*, *ам*, *ом*) или имеют только возвратный глагол в качестве потенциального эквивалента (например, *бултыхнуться*, *плюхнуться*).

Ряд более поздних исследований показывает, что более целесообразно рассматривать глагольные междометия и звукоподражательные междометия вместе. Даже в качестве предикатов слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* часто продолжают имитировать звуки (Канерва, Виймаранта 2018: 92). Й. Виймаранта и М. Вихервя (Viimaranta, Vihervä 2019), ссылаясь

на когнитивных лингвистов (Shams 2010; Schürmann 2010; Spence 2010; Wallace 2010; Zellner 2010), настаивают на том, что системы восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус) пребывают в тесной связи друг с другом и не функционируют изолированно.

На наш взгляд, чтобы сделать решительный вывод о том, к какому морфологическому классу относятся рассматриваемые слова, необходимо обратить внимание на их синтаксические характеристики. Морфосинтаксическое поведение русских звукоподражательных междометий, в свою очередь, зависит от того, какой признак преобладает в данном контексте в силу их сложного характера, а именно, как проявляется их принадлежность и к звукоподражательным словам, и к глагольным междометиям (Kanerva 2018: 21). В частности, в синтаксически изолированных позициях они могут либо отображать естественные звуки подобно звукоподражаниям, либо указывать на отношение говорящего к языковой ситуации подобно междометиям (Kanerva 2019: 259–260). В дополнение к этому слова типа *бах*, *плюх* и *звяк* приобретают наречные признаки образа действия, в частности, указывая на стремительность или неожиданность действия, а также на то, что говорящий удивлен происходящим (там же: 260). Многообразие прагматических функций, выполняемых ЗГМ, не сводится только к выражению эмоциональных реакций. Корпусный анализ, как мы увидим ниже, показывает, что эти слова, как и междометия, несут и другие контекстуально обусловленные функции в дискурсе, например, квазиреферентную, фатическую, поэтическую и металингвистическую (Kanerva 2020).

2.2 МЕЖДОМЕТНАЯ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ

2.2.1 Языковой статус звукоподражаний

Следует обозначить, что внеязыковой звук отличается от ментального представления о нем в сознании говорящих. Звуки окружающего мира существуют вне зависимости от воли познающего субъекта в объективной действительности.

Чувственное восприятие акустических сигналов продиктовано видовыми физиологическими особенностями строения органов чувств человека; оно разнится от индивида к индивиду (см. Kidd et al. 2007; Fuchs et al. 2015; Kurthen et al. 2020). Субъективным является то, как каждый отдельно взятый индивид обрабатывает эти сигналы, преобразовывая их в ментальные представления о звуках окружающей действительности. При этом связь между мысленным образом и реальным объектом (референтом) сохраняется, она закреплена в системе языка и мотивирует фонемный состав звукоподражательных слов. В частности, исторически закрепленные за определенными звукоподражаниями буквенные символы могут входить в состав словарей.

Воспроизведение природных шумов в речи, с одной стороны, продиктовано желанием сохранить связь между формой и значением, а с другой стороны, подвергается давлению фонетической системы каждого конкретного языка. Баланс между этими двумя видами воздействия находит свое проявление в звучании звукоподражаний. Номинация одних и тех же природных шумов зачастую сильно отличается в разных языках, но при этом в каждом из них те лингвистические знаки, которые активно употребляются в речи, должны быть общепринятыми, т. е. обладать необходимым уровнем условности, чтоб быть понятными всем носителям языка. Наконец, существуют звукоподражания, которые находятся на разных стадиях процесса конвенционализации. Одни состоят из необычных звуков, но стремятся максимально точно отобразить звуки окружающей действительности, а другие образуются от общепринятых звукоподражаний в результате языковых игр с целью создания новых оттенков значений и поэтизации высказываний.

Существуют различные способы передачи звука: его можно описывать (*высокий, пронзительный, протяжный звук, низкий, прерывистый, влажный шепот, грубое, навязчивое тарактенье*), в том числе с помощью сравнения или метафоры (*как будто лопнула струна, как если бы кто-то водил ножом по сковородке, подобный падающему в траву яблоку*) или воздействия на человека (*от ее пения болит голова, внутри все дрожит, от таких звуков хочется ползть на стенку,*

вырастают крылья). Однако можно постараться найти в арсенале звуков, свойственных описываемому языку или необычных для него, такие звукосочетания, которыми можно заменить более подробные описания (Журковский 1968). Одним из способов экономии языковых средств является использование звукоподражаний.

Собственно говоря, звукоподражания можно охарактеризовать как «условные преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом» (Шведова 1980 (1): 731). Шанский и Тихонов (1987: 253–254) также характеризуют звукоподражания как класс неизменяемых слов, которые воспроизводят звуки, издаваемые человеком, животными и предметами. Считается, что в основе лексического значения звукоподражаний лежит мотивированность их фонетического состава в том плане, что эти слова воспроизводят звуки окружающей действительности посредством своего собственного звучания.

Оксфордский словарь английского языка (Bas 2014) определяет звукоподражание как образование слова посредством имитации звука, ассоциируемого с называемым предметом или действием. При этом термин «звукоподражание» расширяется до других форм символики звука, когда звукосочетаниям присваивается определенное значение по существующему среди лингвистов и пользователей языка общему соглашению. Распространенным является мнение о том, что звукоподражательное слово, согласно некоей лингвистической договоренности, считается акустически подобным звукам внеязыковой действительности, к которым они относятся (Guillaume et al. 2011: 271 со ссылкой на Pharies 1979). Произвольные звуковые имитации в свою очередь обладают большей свободой выражения и стремятся быть акустически уподобленными оригинальным звукам, которые они отображают.

Согласно Р. Родс (Rhodes 1994: 278), существует три основных типа отношений между формой и значением, которые возникают в лексике применительно к звуку: истинное подражание звукам, звуковой символизм и условное наименование объектов. Истинные звукоподражания представляют собой прямое соответствие между акустическими особенностями самого звука и

фонологическими особенностями слова, обозначающего этот звук (там же: 279). Их можно разделить на «дикие» (wild) и «прирученные» (tame) в зависимости от соответствия между их фонологическим составом и значением. Дикие формы состоят из необычных звуков, используемых для максимально точного воспроизведения оригинальных шумов. Как правило, они не приводятся в словарях. Они иконичны, а их форма напрямую мотивирована внеязыковой действительностью. Они слабо интегрированы в языковую систему, экспрессивны и представляют собой неконвенциональные звукоподражания. Конвенционализованные звукоподражания, в свою очередь, являются условными языковыми формами, отображающими звуки окружающей действительности или звуковые образы при помощи своего фонологического выражения (Крук 1992: 198).

Следовательно, звукоподражания можно охарактеризовать как языковые единицы, форма которых, во-первых, мотивирована звучанием исходных природных шумов, которые они имитируют, а во-вторых, подчинена закономерностям фонологической системы языка, а также некоторому исторически существующему среди лексикографов и писателей договору, делающему их понятными для всех носителей определенного языка. Об этом же говорят Шанский и Тихонов (1987: 253) в отношении общепринятых звукоподражаний, зачастую внесенных в словари, значение которых понятно носителям языка вне контекста. Они принадлежат к коллективно осмысленным языковым знакам и функционируют в языке как полноценные слова. При этом употребление лексических единиц типа *тик-так*, *пиф-паф*, *гав-гав* в письменных текстах и языке взрослых отличается от вторичного наименования предметов или животных, звуки которых эти слова воспроизводят, в речи детей или речи, обращенной к детям, например, *принеси тик-так* (там же).

Итак, звукоподражания воспроизводят как производимые одушевленными субъектами и объектами, так и неодушевленными субъектами и объектами звуки окружающей действительности. При этом они бывают конвенциональными и неконвенциональными, разнясь уровнем интеграции в языковую систему. На наш взгляд, как раз противопоставление мотивированности и произвольности слов типа *бац*, *плюх* и *звяк*

значительно усложняет языковую идентификацию этих слов. Перед тем как мы сможем приступить к обсуждению этого вопроса, обратимся к общей классификации звукоподражаний. Рассмотрим несколько наиболее распространенных подходов.

А.М. Газов-Гинзберг (1965: 15–26) предлагает распределять неизменяемые звукоизобразительные слова по типам звуковых объектов, к которым они относятся:

1) подражания естественным шумам, которые производит человеческий организм в процессе жизнедеятельности (*фу(к)*, *пы(х)* – «дуновение ртом»; *фу*, *фи* – «недовольный выдох»; *чмок* – «чмоканье»; *ам*, *гам*, *хам* – «хватание ртом»; *брр* – «брезгливая дрожь губ»; *чхи*, *апчхи* – «чиханье»; *кхе(к)* – «кашель»; *хрр* – «храп»; *хо-хо*, *хихи* – «смех»; *ах* – «вздых, выражающий чувство»; *ох*, *ой*, *ооо* – «стон»; *а-а-а*, *э-ге-ге* – «крик, вопль»; *фьють* – «свист»; *шушу* – «шепот, шушуканье»; *ммм*, *хи*, *гм* – «молчание»; *тсс*, *цыц*, *шши* – «призыв к тишине»; *гоп*, *хоп* – «резкий вдох при прыжке»; *брр* – «звук при дрожи губ»);

2) подражание голосам животных (*ррр* – «рычание»; *му* – «мычание»; *бээ* – «блеяние»; *и-го-го* – «ржание»; *ав-ав* – «лай»; *мяу(к)* – «мяуканье»; *чик-чирик* – «щебетание, чириканье»);

3) подражания звукам неживой природы (*топ* – «топанье»; *хап*, *цап* – «хватание»; *шлеп* – «удар ладонью»; *тук*, *трах* – «стук (удар жестких незвонких предметов)»; *чик*, *жик* – «быстрое разрезание»; *пук* – «звук лопающегося предмета»; *буль* – «бульканье»; *кап* – «звук падения капель»; *фррр* – «порхание»; *ззз* – «жужжание»; *дзинь*, *дин-дон*, *бом*, *бум* – «звяканье»).

В вышеприведенной классификации реализован принцип учета устройства окружающего мира, данного человеку в ощущении, но ничего не говорится о восприятии звуков человеком, их эмоциональной окрашенности и дополнительных коннотациях.

Классификация С.В. Воронина (Воронин 1982: 44–59) по типам акустического денотата делит звукоподражания (ономатопы) на три класса: А. 1) инстанты (удары) – сверхкраткие тоновые или шумовые звуки, которые воспринимаются человеческим ухом как акустические удары (рус. *тук-тук*, англ. *tap*, индонез. *tuk*, бирм. *khok*, япон. *tataku* – «стук»); Б. континуанты (неудары): 2)

тоновые континуанты – тоновые протяжные звуки в чистом виде (англ. *beep*, рус. *ту-у-ту-у*, нанайск. *ту-у*, индонез. *dengung* – «гудки или звуки сирены»); 3) чисто шумовые континуанты – продолжительные шумы в чистом виде (осет. *syf-syf*, япон. *su-su*, венг. *susogni* – «шелест»); 4) тоношумовые континуанты – протяженные во времени слитные звуки, в которых, кроме шумового неудар, присутствуют тоновые элементы (баш. *byz*, англ. *buzz*, осет. *baez-baez* – «жужжание»); В. фреквентативы (серии ударов): 5) фреквентативы-квазиинстанты – очень короткие последовательности ударов, которые хоть и не сливаются в один, но почти не ощущаются отдельно (англ. *crack*, индонез. *rik*, фин. *rytistä*, киргиз. *чарт* – «треск»); 6) чистые фреквентативы – серии ударов, напоминающие дрожание (англ. *b-r-r*, чуваш. *тыр*, баш. *tur* – «вибрирующие дрожачие звуки»); 7) фреквентативы тоновые квазиконтинуанты – тоновые квазинеудары, в которых вместе с чистым диссонансом ощущаются элементы тонового неудар (англ. *scream* «визг, скрип», баш. *lar(r)* – «рев», индонез. *deru* – «вой»); 8) фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты – чисто шумовые квазинеудары, в которых вместе с чистым диссонансом присутствуют элементы чисто шумового неудар (индонез. *ras*, баш. *šyptyršyptyr*, бурят. *шар-шар* – «шуршание листьев»); 9) фреквентативы тоношумовые квазиконтинуанты – тоношумовые квазинеудары, которые вместе с чистым диссонансом вмещают элементы тоношумового неудар (англ. *frizz* «шипение с потрескиванием при жарке»).

Комбинации акустических признаков денотата формируют два гиперкласса (там же: 59–66): АБ. Инстанты-континуанты: 10) тоновые «послеударные» инстанты-континуанты – удары, за которыми следуют вызываемые ударом, тоновые неудары (англ. *tang*, бурят. *тинн*, япон. *chon* – «звонкий удар»); 11) чисто шумовые «послеударные» инстанты-континуанты – удары с последующими чисто шумовыми неударами (рус. *пиф-паф*, англ. *piff* – «выстрел», узб. *пиш* – «проколовшаяся шина»); 12) чисто шумовые «предударные» инстанты-континуанты – удары, которым предшествуют чисто шумовые неудары (рус. *хлесь*, бурят. *шаб*, индонез. *sit* – «хлыст»); 13) тоношумовые «предударные» инстанты-континуанты – удары, которым предшествуют

тоношумовые неудары (англ. *zip*, башкир. *wyžt* – «рассекание воздуха»); 14) чисто шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты – удары, которым предшествуют чисто шумовые неудары, а после которых идут вызываемые ими тоновые неудары (англ. *thump* – «шлепнуться в грязь»); 15) тоношумовые-тоновые «предударно-послеударные» – удары, которым предшествуют тоношумовые неудары, а после которых идут вызываемые ими тоновые неудары (англ. *zank* – «звонкий свистящий, коротко звенящий удар»); ВАБ. Фреквентативы-инстанты-континуанты: 16) тоновые «послеударные» квазиинстанты-континуанты (рус. *трень*, англ. *strum* – «вибрирующий звук струны»); 17) чисто шумовые «послеударные» квазиинстанты-континуанты – квазиудары с последующими чисто шумовыми неударами (тадж. *карс-карс*, башк. *görş* – «звуки при жевании»); 18) чисто шумовые «предударные» квазиинстанты-континуанты (англ. *flirt* – «махать веером, флиртовать»).

В рассмотренной классификации также доминируют природа и характеристики звуков, а антропологический аспект восприятия практически не участвует в описании, за исключением некоторых случаев констатации вторичных значений.

С.С. Шляхова (2006) с опорой на типологию ономапов Воронина (Воронин 1982), предлагает распределять фоносемантические единицы русского языка по уровню значимости фонетического компонента и типу фоносемантических связей. В ее систему входят: 1) звукоподражательная подсистема; 2) звукоименная; 3) взаимосвязь, порожденная действием деривационного принципа формального и семантического развития языка. Звукоподражания (ономапы), в основе номинации которых лежит произвольная связь между звуковыми характеристиками фонем слова и звуковыми параметрами денотата, обработанными в слуховой модальности человека, в свою очередь делятся на: 1) акустические; 2) артикуляторные; 3) говорения; 4) подражания голосам птиц и животных; 5) слова клича и отгона птиц и животных. Эта классификация кажется нам наиболее развернутой, поэтому мы рассмотрим ее более подробно.

Акустические ономатопы при помощи своего фонемного состава воспроизводят неартикуляторные звучания окружающей среды. По типу соотносимости с денотатом Шляхова (2006) делит акустические ономатопы на три класса: А. 1) Инстанты (*тук, тяп, кап-кап*); Б. Континуанты: 2) тоновые континуанты (*ду-ду, ту-туууу* – «гудок»; *тию-тию-тию* – «пуля»; *на-на, ля-ля* – «пение»); 3) чисто шумовые континуанты (*пши-ш-ш* – «сыплющийся песок»); 4) тоношумовые континуанты (*дз-з-з* – «комар»); В. Фреквентативы: 5) фреквентативы-квазиинстанты (*бряк* – «удар, падение»; *трик-трик* – «пишущая машинка»); 6) чистые фреквентативы (*бурл-бурл* – «бурление»; *гр-р-р, р-р-р* – «гром»); 7) фреквентативы тоновые квазиконтинуанты (*карр-карр* – «ворона», *скрип-скрип* – «скрип»); 8) фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты (*чирк, хрусь, хруп* – «хруст, треск»; *шир-шир* – «пила»); 9) фреквентативы тоношумовые квазиконтинуанты (*рузы-разы* – «звук работающего комбайна»).

Комбинации признаков этих трех классов формируют еще два гиперкласса: АБ. Инстанты-континуанты: 10) тоновые «послеударные» инстанты-континуанты (*боум-боум, длянть, дзинь* – «металлические удары»); 11) чисто шумовые «послеударные» инстанты-континуанты (*пиф-паф, бабах* – «выстрел, взрыв»); 12) чисто шумовые «предударные» инстанты-континуанты (*шлеп, хлесть, шмяк* – «удар»); 13) тоношумовые «предударные» инстанты-континуанты (*вжик* – «звук рассекаемого воздуха или застежки»; *звяк* – «металлический звук»); 14) чисто шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты (*бумкс* – «удар»); 15) тоношумовые-тоновые шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты (*дзен, дзинь* – «удар о металлическое или стеклянное»); ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты: 16) тоновые «послеударные» квазиинстанты-континуанты (*трень-брень* – «струнный музыкальный инструмент»; *трам-трам* – «фортепиано»); 17) чисто шумовые «послеударные» квазиинстанты-континуанты (*трах-тарарах, трах-тах-тах* – «выстрел, взрыв, удар»); 18) чисто шумовые «предударные» квазиинстанты-континуанты (*шварк* – «резкий бросок, удар»; *шорк, шарк* – «трениние»).

Артикуляторные ономатопы, которые при помощи своего фонемного состава отображают как рефлекторные (сопровождающие ощущения), так и нерелекторные (сопровождающие эмоции) звуки, производимые носом, ртом и гортанью человека, по месту формирования звука делятся на три класса: 1) носовые (собственно носовые: *шмыг, шмырь* – «втягивание носом воздуха»; носогорловые: *фырк, фр* – «фырканье»; *хрр-хрр* – «храп»); 2) ротовые (ротоносовые: *свись, фью, фьюить, фить, фюйтть, фию, фиу* – «свист»; *пчих, апчих, чих, чхи, пчих* – «чихание»; собственно ротовые: *чуп-чуп, чмок-чмок* – «сосание»; *швыр, чувыр* – «всасывание жидкости ртом»; *тьфу, тфу* – «плевание»; *цок-цок* – «цоканье (языком)»; *чавк, ням* – «смакование»; *щелк, клац* – «щелканье»; *чав-чав, чам, чвок* – «чавканье»); ротогорловые: *фук, фуу, хуу, фу, пфу, пфф, ух, уф, эх* – «дуновение ртом»; *хуу, охх, уфф, пф* – «вдох или выдох»; *фук, фить* – «дыхание с присвистом»; *а-а-а, о-о-о, у-у-у, э-э-э, о-о-ой, ы-ы, и-и-и, иы* – «плач, вой»; *ва* – «громкий крик»; *га, о-о-о* – «рев»; *а-а-а, и-и-и* – «пронзительный крик»; *ха-ха, хо-хо, га-га, гы-гы, хе-хе* – «смех»; ротоносогорловые: *ам, хам, гам* – «кусание»; *а-а-а* – «зевота»; *а-а-а, о-о-о* (часто с назализацией), *ах-х* – «стон»; *хны, хню* – «хныканье»; *хи-хи, хе-хе* – «хихиканье»; 3) горловые (горлоротовые: *глы-глы, гыл-гыл* – «глотание»; собственно горловые: *ик-ик* – «икота»; *кхе-к, кахи-кахи* – «кашель»; *крех-крех, рех, ых* – «жиление»; *гек, гок, хоп, раз* – «резкое движение»; *эк, бэ* – «рвота»).

Ономатопы говорения отличаются от акустических и артикуляторных ономатопов тем, что они являются нерелекторными имитациями процесса речи, обработанного в слуховой модальности человека, произведенного при помощи органов артикуляции и не привязанного к конкретному смыслу сказанного (*бурк-бурк, ля-ля-ля, тары-бары, бр-бр, шу-шу, тю-тю-тю*). Они представляют процесс речи с точки зрения его физиологических, акустических и других характеристик.

Подражания голосам животных и птиц, с одной стороны, являются внешними звучаниями по отношению к человеку, а с другой стороны, могут рассматриваться в рамках артикуляторной ономатопии, так как произносятся самими животными в качестве рефлекторных и нерелекторных шумов. Их условно можно

разделить на подражания голосам диких животных (*у-у-у* – «вой волка»; *р-р-р* – «рычание»; *ква-ква* – «лягушка»), подражания голосам домашних животных (*гав, ску-ску, тяф* – «собака»; *мур, мяу, урлы-мурлы* – «кошка»), подражания голосам диких птиц (*чив-чив*), подражания голосам домашних птиц (*кукареку* – «петух»; *ко-ко-ко* – «курица»; *бе, ме* – «овца»), звучания насекомых (*цвирк* – «сверчок»), другие звучания фауны.

Слова, обращенные к животным, рассматриваются Шляховой (там же: 87–90) отдельно от вышеперечисленных групп. Они делятся на подзывные (*цып-цып, кис-кис, ути-ути*), слова отгона (*брысь, кыш*) и команды животным (*фас, тпру*). Целью использования этих слов является регулировка поведения животных.

Несомненно, что большинство носителей русского языка не встречались в своем речевом обиходе со всеми вышеприведенными звукоподражаниями и не готовы признать каждое из них частью языка. Эта выборка остается на совести автора. Мы полагаем также, что носители языка необязательно адекватно, с точки зрения Шляховой (Шляхова 2004: 207), могут идентифицировать источник звука так же, как делает она (например, *шип-шип* как звук пилы). Напротив, они вполне могут предложить другие, собственные варианты звукоподражаний для наименования определенных естественных звуков. В то же время мы уверены, что классификация не изменится от того, что ее будут наполнять другие примеры.

С позиции фоносемантики (Воронин 1982; Петренко 2005; Шляхова 2018; 2019; 2020), способность слов имитировать разнообразные звучания окружающего мира обсуждалась применительно к звукоподражаниям. Другие свойства денотата, помимо акустических, воспринимаемые органами чувств и лежащие в основе номинации слов, оценивались в рамках понятия символики звука. Основу звуко-символической подсистемы составляет мотивированная связь между формальным выражением слов и признаками денотата, которые воспринимаются человеком в любой другой модальности, кроме слуховой. При этом информация, поступающая в мозг через разные модальности восприятия, в том числе зрительную, осязательную, вкусовую, обонятельную и проприоцептивную,

находит свое психофизиологическое проявление в произвольных реакциях человеческого организма и мотивированном выборе фонем для ее передачи. Слуховые, кинестетические, визуальные и другие типы ощущений пересекаются, что было подтверждено другими исследованиями по символике звука (Cuskley et al. 2019; Burghoorn et al. 2019). Согласно Карцевскому (Карцевский 1984: 129), это в особенности касается процесса фонации, возникающего под воздействием эмоций и находящего свое проявление в изменениях тона голоса, мимике и жестах, а также в выборе фонем. Таким образом, не только акустические, но и другие сенсорные характеристики внешнего денотата, а также ограничения, накладываемые внутренними реакциями организма, влияют на фонологическое выражение фоносемантических единиц.

Вернемся к основным положениям фоносемантической теории Воронина (Воронин 1982). Важным является мнение о том, что комплексность денотата, его сложность для восприятия находит свое отражение в сложности фонемной оболочки слова, его представляющего. Фундаментальную роль в процессе номинации играют явления синестемии (звуко-цветовой ассоциативности), когда информация, поступающая от денотата, действует на конкретный орган чувств, при этом вызывая и эмоциональную реакцию, и синестезии (совместного ощущения), в случае которой под воздействием раздражителя, действующего на одну сенсорную систему, возникают впечатления, типичные также и для другой сенсорной системы (там же: 71–87).

Уделяя обширное внимание фоносемантическим аномалиям русского языка, Шляхова (2006: 92) утверждает, что лишь небольшая часть исследуемых ею языковых единиц, около 18%, может передавать информацию от других сенсорных подсистем, но в таком случае мы также должны обратиться к понятию символики звука. Согласно Шляховой (там же: 92–103), звуко-символическая подсистема отличается от звукоподражательной тем, что, кроме выражения звуковых характеристик денотата при помощи фонемных средств языка, слова из этой подсистемы сигнализируют об информации, поступающей от других модальностей восприятия. Таким образом, кроме имитации звуков, фоносемантические единицы в

русском языке могут указывать на: 1) физическое состояние (*брр* – «озноб»); 2) эмоциональное состояние (*ага* – «радость»; *эм* – «недоумение»); 3) эмоциональную оценку (*ай да* – «одобрение, похвала»; *бр-р* – «брезгливость, презрение»); 4) движение, действие, передвижение, отражающие «незвучащие» характеристики (*жух, гыш* – «стремительное движение»); 5) интеллектуальное и психическое состояние/действие (*ага* – «узнавание»; *лючи-лячи* – «опьянение; непролазная грязь»).

В рамках подхода к разделению фоносемантических языковых единиц на такие, которые преимущественно имитируют звуки, и такие, которые передают информацию, вызывающую смежные сенсорные или эмоциональные реакции, возникает вопрос о правомерности причисления слов, способных не только имитировать звуки, но и указывать на действие или когнитивное состояние говорящего, к звукоподражаниям. На изучение этих слов и направлено наше исследование. Прежде чем постараться дать однозначный ответ на вопрос, к какому классу относятся слова типа *бах, плюх* и *звяк*, рассмотрим класс слов, для которых способность передавать эмоции неоспорима. Приступим к обсуждению междометий.

2.2.2 Языковой статус междометий

В истории языка было предложено множество определений междометий. Б. Хайне и др. (Heine et al. 2013: 171) характеризуют их как «неизменяемые и синтаксически независимые языковые формы, которые зачастую указывают на смену эмоционального или когнитивного состояния говорящего» (перевод наш). Характерной чертой междометий считалось их использование исключительно для выражения эмоций. При этом указывалось, что они относятся к разным типам психических реакций, а их появление в речи связано с определенным настроением, желанием или отношением, которое в данный момент испытывает говорящий (Gardiner 1932: 316).

Более ранняя интерпретация междометий рассматривала их преимущественно как синтаксическую, а не лексическую категорию. Некоторые ученые считали их «сокращенными предложениями» (contracted sentences, Lewis 1970: 12); «не

составляющими частями предложения, а их эквивалентами» (not sentence constituents, but sentence equivalents, Cuenca 2000: 31) или «подчинительными предложениями» (minor sentences, Bloomfield 1933: 176). Традиционно считалось, что междометия выполняют экспрессивную функцию и находятся за пределами языка (Révész 1946). А.И. Смирницкий (1959: 392) настаивал на том, что междометия отличаются от знаменательных слов тем, что они в основном выражают чувства, лишены какого-либо денотативного значения и являются синтаксически изолированными языковыми формами. Уже в 1920-х годах О. Есперсен (Jespersen 1925: 90) признавал, что решающим условием для отнесения междометий к таковым является их способность выступать в качестве самостоятельного законченного высказывания; в противном случае их следует относить к другим классам слов. Он также различал первичные и вторичные междометия, не давая им такого названия, и утверждал, что слова из первой группы способны содержать звуки, которые не встречаются в обычных словах, а слова из второй группы звучат так же, как обычные, и используются в качестве междометий.

В ряде других работ общая интерпретация междометий расширилась до восприятия этих языковых единиц как особой лексической категории. Р. Якобсон (Jakobson 1960) определял междометия как эмоциональные слова, которые ориентированы на говорящего и выражают его отношение к языковой ситуации. «Русская грамматика–80» (Шведова 1980 (1): 731) характеризует их как «класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность». Другие ученые также определяют междометия как «общепринятую лексическую форму, которая (обычно) сама по себе выступает в качестве высказывания, (как правило) не формирует конструкций с другими классами слов, (зачастую) односложная, и (в основном) не содержит словоизменятельных словообразовательных морфем» (Wilkins 1992: 124) (скобки использованы в оригинале, перевод Канерва 2018). Из этого определения следует, что характерной особенностью междометий является склонность к

морфологической простоте. Следует уточнить, что выражение «морфологическая простота» касается отсутствия аффиксов и не относится к повторению слогов. Далее, из определения следует, что для передачи смысла междометия должны обладать определенным уровнем условности. Эта особенность задает их специфичность для разных языков. Наконец, междометия, как правило, являются синтаксически независимыми.

Типологически принято считать, что междометия зачастую характеризуются наличием в их составе необычных звуков, и это широко распространенное явление. Ф. Амека (Амека 1992: 112–113) утверждает, что некоторые междометия состоят из звуков, которые не встречаются больше нигде в языковой системе. Анализируя русские междометия, В.В. Виноградов (1947: 31) выделял такие типичные черты междометий, как специфический интонационный контур, синтаксическая неорганизованность, морфологическая неделимость, аффективная окраска и связанность с жестами; эти свойства эффективно отделяют междометия от других слов. Таким образом, выразительность междометий можно интерпретировать не только с позиции их способности указывать на эмоции: другими формами ее проявления оказываются интонация, жесты, нетрадиционные для системы данного языка звуки или их неожиданная комбинация.

Проиллюстрируем дискутируемое положение примерами, взятыми из устного корпуса НКРЯ, в которых варианты произнесения достаточно конвенционального междометия *брр*, *бр-р*, *бр-р-р*, *бр-бр* – все помечены как нелексические единицы.

(1) *Слушай/ а не бросить ли мне тебя в котёл/ чтоб ты там кипел и бр-бр/ бр-р/ и бурлил?* (И. Доукша, М. Бузинова, Э. Успенский, Х. Мякеля, М. Муат, Л. Сурикова «Дядюшка Ау», м/ф, 1979).

(2) *Уй/ это вообще ужасно/ наверное. Приходят какие-то непонятные люди... бр-р.* (Телефонный разговор, 2006).

(3) *Я и не заметил/ как мы забрели на территорию этого проклятого прокурора! Вдруг... что-то... бр-р-р! Рябчик!* (Я. Фрид, М. Вольпин, Н. Эрдман «Летучая мышь», к/ф, 1979).

(4) / *Хоть я пока и очень молод/ Хоть в полушубок я одет/ Но/ бр-р-р/ какой собачий холод!* (Л. Люстерник, В. Дувакин «Беседа с Л. Люстерником», 1970).

(5) *А те говорят бр-бр на своих варварских наречиях* (Н. Басовская. Зарождение средневековой цивилизации Западной Европы. Проект Academia // ГТРК «Культура», 2010).

(6) *Ж-ж-ж/ не глушил – не глушил/ домой собрался/ бррр/ сдох/* (Разговоры во время празднования дня рождения на острове на Волге, 2002).

(7) [Извозчик, муж] *Б-ррр!* [Останавливает лошадь] (А. Герман, Э. Володарский. «Проверка на дорогах», к/ф, 1985).

На первый взгляд может показаться, что все они являются вариациями одной и той же формы *бр*, но из контекста видно, что они не только обладают самостоятельным значением, но и в каждом случае само значение у всех этих слов разное: 1 – «бурление»; 2 – «отвращение»; 3 – «звуки передвижения птицы рябчика»; 4 – «содрогание от холода»; 5 – «имитация акта говорения»; 6 – «звук мотора»; 7 – «команда лошади остановиться». Общим для всех случаев является то, что все междометия состоят из согласных без гласных, причем мы можем предполагать, что степень участия губ в их произнесении разная и что произнесение сопровождается жестами: передергиванием и/или подъемом плеч, трясением головы. Все они демонстрируют своеобразное интонационное, морфологическое и синтаксическое оформление. Эти лингвистические единицы не изменяются, построены из корневых морфем, которые полностью или частично редуцируются. Некоторые из них отделены паузами в речи от других высказываний или их частей. Они синтаксически подвижны, контекстно-зависимы и образуют отдельные предложения или их части, а некоторые встроены в линейную структуру предложения. Традиционно все эти слова были бы отнесены к междометиям на основе вышеперечисленных характеристик, которые качественно отличают их от всех остальных классов слов.

Таким образом, слова из примеров (1–7) отвечают формальным требованиям, выдвигаемым к междометиям, а в особенности к их морфологическим характеристикам. Как говорилось ранее, построение из корневых морфем и отсутствие аффиксов – характерная черта междометий. Действительно, каждая из рассматриваемых языковых единиц не содержит никаких морфологических показателей. Способность к повторению слогов является универсальной и часто упоминаемой особенностью междометий (см. Шведова 1980; Чеснокова 1991; Крук 1992; Wierzbicka 2003; Серeda 2005). Следует подчеркнуть, что способы изменения формального облика междометий русского языка разнообразны. Они могут проявляться в удвоении или утроении конечных слогов, например, *эгеге, эхехе* (Шведова 1980: 733), повторении отдельных звуков и звуковых комплексов, например, *ой-ой-ой* (Чеснокова 1991: 183), перестановке гласного и согласного в первом компоненте междометия, например, *ох-хо-хо, ах-ха-ха* (Серeda 2005: 16), удлинении гласных или согласных, например, *бррр, тсс*. Некоторые междометия способны принимать уменьшительно-ласкательные суффиксы и после них – окончания множественного числа, например, *охохонюшки, баиньки, агушеньки*.

Сложность лингвистической идентификации слов из примеров (1–7) состоит в том, что каждое из них номинирует совсем разные процессы и явления. Обратимся к классификации междометий, чтобы определить, каким набором ядерных семантических характеристик должны обладать междометия. Сравнивая междометия в разных языках, А. Вежбицкая (Wierzbicka 2003) делит их на три группы: 1) эмотивные, которые служат для выражения эмоций (пол. *fu*, англ. *yuk*, рус. *фу* – «отвращение»), 2) волитивные, которые побуждают к действию и могут быть обращены к животным (пол. *prz*, рус. *мпру* – «приказ лошади остановиться») или людям (пол. *sza*, англ. *psst* – «призыв к тишине»), 3) когнитивные, выражающие ментальное состояние (рус. *ага*, пол. *aha* – «указание на то, что человек что-то вспомнил»).

«Русская грамматика–80» (Шведова 1980 (1): 731–733) делит междометия по составу на две большие группы:

1) первообразные, не имеющие связей со знаменательными частями речи (*ах, ой, ого, тьфу, фи, фпрр, ха*);

2) непервообразные, формы которых могут соотноситься с теми или иными формами как знаменательных (существительное: *батюшки, господи, матушки*; глагол: *здравствуйте, подумаешь, помилуйте, брось*; местоимение: *то-то, эка*; наречие: *полно, долой*), так и служебных частей речи (частицы и союзы: *ну, однако*).

По семантическим функциям междометия распределяются на три группы (там же):

1) междометия, обслуживающие сферу эмоций, которые выражают конкретные эмоциональные реакции (*браво, гм, господь с тобой, фу, увы*) или комплексные когнитивные состояния (*ну, ого, ужас, вот это да, матушки*);

2) междометия, обслуживающие сферу волеизъявлений, которые могут быть обращены к животным или людям (*айда, взяли, фас, кыш, тпру, цыц, шабаш*);

3) междометия, обслуживающие сферу этикета (*спасибо, до свиданья, простите*).

Е.В. Серeda (2005: 30–36) предлагает классификацию междометий с учетом существования переходных форм между ними и другими классами слов. В основу этой классификации положен функционально-семантический подход В.В. Бабайцевой (Бабайцева 2000: 133–134). Взаимодействующие языковые факты на этой шкале рассматриваются с точки зрения оппозиции между ними, где каждый из этих фактов представляет собой круг. Эти круги имеют центры (А и Б), являющиеся ядрами оппозиции, которые обладают полным набором дифференциальных признаков, свойственных каждому члену данной оппозиции. Шкала переходности строится в форме вектора (А–Б) между ядрами оппозиции. На этой шкале также имеется зона синкретизма (Аб–АБ–аБ), в которой совмещаются дифференциальные признаки каждого из членов оппозиции. Некоторые языковые явления, лежащие в переходной зоне между ядрами оппозиции, могут проявлять признаки того или иного члена оппозиции в большей или меньшей степени (Аб и аБ). Сегмент, в котором круги пересекаются, накладываясь друг на

друга, характеризуется сочетанием признаков каждого члена оппозиции приблизительно в равной степени.

Согласно этой классификации (Середа 2005: 30–36), звено А вмещает ядерные образования, обладающие всеми дифференциальными признаками междометий. К ним причисляются эмоциональные первообразные междометия, а также непервообразные эмоциональные междометия, утратившие связь со знаменательными частями речи. По особенностям семантики эти междометия делятся на эмоционально-рефлекторные, выражающие непроизвольные реакции организма на внешние раздражители (*ай, ах, брр, фу, фрр*), и оценочно-интеллектуальные, выражающие отношение или реакцию на ситуацию и требующие интеллектуального усилия (*уф, эва, тьфу*). Звено Аб вмещает переходные языковые единицы, в которых преобладают признаки междометий, но также прослеживаются некоторые характеристики знаменательных и служебных частей речи. Звено аБ вмещает синкретичные, гибридные, формы, в равной мере комбинирующие признаки как междометий, так и других классов слов. Другие классы слов формируют звено Б на шкале переходности (Таблица 1).

Таблица 1 Распределение групп междометий на шкале переходности с учетом соотношения частеречных признаков (Середа 2005).

Звено Б	Звено аБ	Звено Аб	Звено А
Имя существительное	этикетные субстантивные (<i>до завтра! удачи! с Богом!</i>)	эмоциональные субстантивные (<i>Господи, дудки, штука, черт</i>)	первообразные междометия (<i>ага, ах, ба, брр, увы, уф, фи</i>)
Глагол	глагольные междометия (<i>хлоп, бах, трах</i>)	первообразные императивные (<i>ау, брысь, на, тпру</i>)	междометия, значительно теряющие соотношение с формами той или иной части речи (<i>ой-ли, то-то, ура, эк, ей-же-ей</i>)
		эмоциональные, соотносимые с глаголом (<i>подумаешь</i>)	

Звено Б	Звено аБ	Звено АБ	Звено А
	этикетные глагольные (<i>прощайте, благодарю</i>)	этикетные (<i>спасибо, пожалуйста, здравствуйте</i>)	
Наречие	этикетные наречные (<i>счастливо</i>)	императивные наречные (<i>прочь, полно</i>)	
Частицы, звукоподражания	междометия-частицы (<i>ай да умница! эк его!</i>)	эмоциональные, соотносимые со звукоподражаниями (<i>бам! бум! бац!</i>)	

Вместо того чтобы приводить синкретичность между языковыми фактами в качестве объяснения того, что одна и та же форма может приобретать разные значения, а также может вести себя по-разному в предложении, «Русская грамматика–80» (Шведова 1980 (1): 731–732) обращается к понятию омонимии между междометиями и другими классами слов. В частности, утверждается, что первообразные междометия, обозначающие рефлекторные выкрики и реакции организма, сближаются с первообразными звукоподражаниями, имитирующими звуки человеческого тела (*ха-ха-ха, хе-хе, уа-уа*); непервообразные глагольные междометия, имитирующие частые и резкие движения, сближаются с первообразными звукоподражаниями с той же семантикой (*бум, грох, тук, щелк*). В конкретном случае с глагольными междометиями и звукоподражаниями СерEDA (2005: 84–91) также говорит о языковой омонимии и делит глагольные междометия на две группы: 1) слова, которые не имеют омонимичной пары со звукоподражаниями (*верть, дерг, скок*); 2) слова, которые имеют соответствующий омоним в форме звукоподражания (*бац, хрусть, чик*).

В «Русской грамматике–80» (Шведова 1980 (1): 731–732) крики животных причисляются к первообразным звукоподражаниям (*иго-го, карр-карр, му-у*), а команды животным — к первообразным междометиям (*брысь, тпру*) или к непервообразным междометиям, образованным от обиходных названий животных (*уть-уть, цып-цып*). Исходя из этого, похоже, что только *Б-ррр!* из примера (7) можно отнести к междометиям. Все остальные примеры вмещают слова, которые

либо являются омонимами, либо синкретичными образованиями. Такое положение дел способно существенно сузить область нашего исследования.

Перейдем к другим лингвистическим аспектам языковых единиц. Упоминаясь, что наиболее ярко функциональные отличия между разными случаями омонимии прослеживаются через синтаксис предложений (Середа 2005: 87). Для начала рассмотрим, как решается вопрос с синтаксической организацией высказываний с участием междометий как класса в типологическом аспекте. Принято считать, что они входят в состав основного предложения в качестве независимых компонентов (Kaltenböck 2007; Peterson 1999; Espinal 1991; Burton-Roberts 1999), формируя «парентетические конструкции» (т. е. добавочные, неравноправные, вводные элементы; см. Živ 1985: 190; Petola 1983: 107–108). Парентетические внесения, как правило, выступают в роли некоего комментария к происходящему (Quirk 1985: 1112) и «могут быть опущены без нарушения структуры предложения или его значения» (Biber et al. 1999: 1067) (перевод Канерва 2018). Среди лингвистов существует консенсус в отношении того, что парентетические конструкции являются синтаксическими единицами, которые не имеют явной связи с основной синтаксической конструкцией, являясь самостоятельной синтаксической составляющей (Espinal 1991: 727; Kaltenböck 2007).

При описании русских междометий в классических работах конструкции с ними считались стоящими вне предложения (Овсяннико-Куликовский 1912: 34), полностью синтаксически обособленными (Щерба 1928: 9) или «внешне присоединенными» (Мещанинов 1945: 291). В русском языке междометия либо выступают в форме междометных предложений (Валгина, Светлышева 2001: 228), либо в качестве вводных и вставных конструкций (Германович 1966: 93), в свою очередь входящих в состав более широкого понятия, такого как «парентетические внесения» (Александрова 1984). «Русская грамматика–80» (Шведова 1980 (1): 733–734) выделяет три типа синтаксических отношений в организации текста, в которых участвуют междометия, и приводит некоторые примеры такого употребления. Прежде всего, междометия могут выступать в

качестве эквивалента предложения: «Э!» – *сказали мы с Петром Ивановичем* (Н. Гоголь «Ревизор»). Следующей является позиция модального компонента, когда в одних случаях междометия выступают в форме вводного слова: *Поскользнулась И – бац – растянулась!* (А. Блок «Двенадцать»), а в других – усиливают качественное и количественное проявление признака, выраженного знаменательным словом, а само междометие либо помещается непосредственно перед этим словом и неотделимо от остальной части предложения, например, *Ох и красота!*, либо выносится в позицию зависимого предложения, например, *У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль!* (Н. Гоголь «Мертвые души»). Согласно «Русской грамматике–80» (там же: 734), функция члена предложения хоть и менее характерна для междометий, но все же встречается тогда, когда они замещают собой какой-то компонент предложения: *Сказал бы «ох», да не велит бог* (пословица). Глагольные междометия – единственная группа междометий, уникальная в том плане, что для них функция сказуемого является основной, указывается в «Русской грамматике–80» (там же) и иллюстрируется следующим примером: *Кот Васька насторожился – И прыг к веретену!* (Н. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»); *Дверью хлоп, ушла* (Г. Успенский «Нравы растерянной улицы»).

Обратимся снова к примерам 1–7. Однозначный вывод о том, в каких из них анализируемые языковые единицы выступают в качестве самостоятельного высказывания или отдельной части предложения, можно сделать только в отношении последнего предложения (пример 7), в котором *Б-ррр!* явно находится в обособленной синтаксической позиции. Ситуация с многоточием на письме неоднозначна (примеры 2, 3), так как оно, в частности, может использоваться для передачи пауз в речи, не говоря уже о самих паузах как таковых (примеры 1, 4, 6). Получается, что анализ синтаксиса предложений не всегда может дать ответ на вопрос о том, к какому классу слов эти языковые единицы следует причислить. Только в примере 5 синтаксически интегрированная позиция *бр-бр* эксплицитно выражена отсутствием знаков препинания, но при этом сложно решить, выполняет ли это слово функцию сказуемого или прямого дополнения.

О близости между звукоподражаниями и глагольными междометиями уже неоднократно говорилось. Неясной по-прежнему остается природа пересечения формы, семантики и функций слов, которые мы выбрали для пристального анализа. Еще большей неоднозначности добавляет то, что и Середа (2005: 31), и «Русская грамматика–80» (Шведова 1980 (1): 733) упоминают о близости между эмоциональными междометиями, звукоподражаниями и глагольными междометиями (*ха-ха-ха, уа-уа; бряк, бац, щелк; цап-царап, прыг*) в отношении их способности выражать эмоциональные реакции, объясняя это явление языковой омонимией. Действительно, в примерах 2, 4 можно прочувствовать когнитивное состояние говорящего, в то время как примеры 1, 3, 5, 6 скорее относятся к звукам, движениям или действию. Как и любые другие слова, ЗГМ зависят от контекста и того, как они используются в разговорной речи, чтобы передать определенный смысл или эмоцию.

2.2.3 Экспрессивность междометий и звукоподражаний

Напомним еще раз о ряде характеристик, которые считаются общими как для междометий, так и для звукоподражаний. Прежде всего, еще Л. Блумфилд (Bloomfield 1933: 156–157) относил междометия и звукоподражания к интенсивным языковым формам, при этом разграничивая их. Междометия отображают реакцию говорящего на внешний раздражитель. Они указывают на активный стимул, порождающий переживание и реакцию на него. Звукоподражания в свою очередь относятся к звуку или предмету, который его издает. Для них характерно повторение морфем, иногда с вариациями отдельных фонем (англ. *ding-dong*, нем. *bim-bom* – «колокол»). В других исследованиях также неоднократно упоминалось, что слова из этих двух классов относятся к экспрессивной лексике (см. Hinton et al. 1994; Foolen 2012; Dingemanse, Akita 2017). Еще одной общей чертой междометий и звукоподражаний является простая морфологическая форма, т. е. построение из корневых морфем (Meinard 2015). В то же время нельзя точно указать, что здесь первичны глаголы: скорее всего, первичны именно междометия, и они являются источником корневых морфем.

Ключевая синтаксическая характеристика звукоподражаний и междометий заключается в том, что они зачастую являются синтаксически изолированными. В отношении звукоподражаний русского языка также было подмечено (Шанский и Тихонов 1987: 253–254), что они являются эмоционально-экспрессивными языковыми единицами, могут субстантивироваться и употребляться в функции подлежащего: *Одно куку свое твердит* (А. Пушкин «Соловей и кукушка»). Интересно, что способностью к субстантивации в русском языке обладают и междометия. Середа (2005: 71–72) пишет, что в этом случае они выполняют функцию субстантива, приобретают значения числа и падежа, выраженные окончаниями согласованных с ними определений: *В толпе придворных слышится протяжное «А-ах!»* (Л. Филатов «Еще раз о голом короле»). Наконец, оба класса активно участвуют в словообразовании. Звукоподражания, например, могут присоединять словообразовательные морфемы, переходя в другие морфологические классы слов, и грамматически интегрироваться в структуру предложения (Meinard 2015: 151). Середа (2005: 74) приводит пример перехода междометий в субстантивы путем присоединения флексий: *день ее до того напичкан всякими занятиями, ахами да охами, что ей и опомниться некогда* (И. Тургенев «Отцы и дети»).

Обсудив наиболее характерные общие черты между этими классами, перейдем к подробному рассмотрению различий между ними. Несмотря на то что и междометия, и звукоподражания принадлежат к экспрессивному языковому пласту, эта категория у них проявляется по-разному. «Русская грамматика–80» (Шведова 1980 (2): § 2217) утверждает, что междометия употребляются для выражения разнообразных эмоциональных реакций, а также для усиления выразительности высказывания. Междометия принадлежат к сфере эмоционального языка, употребляются вне связи с другими словами и могут получать самостоятельное интонационное оформление (Шведова 1980 (1): § 1700). Экспрессивность междометий может также усиливаться посредством словообразования (там же: § 1702).

Шанский и Тихонов (1987: 253–254) указывают на то, что характерной чертой звукоподражаний является мотивированность их фонетического состава и лексического

значения теми звуками, которые они имитируют. Звуковое оформление этих слов отражает их семантику, делая ее узнаваемой вне контекста. Утверждается, что значение звукоподражательных слов не находится в тесной зависимости от интонации или жестов. Шанский и Тихонов (там же: 248–249) пишут, что междометия выражают эмоции и волеизъявления, но не называют их. Для междометий характерно особое интонационное оформление, они нередко сопровождаются мимикой и жестами, а разнообразные оттенки семантики зачастую выражаются через контекст. Середа (2005: 84–85) также считает привязанность к жестам и контексту одним из основоположных различий между междометиями и звукоподражаниями. А именно, в отличие от междометий, звукоподражаниям для выражения своей семантики не требуется ни интонационное, ни жестовое, ни мимическое, ни контекстуальное сопровождение, так как их значение выражается посредством отображения действительности при помощи фонетической оболочки самих этих слов, в то же время эмоционально окрашенных и мимически значимых.

Реактивные свойства междометий подчеркиваются и в других работах. Розенталь, Голуб и Теленкова (2010: 279) рассуждают о том, что междометия не обладают номинативной функцией, являются словами-сигналами, употребляемыми для выражения реакций человека на различные события реальной действительности, они не имеют ни лексических, ни грамматических значений, не являются членами предложения и синтаксически не связаны с членами предложения. Они также не выражают отношений между словами в предложении, не служат для связи между ними, не вносят в предложение добавочных смысловых оттенков. Звукоподражания рассматриваются как особая группа слов, которые являются «воспроизведением рефлексивных восклицаний людей, имитацией криков животных и птиц, различных звуков, шумов явлений природы» (там же: 280). Они совпадают с междометиями по форме, но не выражают ни чувств, ни волеизъявлений.

Междометия морфологически неделимы и неизменяемы. Они не имеют номинативного значения, не могут быть членами предложения, стоят вне предложения. Они формируют

нечлененое междометное предложение. Междометия могут претерпевать субстантивацию или вербализацию, в результате чего выполнять функцию подлежащего, сказуемого, дополнения и других членов предложения. В этом случае они перестают быть междометиями и становятся знаменательными словами. При переходе междометий в существительные они начинают проявлять признаки рода, числа и падежного значения, показателем чего становятся слова, согласующиеся с ними (Чеснокова 1991: 181–184). Звукоподражания формируют отдельную морфологическую категорию и служат для имитации звуков, издаваемых людьми, животными и предметами неживой природы. Чеснокова утверждает, что эти слова, как и междометия, не имеют номинативной функции, морфологически неизменяемы и морфемно нечленимы. Они являются самостоятельными высказываниями и могут быть опущены без ущерба для содержания, а также могут образовывать прямую речь. Они также могут субстантивироваться или вербализоваться подобно междометиям и становиться членами предложения, сохраняя образность в качестве синкретических единиц, совмещающих признаки звукоподражаний и знаменательных слов (там же: 188–189). Основоположное различие состоит в том, что междометия выражают чувства, а звукоподражания имитируют звуки живой и неживой природы (там же: 186).

Поскольку звукоподражательные слова могут быть образованы от редких и необычных для языка звуков и звукосочетаний, Эванс (Evans 1992: 226) исключает их из класса междометий по фонологическому критерию. Междометие определяется как слово, состоящее из одной морфемы, которое способно образовывать независимые, неэллиптические высказывания и не используется для обозначения внеязыковых звуков.

Признак, который традиционно считается общим для звукоподражаний и междометий, – это синтаксическая независимость обоих классов. Приняв это условие, М. Мейнард (Meinard 2015: 167) использует другие критерии, чтобы разграничить междометия и звукоподражания. Она пишет, что звукоподражания в синтаксически изолированных позициях фокусируются на объекте концептуализации и выполняют

референтную функцию языка, а синтаксически обособленные междометия фокусируются на способе и субъекте концептуализации, выполняя конативную, фатическую или экспрессивную функции. Междометия являются эквивалентами предложений и могут быть заменены полноценными предложениями, в то время как звукоподражания подобным образом заменить нельзя. Звукоподражания в отличие от междометий являются продуктивными языковыми единицами, от которых могут образовываться другие классы слов.

Амека (Амека 1992) затрагивает важный вопрос о различиях между отображением и описанием в связи с уровнями интеграции лингвистических знаков в языковую систему. По его мнению, звукоподражательные слова обычно формируют фонологический класс, члены которого могут входить в разные грамматические классы. Междометия в свою очередь выражают эмоциональное состояние говорящего и формируют отдельный класс, члены которого могут носить звукоподражательный характер.

Х. Кларк и Р. Герриг (Clark, Gerrig 1990: 788–789) утверждают, что все звуковые имитации отображают естественные звуки и фокусируются на объекте изображения. Указывая на психическое состояние говорящего, междометия характеризуются как чисто эмоциональные слова, не имеющие референциального содержания (Quirk et al. 1972: 413). Они выполняют экспрессивную функцию и находятся за пределами языка (Révész 1946). Чтобы отличить звукоподражания от междометий, основное внимание необходимо обратить на то, как каждая из этих категорий представляет свой референт (Meinard 2015: 156). Б. Крик (Крук 1992: 196–197) настаивает на том, что, когда мы слышим, как кто-то реагирует на то, как разбивается тарелка о стену, используя выражение *Crash!* [...], трудно определить, выступает ли это слово в качестве междометия или звукоподражания, имитирующего звук грохота. Она утверждает, что разграничительную черту между категорией междометий и звукоподражаний следует проводить по степени их условности, так как междометия обладают большим уровнем условности и часто нуждаются в контексте для того, чтоб быть понятыми.

Для разграничения звукоподражаний и междометий, мы считаем, важно учитывать знаковые характеристики слов из этих

классов, а также уровни их интеграции в языковую систему. Особенно актуальным этот подход становится в отношении определения природы ЗГМ, которые, на наш взгляд, являются лишь частичными имитациями естественных звуков и не являются полностью произвольными, в отличие от первичных звукоподражаний. Чем более условными становятся слова типа *бац*, *плюх* и *звяк*, тем сильнее в них могут проявляться междометные черты. При оценке и разграничении функций следует различать собственно человеческие звуки, отражающие прежде всего эмоции, и прочие фонации. Важно также учитывать сами процессы восприятия звуков как человеческой речи, так и окружающей действительности. Все эти вопросы будут обсуждаться в следующих разделах.

2.3 ЗГМ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

2.3.1 Слова, сходные с ЗГМ, в славянских языках

Виймаранта и Вихервя (Viimaranta, Vihervä 2019) настаивают на том, что предикативная функция ЗГМ является характерной для русского языка. В исследовании сообщается об аналогичном использовании этих слов в других славянских языках, таких как белорусский, болгарский, польский и украинский. На языковом материале, извлеченном из параллельных корпусов, было установлено, что эти языковые единицы обычно переводятся с русского языка на другие славянские языки эквивалентными выражениями. В частности, они могут переводиться либо звукоподражательным междометием, либо глаголом, который может быть как звукоподражательным, так и нет, либо глаголом в сочетании с междометием, иногда даже наречием или именной группой в сочетании с глаголом или междометием. В исследовании также утверждается, что звукоподражательные междометия в функции сказуемого обозначают не только действие, но и природные шумы, а также способ действия. Вероятно, в сфере звукоподражаний часты заимствования из одного языка в другой, например, за счет личного общения или чтения комиксов, но в принципе можно даже удивляться тому, что

славянские народы, редко общающиеся друг с другом, могут иметь общую лексику в этой сфере, не всегда фиксируемую словарями.

Вежбицкая (Wierzbicka 2003: 290–291) характеризует подобные слова в польском языке как звукоподражания, которые наполовину иконическим способом отображают действие и могут функционировать в качестве глагольного сказуемого: *Kot hyc! – Z okna na ziemię* (Grodzińska “Kot w pisankach”) ‘кот прыг с окна на землю’. Проблема с этими лингвистическими единицами заключается в том, что некоторые из них могут выступать в качестве омофонов с другими классами слов, такими как междометия (пол. *hyc* – «призыв к прыжку»). М. Банько (Bańko 2008: 148–149) настаивает на том, что эти слова являются метаязыковыми единицами, имитирующими естественные звуки, и относит их к звукоподражаниям вместе с криками животных. Он также признает, что для них характерна редупликация морфем, например, польское *tup-tup* – «топот», *bim-bam* – «колокольный звон» (там же: 150). В этом очевидны параллели с русским языком.

Б. Тошович (Тошович 2006: 341–343) указывает, что в сербском и хорватском языках подобные слова причисляются к глагольным междометиям. Как и в русском языке, они многочисленны и разнообразны. Эти слова могут функционировать в качестве глагольного сказуемого, т. е. иметь денотативное значение, выражать прошедшее действие и совпадать с глаголом совершенного вида или выступать в качестве звукоподражательного междометия, т. е. быть лишёнными денотативного значения и не принимать дополнение. В этом исследовании, однако, прямо не указывается, какие именно эмпирические данные использовались для анализа.

Согласно Л. Кортвелеси (Körtvélyessy 2020), звукоподражания в словацком языке в словарях традиционно подаются с пометой «междометие». Семантически эти слова варьируются от того, что могут явно имитировать звуки, например, *čink*, *štrng*, *cveng* – «звуки металла или стекла». Они также могут изображать звуки, когда подразумевается действие, например, *hrk* указывает на дрожащий звук. Они даже могут указывать на действия и его характеристики, когда наличие акустических ощущений

отдаленно присутствует, например, *šuch* – «звук быстрого движения по поверхности предмета». Для подобных случаев характерна редупликация, полная и частичная, причем это касается как отдельно взятых фонем, так и их сочетаний, например, *ratata* – «выстрел», *clickety-clack* – «звук поезда». Помимо этого, считается, что от подобных звукоподражательных слов образовались глаголы, существительные и прилагательные. Например, от слова *žblnk*, обозначающего звук, возникающий при падении в воду, произошли такие слова, как *žblnkať*, *žblnkotať*, *vyžblnkať*, *prežblnkať*, *nažblnkať*, *odžblnkať*, *prížblnkať*, *vyžblnkotať*, *prežblnkotať*, *nažblnkotať*, *odžblnkotať*, *prížblnkotať*, которые являются глаголами и, так или иначе, относятся к падению в воду, или *žblnkot*, *žblnkanie*, *žblnkotanie*, которые являются существительными и имеют то же значение, или *žblnkotajúci*, которые являются наречиями. Деривация напоминает русскую и финскую, но корни иные. Возможно влияние контактных языков на фонд междометий словацкого языка.

М. Фидлер (Fidler 2014: 10) приходит к выводу, что звукоподражательные выражения в чешском языке могут обозначать звук (например, *brnk* – «струна»), движение (например, *kes* – «капание воды или неуклюжее падение») или эмоции (например, *juch* – «радость»). Они могут встраиваться в синтаксическую структуру предложений, выполняя функцию сказуемого (там же: 11), подлежащего, прямого дополнения, определения или обстоятельства (там же: 31–33). Они также могут быть синтаксически обособленными, когда используются в виде вставки или отдельного предложения (там же: 33–34). В этом исследовании не рассматривается омонимия между звукоподражательными словами и более крупными классами слов, такими как существительные.

Общим для слов, аналогичных русским ЗГМ из других славянских языков, является то, что семантически все они отображают звуки окружающей действительности, могут указывать на действие, способ выполнения этого действия или даже эмоции, сопровождающие такое действие. Кроме того, они имеют сходную морфологическую форму, склонны к редупликации и могут переходить в другие классы посредством присоединения словообразовательных фонем. При этом далеко

не все исследователи, опираясь на свои наблюдения в области других славянских языков, эксплицитно говорят о сказуемости употреблении этих слов. Важным остается вопрос об универсальном или неуниверсальном характере человеческой речевой способности к использованию единиц, подобных исследуемым. Обратимся в связи с вышесказанным к другой языковой группе.

2.3.2 Слова, сходные с ЗГМ, в финно-угорских языках

Финно-угорские языки, такие как эстонский, финский, водский и язык ингерманландцев, характеризуются наличием обширных классов глаголов, которые имитируют естественные шумы (Heinsoo, Saag 2015: 55). Такие глаголы образуются от звукоподражательных слов путем применения распространенных моделей словообразования и относятся к описательным словам. Они являются экспрессивными языковыми единицами, которые используются для передачи широкой гаммы значений от характеристик действия до чувств, эмоций и отношения говорящего к ситуации (Nakulinen et al. 2004: 178). Согласно Э. Миконе (Mikone 2002: 153), описательные и звукоподражательные слова входят в состав экспрессивного лексического пласта и образуют две независимые группы. В исследовании Миконе (ibid.: 154) понятие «выразительность» используется достаточно широко. Утверждается, что описательные слова экспрессивны благодаря металингвистическому звуко-символизму, используемому для обозначения отношений, чувств или эмоций, в то время как звукоподражательные слова экспрессивны благодаря иконической символике звука, которая дает им возможность напрямую обозначать свое значение.

В финском языке слова наподобие русских *бац*, *плюх* и *звяк* принято называть «имитативами» или «звукоподражательными междометиями» и характеризовать как неизменяемые экспрессивные языковые единицы, зачастую сопровождающиеся жестами (Jääskeläinen 2013), т. е. речь идет именно об устной речи в первую очередь. Семантически они изображают звуки, иногда способ действия, могут давать характеристики событиям и

описывать качества предметов. Синтаксические конструкции с использованием этих языковых единиц аналогичны тем, которые формируют междометия (ibid.: 341). Согласно Миконе (Mikone 2002: 153), имитативами являются звукоподражательные слова, которые относятся к экспрессивной лексике из-за иконической экстраполяции свойств их формы на восприятие значения. Они входят в структуру предложения в качестве синтаксически независимых составляющих. Чтобы стать грамматически интегрированными, т. е. функционировать в качестве сказуемого, их необходимо заменить глаголами с той же основой (Viimaranta et al. 2016: 7).

Финский язык богат звукоподражательными глаголами (ср. Никунласси, Протасова 2015). Глаголы падения характеризуются широкой сферой употребления для обозначения звуков, сопровождающих действие, что можно объяснить явлением метонимического переноса (Виймаранта, Протасова 2020). В дополнение к указанию на характерные звуки, сопровождающие падение, эти глаголы также могут характеризовать сам процесс, скорость падения, тип поверхности, с которой происходит контакт, размеры падающего объекта и т. д. При этом звук, даже если он не относится ко всему процессу падения, а возникает только при контакте физических тел, переносится на все действие, описываемое такими глаголами (там же: 420). Звукоподражательные глаголы плавания отличаются разнообразием словообразования, так как от одной основы образуются разные глаголы, которые являются синонимичными друг другу. Кроме описания действия, они также могут подразумевать некие характеристики событий, например, совершение беспорядочных движений при попытке продвигаться в воде вперед (*rapikoida, rapistella* — 'барахтаться') или то, что брызги при таком действии разлетаются в разные стороны (*polskia, polskuttaa, polskutella* — 'плескаться'). С точки зрения прагматической направленности использования звукоподражательных глаголов вместо нейтральных глаголов, описывающих плавание, то подобный выбор создает впечатление преуменьшения значимости или масштаба такого действия (Мустайоки, Протасова 2007: 393).

Из вышесказанного очевидно, что финно-угорские языки богаты звукоподражаниями и звукоподражательными глаголами, образованными от них. Финские звукоподражательные глаголы часто употребляются в переносном значении, как метонимическом, когда звук переносится на все действие, например, *tömähtää* 'бамкнуть' (Виймаранта, Протасова 2020: 415), так и метафорическом, когда звук, свойственный одному источнику, приписывается другому на основе общности признаков, например, *ulvoa* 'выть' (о волке), переносящегося на вой сирены (Никунласси, Протасова 2015: 182). Другим важным умозаключением является то, что в семантике звукоподражательной лексики присутствуют элементы информации, которая не могла поступить посредством одного только слухового восприятия. То же касается и русских аналогов этих слов, которые, в частности, применительно к глаголам пребывания в воде, могут обозначать разлетание брызг, всплески, неуклюжее перемещение (см. Мустайоки, Протасова 2007).

Эти наблюдения наталкивают на размышления о механизмах человеческого восприятия. Похоже на то, что в случае со звукоподражаниями мы воспринимаем не только «чистые» звуки, но и обычно сопутствующие им события, так как в семантике русских слов типа *бац*, *плюх* и *звяк* заложены и другие оттенки значения. Кроме того, необходимо обратиться к процессам отображения звуков окружающей среды в речи. Наконец, если описательным словам звукоподражательного происхождения свойственно переносное употребление, то целесообразно проследить случаи подобного функционирования применительно к ЗГМ русского языка.

2.3.3 Слова, похожие на ЗГМ, в германских языках

Можно предположить, что языки, обслуживающие большие территории, подобные английскому, испанскому, немецкому, русскому, французскому, а также языки с развитой системой диалектов будут иметь региональные варианты общеупотребительных звукоподражаний. Это обусловлено, в частности, тем, что на страницы художественной литературы и СМИ попадают в первую очередь конвенциональные и авторские

случаи словоупотребления, а живая разговорная речь – во вторую. Кроме того, при транскрибировании реальной речи звукоподражания могут опускаться.

Согласно Р. Освальту (Oswalt 1994: 293), в английском языке присутствует четко очерченный класс слов, объединяющий звукоподражательные слова, имитирующие звуки, издаваемые одушевленными или неодушевленными предметами, а также междометия, выражающие эмоциональные реакции или состояния. Полудикие формы сохраняют способность иконически отображать экстралингвистические звуки при помощи своего фонетического плана. Крик (Крук 1992: 199–200) рассматривает звукоподражательные слова в английском языке в качестве полуконвенциональных языковых единиц (например, англ. *buzz*, *ding-dong*, *splat*), которые посредством лексикализации образовались от неконвенциональных звукоподражаний, имитирующих звуки и источники этих звуков (например, *bzz* – *buzz*). Она допускает, что полу-условные звукоподражания могут иметь функциональное соответствие междометиям, поскольку они выражают эмоциональную вовлеченность говорящего в языковую ситуацию (там же: 200). Кроме того, считается, что посредством семантических расширений и сдвигов от этих языковых форм произошли дериваты – производные существительные и глаголы (Oswalt 1994: 302).

Шведская академическая грамматика (Teleman et al. 1999 (II): 746–747) относит такие слова шведского языка, как *bom*, *plopp*, *rang* – «удары», к междометиям. Утверждается, что многие из этих языковых единиц используются для имитации экстралингвистических звуков. В то время как некоторые из этих слов имеют довольно аномальное фонологическое выражение (например, *urrmt* – «шум двигателя»), другие представляют собой условные звуковые имитации (например, *brum* – «шум автомобильного двигателя»). Морфологически большинство из них состоит только из корневых морфем (например, *bom*, *plopp*, *rang* – «удары»), но некоторые имеют редуцированные морфемы (например, *tamtam* – «звук, издаваемый ударным музыкальным инструментом», *dingdång* – «дверной звонок», *ticktack* – «тиканье часов») (ibid.: 651).

Звукоподражания в немецком языке имитируют различные звуки или акустические события (например, нем. *peng*, *boing*, *bumm* – «удары»). Для этих слов характерной является редупликация, повторение и удлинение морфем. Обычно они синтаксически независимы и образуют отдельные предложения. Группа «наречных звукоподражаний» может грамматически интегрироваться, занимая позицию, типичную для наречий. В таких случаях они имитируют звуки, возникающие в результате быстрых или резких движений. Эти слова также могут указывать на внезапное действие (Wöllstein, Eisenberg 2016: 611).

При рассмотрении звукоподражательных слов в германских языках характерным является подход к разделению их на конвенциональные и неконвенциональные звуковые имитации не только в силу расхождений по фонологическому составу или морфологическим средствам, направленным на точность передачи звуков или усиление выразительности. Основной чертой, определяющей границу между конвенциональными и неконвенциональными звукоподражаниями, является их встраиваемость в систему предложений, к которой, как было подмечено, склонны традиционные звуковые имитации.

2.3.4 ЗГМ русского языка в сравнении с африканскими и азиатскими идеофонами

В ходе изучения языков Африки и Азии и их последующего лингвистического описания обнаружилась обширная группа слов, которая не подпадала под общепринятую классификацию языковых классов (Журинский 1972). Эти слова получили название «идеофоны» и стали характеризоваться как яркие звуковые репрезентации различных идей, нетипичных для широко известных языков (Doke 1935: 119). Более детально они описывались как слова, которые зачастую бывают звукоподражательными, характеризующими сказуемое, определение или обстоятельство с точки зрения действия, состояния, способа, интенсивности, а также цвета, звука и запаха (*ibid.*).

В то время как некоторые ученые придерживались мнения, что эти слова не принадлежат к самостоятельному грамматическому

классу (Newman 1968), другие настаивали на том, что в типологическом аспекте идеофоны должны определяться как отдельная грамматическая категория, обладающая рядом фонетических, семантических, морфологических и синтаксических особенностей (Kulemeke 1995). Подобные разногласия возникали в связи с тем, что в разных языках эти слова вели себя и, следовательно, описывались по-разному. В отношении африканских идеофонов утверждалось, что они могут функционировать как наречия, становясь частью глагольной группы, или как прилагательные, выступающие в роли определения к существительным (Samarin 1965: 118). Хотя некоторые ученые утверждали, что идеофоны связаны с междометиями (*ibid.*: 117), другие (Ameka 1992: 113) говорили, что они синтаксически отличаются от междометий тем, что идеофоны могут быть эллиптическими, в то время как междометия образуют высказывания сами по себе, без участия эллипсиса. Считалось, что в языке тера идеофоны синтаксически функционируют как прилагательные (Newman 1968: 113). В языке хауса идеофоны не выделялись в отдельный грамматический класс, но признавалось существование идефонических существительных, идефонических глаголов, идефонических наречий и т. д. (*ibid.*: 115). С точки зрения морфосинтаксиса, идеофоны в языке шона рассматривались подобно глаголам (Fortune 1971: 237). Это утверждение основывалось на том, в идефонической речи глаголы часто заменяются идефонами (Fortune 1962: 4). В зулусском языке идеофоны используются в сочетании со вспомогательными глаголами для придания им большей выразительности. Глагольная группа в сочетании с идефоном в качестве дополнения может быть заменена соответствующим глаголом (Von Staden 1977). В языке ньянджа все идеофоны связаны с глаголами (Nurse 1974: 231). Некоторые идеофоны переходят от простой имитации звуков к передаче действия путем образования глаголов, производных от них (*ibid.*: 236).

Что касается идеофонов в языках Азии, то принято считать, что они связаны с наречиями, глаголами, прилагательными, существительными и междометиями. В языке киси идеофоны формируют прототипическую категорию, ядро которой связывает их с другими языковыми категориями по целому ряду различных

признаков. Одни из этих признаков могут роднить их с одним классом слов, а другие – с другим (Childs 1988: 168). Основная функция японских идеофонов – модификация сказуемого для выражения способа действия, состояний, характеристик событий и человеческих эмоций. В морфосинтаксическом аспекте идеофоны в японском языке используются в качестве наречий, прилагательных и существительных (Katsuki-Pestemer 2014: 254).

Исследования показывают, что идеофоны могут интегрироваться в морфосинтаксис различными способами. В пастаза кечуа из Эквадора идеофоны выдвигаются на первый план, если они синтаксически обособлены и сопровождаются паузой (Nuckolls 1996: 72). Повторение морфем, просодическое выделение и расположение идеофонов на краях предложений делают их особенно заметными (Dingemanse 2012). Изучение японских идеофонов показывает, что существует обратная связь между их выразительностью и грамматической интеграцией: чем сильнее они выдвигаются на первый план на фоне других слов, тем меньше они интегрированы грамматически (Dingemanse, Akita 2017). Например, в языке сиву идеофоны, как правило, теряют свои выразительные черты, если они интегрированы в морфосинтаксис (Dingemanse 2013).

Некоторые ученые (Поливанов 1968; Nikitina 2012; Viimaranta, Vihervä 2019) выразили мнение, что такие русские слова, как *бах*, *плюх* и *звяк*, могут принадлежать к классу идеофонов. Несмотря на то что соотношение звукоподражательных слов в славянских, финно-угорских и германских языках с африканскими и азиатскими идеофонами остается открытым вопросом, это утверждение заслуживает внимания. Существует ряд параметров, по которым ЗГМ русского языка сближаются с идеофонами. Во-первых, идеофоны зачастую многозначны в том смысле, что они могут передавать разнообразные оттенки значений, иерархия которых варьируется от изображения звука, действия, визуальных и других сенсорных образов до выражения внутреннего когнитивного состояния (Dingemanse 2012: 663). Когнитивное состояние говорящего – это психическое состояние, которое включает в себя все процессы мышления, восприятия, внимания, памяти и оценки, которые возникают у человека во время процесса общения. Сюда включаются такие факторы, как уровень

концентрации, способность к анализу и синтезу информации и другие, способные повлиять на качество речи и понимание сообщения. Когнитивное состояние говорящего может быть ослаблено в силу усталости, стресса, болезни, недостатка сна или плохого настроения, что может сказаться на ясности и логичности высказываний, скорости речи и способности выражать свои мысли. Оно может улучшиться, например, за счет подготовки к общению, упражнений, практики речи и обучения различным техникам коммуникации.

Было подмечено, что идеофоны компактно «упаковывают» несколько аспектов осязаемого органами чувств события в одно слово (Tufvesson 2011: 88). Так, можно сказать, что ЗГМ русского языка передают широкую палитру значений, начиная от имитации звуковых явлений и до указания на действие, а также обозначают восприятие этого действия как неожиданного либо же указывают на другие эмоциональные реакции говорящего (Kanerva 2019). Кроме того, как упоминалось ранее, русские слова, такие как *бах*, *плюх* и *звяк*, демонстрируют поразительное сходство с идеофонами с точки зрения просодической и морфосинтаксической выразительности. Известно, что идеофоны представляют собой интонационно обособленные единицы (Kunene 1965; Childs 1994; Dingemanse, Akita 2017), имеют частично редуцированные и частично повторяющиеся морфемы (Zwicky, Pullum 1987; Fawcett 2018), зачастую возникают на краях предложения (Dingemanse, Akita 2017), образуют словосочетания, синтаксически напоминающие прямую речь (Samarin 1971; Childs 1994; Fawcett 2018). Подобные особенности русских слов, таких как *бах*, *плюх* и *звяк*, были отмечены в другом исследовании (Kanerva 2018). Морфологическая и интонационная выразительность идеофонов и русских ЗГМ имеет тенденцию снижаться при увеличении их грамматической интеграции (Dingemanse, Akita 2017; Kanerva 2018). Наконец, считается, что идеофоны формируют универсальную категорию, поскольку неоднократно было отмечено, что подобные языковые единицы можно найти во всех естественных языках (Voeltz, Kilian-Hatz 2001). Несмотря на то что идеофоны, как и другие звукоподражательные слова, формируются под воздействием ограничений со стороны возможностей фонетической системы

каждого конкретно взятого языка на допущение определенных комбинаций звуков, связь между формой и значением этих слов носит универсальный характер (Childs 2015; Dingemanse et al. 2015). Забегая вперед, добавим, что наше исследование, о котором более детально мы расскажем в Разделе 4.5, показало, что звукоподражательные слова русского языка способны передавать смысл посредством присущего им звучания, порой отличающегося от стандартного набора фонем или звукосочетаний, носителям другого языка, никогда ранее не изучавшим русский язык (Kanerva, Häikiö 2022). Обнаруженное межъязыковое сходство между русскими и финскими звукоподражаниями косвенно указывает на то, что способ, которым эти слова связывают форму и значение, потенциально может охватывать и многие другие языки.

Все вышеперечисленные особенности демонстрируют универсальность, распространенность и живучесть подобного класса слов во всех языках мира. Более того, они постоянно инновационным образом возникают в языке, а возникнув, следуют тем же правилам употребления, что и более старые речевые единицы типа идеофонов. Звукоподражательные слова также чрезвычайно часто употребляются в комиксах. По этому вопросу существует обширная научная литература, которую мы здесь не имеем возможности привести. Интересным является наблюдение о том, что формально слова типа *crunch-crunch* и *jingle-jingle* в английском и аналогичные им *срруп-срруп* и *dzyń-dzyń* в польском языке (рус. *хрусь-хрусь* и *динь-динь*) соответствуют функциональным критериям, предъявляемым к междометиям, так как выражают эмоциональную вовлеченность в языковую ситуацию, поскольку говорящий выбирает именно эту языковую форму для максимально точного отображения звукового события. В комиксах слова этого типа имитируют звуки, указывают на вовлеченность, а также выполняют эмпатическую и усилительную функции, в том числе благодаря способности к разным видам повторов (Крук 1992: 200–201).

В интернет-общении функционирование звукоподражательных междометий сближается с идеофоническим. Д. Кулагина (2021: 66) приводит пример контекста со звукоподражательным междометием *вжух* – «взмах

волшебной палочки», употребление которого в социальных сетях было связано с популяризацией мема, изображающего кота в шляпе и с волшебной палочкой (персонаж знаменитого стихотворения Доктора Сьюза): *Готовимся к розовому полнолунью и загадываем желания, вжух!* (ВКонтакте). Это слово отсылает к звуку, производимому волшебной палочкой при взмахе, и вызывает образ кота-волшебника, который с помощью магии осуществляет задуманное. Позже мы увидим его и в других жанрах детской литературы.

В детской фольклорной поэзии отмечается наличие особых лексических единиц, образованных при помощи необычных звукосочетаний. К ним относятся «междометные, звукоподражательные и звуковыделительные слова, не имеющие самостоятельного значения, а приобретающие его окказионально, то есть в контексте речевого употребления (например, в считалках)» (Лойтер 2005: 143). В детской художественной литературе звукоподражания используются для создания ярких антропоморфных образов животных, усиления звуковой выразительности повествования, порождения комического эффекта (Маринченко, Васильева 2020). Согласно авторам (там же: 116), звукоподражания также могут применяться для формирования мысленной картинки ситуации, на фоне которой разворачивается сюжет: – *Ты не видел Деда-Мороза? – Тук-тук! – сказал Дятел. – Он ушёл!* (С. Козлов «Правда, мы будем всегда?»). На наш взгляд, подобная характеристика напоминает идеофоническое употребление звукоподражательного слова, в том числе и в детской литературе.

Таким образом, многозначность ономотопей вполне сочетается с их простотой и многофункциональностью. Как носителями, так и исследователями языка одновременно ощущается и их ущербность, и большой потенциал, а расплывчатость и дефицит точной нотации приводит к отсутствию единообразной развитой системы записи и оценки рассматриваемых слов.

2.4 ПРИРОДА ЗГМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

2.4.1 Теория восприятия

Термин «восприятие речи» употребляется для «обозначения процессов обработки речевого сигнала, включающей первичный слуховой анализ, выделение акустических признаков, фонетическую интерпретацию» (Чистович 1990). При рассмотрении восприятия речи необходимо учитывать как механизмы приема и обработки речевых сигналов реципиентом, так и механизмы производства этих сигналов отправителем. А.Р. Лурия (1975: 5–31) настаивал на том, что восприятие речи неотрывно связано с ее воспроизведением, и выделял несколько стадий производства высказывания. На начальном этапе возникает мотив и замысел говорения. Далее этот замысел трансформируется во внутреннюю речь, которая обретает глубинную структуру. Из внутренней речи высказывание переходит во внешний акт говорения, обладающий выраженной структурой. И.А. Зимняя (2001: 257–266) выделяет похожие этапы в формировании высказываний. Процесс выражения мысли посредством речи начинается с мотивационно-побуждающего этапа, на котором у говорящего формируется мотив высказывания, а также реализуется коммуникативное намерение. На формирующем этапе происходит выбор слов, интонации, синтаксических структур для успешного формулирования мысли. На реализующем этапе внутренняя речь переходит во внешнюю речь, происходит артикуляция и интонирование высказывания (ср. Mustajoki 2012; 2021).

С.В. Князев и С.К. Пожарицкая (2011: 78) настаивают на том, что речевые звуки следует рассматривать как с точки зрения их объективных физических свойств, таких как частота, длительность, спектр и интенсивность, так и субъективных, воспринимаемых человеком характеристик, таких как высота, долгота, тембр и громкость. Звуки речи зачастую принадлежат к комплексным колебаниям, так как сочетают в себе несколько тонов и шумов в разных комбинациях. Естественные шумы, как правило, также являются комплексными, поскольку физические

объекты производят колебания, изменчивые по частоте, вследствие чего возникают звуки, вмещающие в себя несколько частотных составляющих (там же: 80). Л.В. Бондарко (1977: 5–11) пишет, что звуки речи в сравнении с неречевыми звуками обладают меньшей длительностью и изменяющейся громкостью. Сравнивая звуки речи с внешними шумами, Бондарко (там же) указывает, что при более низких показателях качества звучания речевых звуков логично было бы предположить, что их узнаваемость была бы значительно ниже, чем у природных акустических событий. На практике наблюдается противоположное явление, так как носители каждого конкретного языка обладают системой распознавания речевых звуков, которая помогает им отделять значимые характеристики этих звуков от незначимых.

Существование подобного фонологического сита, пропускающего значимые характеристики языковых звуков и задерживающего посторонние шумы, не было бы возможным без присутствия конвенциональной природы языка, обеспечивающей успешное предугадывание того, какие фонемы речи будут произнесены. Важным является замечание А.А. Леонтьева (Леонтьев 1997) о том, что восприятие – это динамический процесс, во время которого реципиент систематически учитывает пропорцию шума в акустическом сигнале с целью подбора оптимальной стратегии идентификации звуков. Эта стратегия состоит из серии тактических решений, представляющих собой класс операций, совокупность которых формирует стратегию восприятия. Экспериментальная фонетика также использует понятие полезного признака как «такого фонетического свойства сегмента, которое используется при восприятии для фонемной идентификации» (Бондарко 1990). Результатом фонемной идентификации является артикуляторный образ полученного сигнала. Для того чтобы можно было считать процесс восприятия успешным, артикуляторный образ, который создается в сознании реципиента, должен совпадать с эталонными образцами кода – словами, фразами, предложениями.

Перейдем к обсуждению особенностей восприятия звуков окружающего мира. Акустически звуки могут считаться колебаниями, возникающими в процессе взаимодействия

физических тел в окружающей среде (O'Callaghan 2007). Они существуют в сознании людей в виде звуковых объектов, интерпретируемых через призму акустического опыта, опираясь на частоту и время звучания (Griffiths, Warren 2004: 891). В процессе развития слуховой системы у индивида уточняется набор информации и совершенствуется обработка этой информации (Oxenham 2018). Осведомленность об окружающих вещах и событиях, возникающая благодаря слуху, эпистемологически обусловлена опытом восприятия звуков и звуковых объектов. Для успешного слухового восприятия звуков недостаточно быть знакомым с объектами окружающей действительности или обладать знаниями о том, какие звуки эти объекты производят, но следует уметь идентифицировать конкретные звуки, возникающие в результате конкретных событий, и связывать их с объектами (O'Callaghan 2021). Об этом же говорил и Леонтьев (1997), подчеркивая, что при сознательном выборе оптимального способа восприятия выделяются наиболее значимые признаки реального звука в целях успешной идентификации его источника.

Опираясь на результаты лингвистических экспериментов, которые были направлены на исследование процессов восприятия звукоподражательных слов носителями таких языков, как русский, английский, алтайский и монгольский, Е.В. Панькина (2009) указывает, что на распознавание семантики этих слов иноязычными говорящими первостепенное влияние оказывает иконичность. Она проявляется, с одной стороны, через присутствие межъязыкового сходства между фонетическим выражением звукоподражательных слов и способствует узнаваемости их значения, а с другой стороны, через наличие соответствий между акустическими признаками фонем и свойствами внеязыковых звуков, которые они передают, в каждом конкретном языке.

Анализируя экспериментальные данные по изучению процессов распознавания значений звукоподражательных слов, В.Ю. Вашквичус (2011) приходит к подобным выводам. Указывается, что наличие сходства между звукоподражаниями в таких разносистемных языках, как китайский и русский, обусловлена тем, что вербализация звучаний окружающей

действительности следует принципам иконичности, так как при помощи артикуляции говорящие максимально точно стараются передать акустические особенности внеязыковых звуков. Более того, было подмечено, что для отображения длительности звучаний в типологическом аспекте также часто используются повторения фонем. Оба эти свойства делают звукоподражания узнаваемыми иностранными носителями.

Модальности взаимодействуют между собой, дополняя друг друга (Kubovy, Van Valkenburg 2001; O'Callaghan 2011; O'Callaghan 2012). Кажется, что при помощи слуха мы воспринимаем больше, чем просто звуки и их комбинации. Мысленные репрезентации как объектов окружающей действительности, так и проявлений их взаимодействия, формируются на основе индивидуального опыта. Чувственный опыт подразумевает осведомленность не о разрозненных свойствах объектов, а о единстве этих признаков, так как любое восприятие не происходит изолированно от других органов чувств (Nudds 2001). Сам по себе слуховой сигнал обладает ограниченной способностью предоставить полную картину о качествах объекта, производящего звук, хотя бы в силу того, что человеческое ухо не способно воспринимать информацию о трехмерных характеристиках предметов. С другой стороны, в некоторых аспектах слуховое восприятие имеет преимущество перед зрительным в плане предоставления информации о временной протяжности события или его интенсивности. Посредством того что информация об окружающем мире поступает из разных модальностей восприятия, формируется также осведомленность о том, какие звуковые образы в сознании человека соответствуют конкретным физическим объектам, которые их производят (O'Callaghan 2011). В силу этого уравниваются субъективные различия в восприятии звуков окружающей действительности. Этот процесс делает возможным сопоставление мысленных репрезентаций физических тел с их объективными аналогами, несмотря на индивидуальные различия в чувствительности к параметрам звучания. Далее, эти символы могут быть артикулированы, т. е. воспроизведены в речи с целью обозначения описываемых объектов.

Еще одним аргументом в пользу комплексной природы чувственного восприятия является наличие перцептивных иллюзий, которые были зафиксированы целым рядом экспериментальных исследований. Эффект Мак-Гурка представляет собой случай возникновения слуховых иллюзий под воздействием визуального стимула (McGurk, Macdonald 1976). Еще одной иллюзией восприятия, возникающей под воздействием информации из другой модальности, является примарное звуковое ощущение, вызванное присутствием наиболее вероятного источника звука, воспринимаемого зрительно (Bertelson 1999). Наконец, под воздействием последовательных звуковых сигналов, следующих за световой вспышкой, в ряде исследований была зафиксирована зрительная иллюзия присутствия только последовательных вспышек (Shams et al. 2002). Взаимодействие разных модальностей проявляется также в восприятии речевых сигналов. Например, было обнаружено, что визуальные и тактильные сигналы встраиваются в слуховое восприятие речи (Gick, Derrick 2009). Следовательно, не только восприятие объектов окружающей действительности протекает одновременно в разных модальностях, но и восприятие языковых сигналов порождает ментальные образы, обладающие комплексом признаков, визуальных, звуковых, тактильных, пространственных, а также, по всей видимости, обонятельных и вкусовых. Если мы воспринимаем не просто звуки, а связываем их с некоторыми характеристиками предметов или событий, породивших эти звуки, то единственно справедливо, чтобы воспроизведение таких мысленных образов в речи было тесно связано с мультимодальными свойствами этих образов в целом. Это приводит нас к выводу, что номинация референтов в любом случае, скорее всего, проходит с учетом единства перцептивных характеристик целостного воспринимаемого объекта.

2.4.2 Теория знаков и звукового символизма

Хотя в предыдущих разделах было описано, как три характеристики (звукоподражательная, междометная и глагольная) коррелируют с точки зрения фонетики, морфологии и синтаксиса, причина, по которой они пересекаются, остается

неясной. Для определения природы ЗГМ русского языка и подобных единиц в других языках важно ввести еще один критерий – семиотический. Далее мы обсудим классификацию знаков с точки зрения звукоподражательности.

Между познаваемым объектом и представлениями о нем в мире людей можно поместить систему знаков, которая, в свою очередь, также поддается познанию. Знаки, как известно, можно разделить на знаки-символы, знаки-индексы и знаки-иконы (в другом переводе – иконические знаки), причем последние призваны пробуждать в воспринимающем субъекте те же чувства, что и сам объект отображения, будучи связанными с самим объектом сходными чертами (Clark 1996: 157; Пирс 2000: 58). Считается, что звукоподражания демонстрируют достаточно прямое соответствие между акустическими характеристиками самого звука и фонологическими характеристиками слова, обозначающего этот звук (Rhodes 1994: 279). Звукоподражания часто относят к иконическим знакам, потому что, не являясь подлинным звуком реального мира, существующим вне человеческого сознания, они уподобляются этому звуку. По закрепленному за звукоподражанием свойству, оно должно порождать те же чувственные ощущения, что и сам объект или представление о нем (Пирс 2000: 59). Здесь огромную роль играет наша память, благодаря которой активизируется система пространственных и временных ассоциаций, сопутствовавших употреблению как самого объекта, так и связанного с ним знака (Peirce, Buchler 1986: 107). Благодаря таким условиям употребления знак отсылает к объекту, как бы представляет его в нашем сознании (Clark 1996: 158). Наши представления о мире, в свою очередь, формируются далее тем, что мы приучаемся выделять те значимые звуки, которые выделяет в окружающем язык, хотя они имеются не для всего саундскейпа.

Как дейктические знаки, русские слова типа *бах*, *плюх* и *звяк* могут указывать на звуки природы и/или на действие, связанное с этими акустическими событиями. В данном случае мы обращаем внимание на их функциональную сторону: пока не прозвучит ЗГМ, собеседник может и не обратить внимание на происходящее, не вычленив наделенный для говорящего смыслом звук из акустического поля. В этом случае рассматриваемые языковые

единицы действуют аналогично индексальным знакам. Более того, они могут свидетельствовать о восприятии говорящим данного действия, прежде всего как неожиданного. Эта способность сближает такие слова русского языка с другими индексами, например, эмоциональными междометиями типа *ах*, *ох* или *ой*, указывающими на смену когнитивного состояния говорящего.

Помимо иконических и индексальных знаков, слова типа *бах*, *плюх* и *звяк* можно считать состоящими из символов, т. е. знаков, отсылающих к оригинальным звукам, но не являющимся ими. Можно считать, что это комбинация наших представлений об обозначаемом (Пирс 2000: 59). Буквенный символизм присутствует во всех словах письменной речи, но в звукоподражаниях он имеет особенный смысл, поскольку человеческий язык выработал определенные правила употребления звуковых жестов (Reitge, Buchler 1986: 112). Включаясь в парадигматические и синтаксические отношения, ЗГМ становятся в еще большей степени символами. Можно заметить, что, становясь новыми объектами окружающего мира, междометия осмысливаются как принадлежащие к независимой от субъекта реальности, в частности, могут воспроизводиться по законам чтения данного языка, а не как исходные звуки (см., например, Протасова, Шмелев 1998).

Арбитражность или произвольность принято считать преобладающим свойством языка как системы знаков. В первую очередь это касается символов. Согласно М. Дингеманзе и др. (Dingemanse et al. 2015: 604), в случае арбитражности значение присваивается словам по лингвистической договоренности и зачастую непредсказуемым образом. Непроизвольность касается всех тех случаев, когда на основе особенностей формального выражения слов можно предугадать некоторые аспекты их значения или грамматические функции. Непроизвольность имеет две разные, но не исключающие друг друга формы: иконичность и систематичность. Иконичность включает в себя сопоставление аспектов значения и формы слова на основе сходства между ними (ibid.). Систематичность относится к определению статистических закономерностей в выражении формы слов, позволяющих делать

прогнозы об особенностях их семантики или функций (Motamedi et al. 2019: 190).

Звуковой символизм представляет собой обширное понятие, охватывающее множественные случаи произвольного сходства между звуковым выражением и семантикой (Childs 2015: 284). Это явление может проявляться на всех уровнях языковой системы. Оно охватывает различные виды произвольных отношений между звуком и значением, начиная от случаев, которые являются иконичными, до тех, которые демонстрируют систематические закономерности между звучанием слов-символов и их значением. Это утверждение соответствует концепции постепенной интеграции звуко-символизма в языковую систему (см. Akita 2009).

Л. Хинтон, Дж. Николс и Дж. Охала (Hinton et al. 1994: 2–5) предложили классификацию звукового символизма, которая до настоящего времени является актуальной. «Телесный звуковой символизм» (corporeal sound symbolism) предполагает использование определенных звуков или интонационных моделей для выражения внутреннего состояния говорящего, эмоционального или физического. В эту же группу попадают междометия и произвольные звуки человеческого тела вроде чихания или икоты. «Подражательная звуковая символика» или «имитативный звуко-символизм» (imitative sound symbolism) охватывает звукоподражательные слова, обозначающие звуки окружающей среды. В эту же группу входят имитации движений, такие как постукивание ногой, хлопки в ладоши и т. д. «Синестетический звуковой символизм» (synesthetic sound symbolism) основывается на синестезии, является звуковой символизацией незвуковых явлений и затрагивает конвенциональные языковые единицы, содержащие определенные гласные и согласные звуки, которые посредством ассоциаций можно связать с формой, размером и другими свойствами объектов. «Условный звуковой символизм» (conventional sound symbolism) предполагает ассоциацию определенных фонем и кластеров с заданными значениями по аналогии с другими фонемами и их комбинациями и может встречаться в существительных, прилагательных и т. д.

В экспериментах с участием идеофонов и слов, искусственно созданных наподобие идеофонов, были широко апробированы более неуловимые отношения между аспектами звукового выражения слова, приписываемыми звукам и их сочетаниям, и его значением, которые можно обнаружить во всех модальностях чувственного восприятия. Связь между звуками и различными формами объектов была продемонстрирована на оппозиции «буба-кики» (bouba–kiki, Ramachandran, Hubbard 2001). Эффект «буба-кики», который относится к воспринимаемой округлости и остроконечности предметов, обозначенных этими искусственно созданными словами, уже стал каноническим примером. Звуковая символика в восприятии величины объектов была подтверждена оппозицией высокочастотных и низкочастотных гласных звуков (Lockwood et al. 2016). В частности, гласные переднего ряда обычно ассоциируются с небольшими размерами, а гласные заднего ряда относятся к большим объектам. В других исследованиях сообщалось о связи между гласными звуками, представляемыми либо по отдельности, либо в звукосочетаниях, и цветами (Журавлев 1991; Moos et al. 2014; Cuskley et al. 2019). Другая исследовательская работа (Rabaglia et al. 2016) выявила соответствие между характеристиками гласных и восприятием расстояния, например, предметы, выдуманные названия которых вмещали гласные высокого подъема, воспринимались как более отдаленные, а те, в названиях которых были гласные низкого подъема, характеризовались как приближенные к слушателю. Что же касается согласных, то они чаще относятся к звуковой символике движения. Небные и скользящие согласные в сочетании с высокими гласными ассоциировались с отрывистыми и легкими движениями. Было показано, что фрикативные, гортанные и боковые согласные вместе с гласными среднего подъема представляют плавные и тяжелые движения. В одном исследовании участники даже сопоставили качества звуков с такими вкусами, как сладкий, кислый, горький и соленый (Simner et al. 2010).

В последние три десятилетия звуковой символизм перестал восприниматься как переходная категория между произвольным и мотивированным присвоением значения. Иными словами, звукосимволизм теперь можно проследить во всех типах знаков,

даже в символах. Он включает в себя систематические закономерности ассоциативных связей между звуками и аспектами значения, поскольку фонологическое сходство слов или интонационных моделей, используемых с определенными словами, может проявлять статистически значимые корреляции с семантическим или функциональным сходством между ними (см. Cuskley, Kirby 2013; Hinton et al. 1994; Childs 2015; Ермакова 2021).

Подражательная звуковая символика охватывает все ЗГМ (например, *топ, хлоп, шлеп*). Ранее указывалось, что, исходя из репертуара глагольных междометий, одни из них более ярко отображают звук, например, *бах, буль, звяк*; другие в той или иной степени указывают на его присутствие, например, *вжик, шварк, фук*; а о присутствии звука в некоторых из них можно лишь догадываться, например, *виль, глядь, толк* (Капегва 2020). Некоторым ЗГМ русского языка присущ телесный звукосимволизм (например, *апчи, ук*). Это показывает, что разница между ЗГМ и другими классами слов может быть с трудом различимой. Те глагольные междометия, в которых наличие звука ощущается менее отчетливо, по-прежнему вызывают акустические ассоциации помимо простой проприоцепции (кинестезии, чувства перемещения собственного тела) или движения (например, *юрк, шасть, чебурах*) и могут сближаться с этой группой, вызывая зрительные образы на фоне примарных звуковых ощущений. Глагольные междометия могут в большей или меньшей степени выражать связь между формой и значением.

В зависимости от контекста и намерения говорящего междометия могут выражать широкий спектр прагматических значений. Можно предположить, что синтетический характер воздействия исследуемых единиц языка на адресата позволяет нарушить плавное течение речи и тем самым выбивает слушающего из колеи нормального хода беседы, будоража его сознание. Более того, если считать, что звукоподражания часты именно в детской речи, то, возможно, возврат к первичным языковым навыкам напоминает о несвойственных взрослому общению экспрессивных оборотах и вызывает улыбку у собеседника, положительно влияя на восприятие разговора.

2.4.3 Знаковые способы передачи смысла: описание, указание, отображение

Попробуем понять, как именно используются ЗГМ в разных типах дискурса. Согласно Дингеманзе (Dingemanse 2015: 950), «описание» (description) по своей природе произвольно и не выражает мотивированной связи между формой и значением. Описания кодируют значение путем использования цепочек символов, которые также имеют конвенциональное значение. «Указание» или «индикация» (indication) – это такой способ передачи сигнала, при котором люди создают индексы для объектов, на которые они ссылаются (Clark 1996: 164). Согласно Кларк и Герриг (Clark, Gerrig 1990: 765), основная функция указаний заключается в определении местонахождения вещей. Индексы требуют внимания от участников, так как они указывают на пространственно-временное расположение объектов, как ведут себя дейктические элементы у междометий. «Демонстрации» (demonstrations) подобны цитатам или прямой речи, они «отображают» (depict), но не описывают свои референты, причем даже не целиком, а лишь дают определенные их характеристики (ibid.: 764–765). Звукоподражания часто сопровождаются иконическими жестами, непосредственно изображающими сказанное. Они отличаются от дейктических жестов (элементов языка тела индексального характера), которые часто сочетаются с междометиями (см. Wilkins 1992). Но это еще не объясняет статус звуковых жестов как знаков или символов особой природы.

Применительно к рассматриваемым нами языковым единицам: в то время как внутренне ЗГМ изображают кинетические образы, цитируя их, внешне они встраиваются в другое высказывание, выступая в функции сказуемых. Таким образом, видно, что некоторые языковые единицы могут быть одновременно и демонстрациями, и содержать указания (Clark, Gerrig 1990: 765). Подобное мнение высказывается и в других работах о том, что звукоподражания одновременно могут использоваться в ситуациях, когда говорящий стремится максимально близко отобразить чувственный опыт, так сказать, наглядно показать, что произошло, а также в ситуациях, когда событие пересказывается посторонним наблюдателем, а значение

звукоподражания туманно и зависит от контекста (Sasamoto, Jackson 2016). Придется согласиться с тем, что большинство сигналов являются комплексными, так что один знак может совмещать в себе иконические, индексальные и символические свойства (Clark 1996: 159).

В отношении междометий и звукоподражаний как классов очевидно то, что они находятся на разных уровнях семиотической системы. Основная идея заключается в природе самого знака: звукоподражания – это иконы, междометия – индексы. С точки зрения прагматики междометия дейктичны, что ставит их на один уровень с индексами Ч. Пирса. Они могут либо включать дейктический элемент как часть своей формы (например, *спасибо!*), исходить из дейктического элемента (например, *вот оно!*) или сопровождаться физическим жестом, который включает в себя дейктический компонент (Wilkins 1992: 133). На семантическом уровне рассмотрения междометий оказывается, что они подразумевают, что адресат должен присутствовать в контексте или что объект в контексте должен находиться в определенном пространственном отношении к говорящему (ibid.: 155). Во многом ЗГМ ведут себя подобно остальным междометиям. Переходя от иконического отображения звука к указанию на психическое состояние говорящего, они становятся зависимыми от контекста, а в некоторых контекстах могут выполнять и другие прагматические функции, кроме экспрессивной (Kanerva 2020). Отсутствие или наличие дейктических компонентов здесь не является решающим, так как их функцию выполняет контекст.

Как уже говорилось ранее, разные языковые знаки по-разному относятся к своему объекту изображения: символы описывают, индексы указывают, иконы отображают. Это означает, что они сигнализируют о том, что информация о событии поступает к собеседникам из разных дискурсивных планов. Иконические знаки как бы цитируют звучание, но даже такие знаки могут сигнализировать о значении, присутствующем во внеязыковой реальности. Мы приходим к выводу, что ЗГМ преимущественно отображают звуки, указывают на действие, связанное с определенными звуками, или свидетельствуют о восприятии этого действия говорящим как внезапного. Они делают это с разной степенью конвенциональной условности. Чтобы иметь

возможность описывать события или явления, эти слова должны преобразоваться в другие классы слов, как правило, существительные или глаголы, посредством словообразования. В следующем разделе рассматривается шкала условности всех упомянутых языковых единиц и то, как происходит переход от одного класса к другому.

2.4.4 Импликации знаковости в использовании ЗГМ в речи

Далее мы постараемся ответить на интригующий многих вопрос о мотивах использования столь морфологически простых языковых единиц в речи. На наш взгляд, особая знаковая природа ЗГМ диктует целый ряд причин, по которым эти слова могут употребляться носителями языка вместо полностью конвенциональных существительных или глаголов, обозначающих соответствующие звуки или действия. Представляется, что первостепенным фактором в этом процессе выступает «метапринцип иконичности», сформулированный Т. Гивоном (Givon 1985: 189) следующим образом: «при прочих равных условиях кодированный опыт легче хранить, извлекать и передавать, если код максимально изоморфен опыту» (перевод наш, ориг. англ.: *all other things being equal a coded experience is easier to store, retrieve, and communicate if the code is maximally isomorphic to the experience*). Основная идея этого принципа заключается в том, что иконичные знаки легче обрабатывать, чем обычные. Несомненно, существует сильное иконическое соответствие между формой и значением таких слов, как *бац*, *плюх* и *звяк*, в силу их звукоподражательной природы. Говорящие могут с меньшими усилиями получить доступ к значению этих языковых единиц благодаря их способности иконически отображать звуки окружающей действительности или указывать на действие, с этими звуками связанное. Недавнее исследование О. Канерва и Т. Хяйкье (Kanerva, Häikiö 2022) показало, что иконическое соответствие между формой и значением слов типа *бац*, *плюх* и *звяк* помогает носителям другого языка, никогда до этого не изучавшим русского, догадаться о значении этих слов даже вне контекста. В присутствии внеязыкового контекста

участники этого исследования могли очень точно и быстро определить значение абсолютного большинства слов-стимулов. Эти результаты потенциально проливают свет на причины, по которым люди прибегают к использованию подобных слов в том случае, если они не владеют никаким общим языком, а необходимо хоть как-то объяснить ситуацию.

Перейдем к следующему фактору, который, на наш взгляд, может предложить жизнеспособное объяснение причинам употребления данных языковых единиц в речи. Понятие «экономической мотивации» Дж. Хаймана (Haiman 1983: 801) гласит, что концептуальная простота понятия отображается в простоте его формы. Таким образом, редукция формы является экономически мотивированным показателем того, что это понятие нам знакомо (ibid.: 802). Эта концепция объясняет лаконичный морфологический состав таких слов, как *бац*, *плюх* и *звяк*, которые по определению не содержат флективных или словообразовательных морфем. Этот принцип подразумевает, что знакомые объекты обычно морфологически короче. Подобное узнавание гарантируется семантической предсказуемостью этих слов на уровне звукоподражания. Экономическую мотивацию использования ЗГМ можно также увидеть в «максиме количества информации» Х. Грайса (Grice 1975: 45), требующей от говорящего формулировать высказывания так, чтоб их информативность адекватно соответствовала речевой ситуации. В то же время это высказывание не должно передавать больше информации, чем это необходимо. Лаконичность морфологической формы в сочетании с иконичностью таких слов, как *бац*, *плюх* и *звяк*, отвечает обоим требованиям, выдвигаемым «максимой количества информации». Эти две особенности позволяют сохранить краткость высказывания и его максимальную информативность одновременно. В ряде исследований (см. Кор Шаин 2008; Nikitina 2012; Канерва, Виймаранта 2018) утверждается, что употребление ЗГМ русского языка вместо однокоренных глаголов является обычным явлением. Примеры из НКРЯ наглядно иллюстрируют естественность подобного употребления: *Галопом до польны, плашмя в нее бултых, и галопом обратно, отряхивая на ходу водоросли* («Сказки зимнего Байкала» // «Нефтяник», 2003); *Я*

приехал на тренировку, никому ничего не сказал, только шампанское бух на стол (Н. Бестемьянова и др. «Пара, в которой трое»); Старушка топ-топ-топ, и смотрю – несет мое дело! (В. Дудинцев «Белые одежды»). Из примеров явствует, что в выражениях *плашмя бултых* = *бултыхнулся/-лась* (*нырнул/-а*) в *полыню*, *я бух* = *бухнул/-а* (*поставил/-а*) шампанское на стол, *старушка топ-топ-топ* = *топает* (*идет*) все три языковые единицы (*бултых*, *бух* и *топ*) легко заменимы либо однокоренными, либо близкими по смыслу глаголами, следовательно, выполняют функцию сказуемого. При этом они являются более экономичными по форме, а также более содержательными в плане способности передавать звуки, сопровождающие действие, если сравнивать с глагольными эквивалентами, которые описывают только действие.

Поскольку существует прямая зависимость между предсказуемостью значения и малым количеством кодирующего материала (Givón 1991: 87–89), от говорящего, предпочитающего использовать слова типа *бац*, *плюх* и *звяк*, требуется меньше усилий, чтобы изобразить акустические события или указать на кинетические образы. Звукоподражательная природа этих слов делает их более удобными для восприятия, морфологически более простыми, коммуникативно эффективными, емкими и, как следствие, способствует их использованию в речи. Этот вывод соотносится с положением о том, что звукоподражания являются почти идеальными примерами определенного баланса между давлением, налагаемым специфическими для языка фонологическими ограничениями, и внутренней потребностью слов успешно выражать значение через форму (см. Dingemanse et al. 2015).

Что происходит, когда эти слова служат коммуникативным целям? Как признавал Карцевский (1984), вполне возможно присвоить им полное пропозициональное содержание. В его примере описана ситуация, когда горничная случайно роняет чашку в присутствии двух других людей, один из которых произносит *бах!*, чтобы смягчить неловкую ситуацию. Это восклицание представляет собой эллиптическую конструкцию, полной версией которой было бы *«Вы только что сделали: бах!»* (там же: 131). При этом подразумевается, что тот, кто произнес это

бах!, сочувствует совершившему действие в этой неловкой ситуации и старается ее смягчить. Считается, что междометия зачастую синтаксически независимы, потому что коммуникативная среда, в которой они употребляются, предлагает четкий набор селективных воздействий, касающихся минимальности, заметности, контраста или других адаптивных свойств, которые сжимают их до оптимальной формы (Dingemanse 2017: 200). Селективные воздействия объясняются на примере междометия *huh?* (Dingemanse et al. 2013). Минимальность требует того, чтобы высказывание было кратким, потому что разговор представляет собой серию коммуникативных ходов, которые должны быть лаконичными. В то же время, чтобы взаимодействие продолжалось, эти ходы должны стимулировать ответные ходы. Это требует выдвижения слова в предложении на передний план или иного способа подчеркивания, делающего его заметным (обычно при помощи порядка слов, интонации, жеста, на письме – при помощи подчеркивания, курсива, выделения жирным шрифтом, употребления особой пунктуации). И, наконец, при условии того, что слова возникают в диалоге, важна инфраструктура коммуникации, партитура диалога, что означает, что такие языковые единицы, причем даже наиболее конвенциональные из них, обладают рядом адаптивных свойств, позволяющих им меняться в зависимости от условий употребления.

В контексте, упомянутом Карцевским (Карцевский 1984: 131), *бах!* является ожидаемой реакцией на ситуацию. Этому слову присущи все признаки речевого акта. Разговорная среда требует большей условности, чем в случае простой имитации звуков. Последствия этого должны быть известны участникам. Интересно отметить, что такая же категоризация применяется, когда исследователи говорят о дискурсивных функциях ЗГМ. Наше исследование примыкает к этой традиции. Чтобы изучаемые слова были выразительными, говорящий и слушающий должны быть знакомы с их прагматическим смыслом. Мы собираемся косвенно подтвердить предположение о том, что некоторые ЗГМ подверглись определенному семантическому выцветанию и отошли от иконической имитации звуков к указанию на

когнитивные состояния говорящего, рассмотрев, как ведут себя эти слова в разнообразных контекстах из Корпуса.

* * *

Итак, разобрав возможные подходы к изучению ЗГМ, мы предполагаем, что они будут функционировать особым образом, в сравнении с другими единицами языка. Мы также полагаем, что особые формы выразительности, которыми обладают эти слова, могут встретиться в нашем анализе. Необходимо теперь выбрать методы и способы анализа, адекватные материалу.

3 МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этой главе мы опишем выбор методов исследования, наиболее соответствующий его целям. Мы остановимся на преимуществах каждого из методов поиска и извлечения информации, необходимой для проведения дальнейшего анализа. Критически анализируя методы, мы укажем на некоторые их недостатки и будем обосновывать решения, найденные в процессе исследования. Наконец, мы объясним связь между методами и полученной информацией.

3.1 МЕТОД СОСТАВЛЕНИЯ ВЫБОРКИ ПО СЛОВАРЯМ

На момент начала проведения исследования не существовало исчерпывающего списка исследуемых языковых единиц, который мог бы дать четкое представление о словах, принадлежащих к означенной группе. В силу этого мы начали сбор данных с формирования списка слов, относящихся к выделенному классу. Нам были известны несколько источников, в которых были представлены списки глагольных междометий. Посмотрим, как распределялся по ним материал.

Пособие Середы (Середа 2005: 159) содержало 67 слов, причисляемых к этому классу (бах, бабах, бац, бряк, бултых, буль, бух, бьяк, верть, вжик, глядь, грох, дерг, дрыг, ек, звяк, зырк, кап, кувырк, ляп, мах, морг, нырь, плюх, прыг, пых, скрип, скок, стук, толк, топ, трах, тресь, трях, тук, тык, тырк, тюк, тяп, хап, хватъ, хлестъ, хлобысь, хлоп, хлысть, хрусть, хря, хряп, хрясть, хрясь, цап, цоп, царап, цок, чик, чирк, чмок, шарах, шарк, шастъ, шварк, шлеп, шмыг, шмяк, шнырь, щелк, юрк). Этот список содержал

глагольные междометия, но не указывалось, какие из них также могут отображать звуки окружающей действительности.

В статье Никитиной (Nikitina 2012) о неконъюгированных формах глагола «вербоидах» (verboids) русского языка также был предоставлен список из 49 глагольных междометий (*бряк, буль, бульк, чик, чирк, плюх, пых, скрип, стук, свись, щелк, шлеп, топ, хряп, хрясть, хрясь, хрусть, хрусь, звяк, брык, шарах, хлесть, хватать, дерг, толк, тык, цап, царап, кусь, щип, юрк, кувырк, нырк, нырь, порх, прыг, скок, шасть, шмыг, швырк, швырь, виль, дрыг, верть, глядь, луп (+ глазами), мах, морг, зырк*), но при этом о некоторые из них говорилось, что они также указывают на характерные звуки (*бряк, буль, бульк, чик, чирк, плюх, пых, скрип, стук, свись, щелк, шлеп, топ, хряп, хрясть, хрясь, хрусть, хрусь, звяк*). При этом автор отмечала, что список глагольных междометий звукоподражательного характера не был исчерпывающим.

И. Кор Шаин (2008) со ссылкой на Е.Н. Прокопович (1982: 145, 148) представила 47 языковых единиц, 23 из которых шли с пометой «предикатив» и «междометие» (*бац, бряк, бултых, бух, грох, ек, звяк, кап, ляп, пых, скрип, стук, топ, трах, хватать, хлоп, хоп, хрусть, хрясть, чик, чмок, щелк, шлеп*), а 24 – только с пометой «предикатив» (*верть, дерг, кувырк, мах, морг, плюх, перх, прыг, пырь, свись, скок, толк, трях, тык, тырк, хап, хлысть, цап, царап, шарк, шасть, шварк, шмыг, юрк*). Такое разделение указывает на то, что те языковые единицы, которые идут с пометой «предикатив» и «междометие», могут обозначать действие, сопровождаемое характерным звуком. В то же время функционирование слов, идущих с пометой «предикатив», по всей видимости, ограничивалось сказуемостным употреблением.

При сравнении этих списков стало очевидным, что три источника по-разному закрепляют за глагольными междометиями возможность отображать внеязыковые звуки. В первую очередь нам представлялось целесообразным выяснить, какие языковые единицы могут вызывать и звуковые, и кинетические образы. В дополнение к этому нам хотелось собрать наиболее полный список ЗГМ русского языка.

Первым шагом было обращение к словарям как к основным, легкодоступным и надежным источникам эмпирического

материала. В этой диссертации мы, прежде всего, опирались на материал, полученный из этих источников. Это было нужно для того, чтобы подтвердить морфологические, лексические и синтаксические свойства этих языковых единиц, основываясь на имеющихся в словарях записях и пометах. Не полагаясь полностью на свою языковую интуицию при отборе слов, мы хотели заручиться авторитетом составителей словаря, предоставляющих определенные критерии приписывания заданных категорий этим языковым единицам.

В данном исследовании использовалось несколько словарей русского языка. Поскольку ни один из них не дает помету «звукоподражание», первоначальный критерий поиска заключался в том, чтоб языковая единица, указанная в грамматических словарях, была отмечена и как сказуемое, и как междометие. Такой подход помог нам выделить в первую очередь глагольные междометия. Во-вторых, мы обратились к толковым словарям, чтоб найти описание акустических событий, связанных с рассматриваемыми языковыми единицами.

Грамматический словарь русского языка А.А.Зализняка (Зализняк 2010) позволяет составить список из 60 глагольных междометий (амба, бабах, бах, бац, бряк, бултых, буль-буль, бульк, бух, верть, вжик, грох, динь-динь, звяк, кряк, пас, паф, пиф-паф, плюх, пых, скрип, стук, тарарах, толк, топ, трали-вали, трах, трук-трук, трюх-трюх, тук, тук-тук, тюк, тю-тю, тяп, фук, хлесть, хлопбсь, хлоп, хлысть, хлюп, хлясть, хоп, хруп, хрусть, хрюк, хрясть, хрясь, цок, чебурах, чик, чик-чирик, чирик, чирк, чих, чмок, шарах, шась, шварк, шлеп, щелк). Количественно список и этого словаря уступает списку из пособия Середы (Середа 2005: 159), но дает языковые единицы, которые ранее не упоминались ни в одном из вышеприведенных списков, например, *динь-динь*, *пиф-паф*, *тарарах*, *фук*, *трук-трук* и т. д. Этот словарь подходил тем, что позволял выяснить, какие языковые единицы русского языка имеют омеждомеченное употребление, а также могут выступать в качестве предикатов. Оставалось неясным, какие из приведенных в словаре слов могут быть звукоподражательными, и наши сомнения касались, в частности, таких слов, как амба, пас, хоп.

Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой (Ефремова 2000) содержит 159 словоформ (с вариантами получается 166 словоформы), относящихся к этой группе: *апчхи, ау, ах (ах-ах), бах, бабах, бац, блеск, бом, бряк, брысь, бултых, буль (буль-буль), бум, бух, верть, вжик, во, гав, грох, дерг, динь-динь, долой, дон, дрыг, жжик, звяк, зырк, ик, их, кап, караул, ква, квак, круть, кувырк, кукареку, ку-ку, к чертям (к черту), киш, киш-кыш, киш, кыш, кис, мах, мельк, морг, мур, мяу, ну-ну, о, ой, оп, ох, пас, паф, пафф, пиф-паф, пиль, пли, плюх, порх, прыг, прыск, прысь, пых, скок, крип, стук, трах, трах-тарарах, тарарах, тик, тик-так, толк, топ, тпрр, тпру, трень-брень, трух-трух, трюх-трюх, тсс, тук (тук-тук), тырк, тьфу, тфу, тюк, тю-тю, тьяв, тьяп, узы, ух, уф, фа, фу, фук, фыр, фью (фью-фью), фьют (фюйт), фю (фю-фю), ха, хват, хе, хи-хи, хлест, хлесть, хлобысть, хлоп, хлысть, хлюп, хляск, хлясть, хм, хны, хрясть, хоп, хруп, хрусть, хрю, хрюк, хрясть, царап, цап, цвинь, цвирик, цвирк, цок, цып, цыц, чебурах, чик, чик-чирик, чирик, чирк, чих, чив (чив-чив), чмок, чок, чух, чи, чи-ш, шарах, шарк, шасть, шварк, швырк, швырь, шлеп, ши, шмыг, шмяк, ши, шорк, шу-шу, целк, щип, юрк. Поскольку этот словарь дает не только грамматическую информацию о классах слов, но и информацию об их семантике, можно было дополнительно сформировать список из ЗГМ. В частности, в словарных статьях все языковые единицы из списка, приведенного ниже, характеризовались как междометия, изображающие естественные звуки, которые также выступали в качестве предикатов: *апчхи, ах (ах-ах), бах, бабах, бац, бом, бряк, бултых, буль (буль-буль), бум, бух, вжик, грох, динь-динь, дон, жжик, звяк, ик, кап, паф, пафф, пиф-паф, плюх, пых, скрип, стук, трах, трах-тарарах, тарарах, тик, тик-так, топ, трень-брень, тук (тук-тук), тюк, тю-тю, тьяп, ух, фу, фук, фью (фью-фью), фьют (фюйт), хлест, хлесть, хлобысть, хлоп, хлысть, хлюп, хляск, хлясть, хрясь, хруп, хрусть, хрясть, цок, чик, чирик, чирк, чих, чмок, чок, шарах, шарк, шварк, шлеп, ши, шмыг, шмяк, шорк, шу-шу, целк.**

После рассмотрения всех списков мы создали свой собственный вариант набора исследуемых лексем. Общий список слов, выделенных в данном исследовании в качестве ЗГМ, состоит

из следующих единиц: *ах* (*ах-ах*), *апчихи*, *бац*, *бах*, *бабах*, *бом*, *бряк*, *бух*, *буль* (*буль-буль*), *бульк*, *бултых*, *бум*, *хлест*, *хлесть*, *хляск*, *хлесть*, *хлоп*, *хлобысть*, *хлоп*, *хлысть*, *хряп*, *хрясь*, *хрясть*, *хруп*, *хрусь*, *хрусть*, *цок*, *чих*, *чик*, *чирик*, *чирк*, *чмок*, *цок*, *динь-динь*, *дон*, *фью* (*фью-фью*), *фьють* (*фюйт*), *фу*, *фук*, *грох*, *ик*, *кап*, *паф*, *пафф*, *пиф-паф*, *плюх*, *пых*, *скрип*, *стук*, *свись*, *шарах*, *шарк*, *ши*, *шлеп*, *шмяк*, *шмыг*, *шорк*, *шу-шу*, *шварк*, *щелк*, *тарарах*, *тик*, *тик-так*, *тяп*, *тюк*, *тю-тю*, *топ*, *трах*, *трах-тарарах*, *трень-брень*, *тук* (*тук-тук*), *ух*, *вжик*, *звяк*, *жжик* (Таблица 2).

Могут возникнуть сомнения в том, что *ах* (*ах-ах*) и *ух* являются именно ЗГМ, а не только междометиями. Слова *ах* и *ух* обычно не считаются знаменательными словами, так как они не несут в себе какого-либо конкретного значения или смысла. Они могут использоваться в различных ситуациях для выражения эмоций, таких как удивление, восхищение, удовольствие или досада. Однако в определенных контекстах эти эмоции могут восприниматься как непосредственное содержание междометий. У *ах* – высшая форма выражения неожиданного восхищения, восторга, у *ух* – уважительное отношение к качественному результату. Тогда становится возможным их *ad hoc* превращение в слова со специальным значением и даже в ЗГМ. В НКРЯ находим соответствующие примеры: *Но не спали, толкали друг друга, боясь пропустить минуту, когда виновник торжества выйдет, увидит стол и – ах! Вот тебе и – ах!* (И. Грекова «Фазан»), *И в санках с горы – ух!* (Т. Криветко «До чего же славной бывает масленица!» // «Трамвай», 1990). Очевидно, что, в отличие от подавляющего большинства случаев употребления, здесь междометия стоят в финальной позиции и являются по сути ЗГМ. Кроме того, словарь Ефремовой (Ефремова 2000) также указывает, что и *ах*, и *ух* употребляются для обозначения сильных звуков, воспроизводимых, в частности, выстрелами. В том же источнике говорится и об их предикативном употреблении.

Как видно из Таблицы 2, в ходе анализа сопоставлялись записи, касающиеся языковых единиц, которые отмечены одновременно как междометия и как предикативы хотя бы в одном из источников. Обратим внимание на то, что некоторые слова, отмеченные и как междометия, и как предикативы в одном

источнике, могут не иметь одного из этих признаков в другом. Вдобавок словарные статьи к каждому слову проверялись на наличие описания соответствующих звуков или шумов, которые они могли бы отображать. Слова, явно удовлетворяющие все три критерия хотя бы в одном источнике, выделены жирным шрифтом в Таблице 2.

Таблица 2 Сравнительная таблица материала из словарей и других источников эмпирических данных об исследуемых словоформах

Примечание. М — междометие; П — предикатив; З — звукоподражание; * — команды животным или эмоциональные выкрики; ** — крики животных.

		Е.В. Середина (2005)			Т.В. Никитина (Nikitina 2012)			И. Кор Шаин (2008) / Е.Н. Прокопович (1982)			А.А. Зализняк (2010)			Т.Ф. Ефремова (2000)		
		М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З
1.	амба	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2.	апчхи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3.	ау	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4.	ах (ах-ах)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5.	бабах	++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6.	бах	++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7.	бац	++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8.	блеск	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9.	бом	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10.	брьк	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11.	брьсь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12.	бряк	++	—	—	++	—	—	++	—	—	++	—	—	++	—	—
13.	бултых	++	—	—	—	—	—	++	—	—	++	—	—	++	—	—
14.	буль (буль-буль)	++	—	—	++	—	—	—	—	—	++	—	—	++	—	—
15.	бульк	—	—	—	++	—	—	—	—	—	++	—	—	—	—	—
16.	бум	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17.	бух	++	—	—	—	—	—	++	—	—	++	—	—	++	—	—
18.	бяк	++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19.	верть	++	—	—	++	—	—	—	—	—	++	—	—	++	—	—
20.	вжик	++	—	—	—	—	—	—	—	—	++	—	—	++	—	—
21.	виль	—	—	—	++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22.	во	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23.	гав	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24.	глядь	++	—	—	++	—	—	—	—	—	—	—	—	++	—	—
25.	грох	++	—	—	—	—	—	++	—	—	++	—	—	++	—	—
26.	дерг	++	—	—	++	—	—	—	—	—	—	—	—	++	—	—
27.	диль-диль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++	—	—	++	—	—

		Е.В. Се- реда (2005)			Т.В. Ники- тина (Nikitina 2012)			И. Кор Шаин (2008) / Е.Н. Про- копович (1982)			А.А. Зализ- няк (2010)			Т.Ф. Ефре- мова (2000)		
		М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З
28.	<i>долгой</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
29.	<i>дон</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	
30.	<i>дрыг</i>	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	
31.	<i>ек</i>	+	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	
32.	<i>жжик</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	
33.	<i>звяк</i>	+	+	—	+	+	+	+	—	—	+	+	—	+	+	
34.	<i>зырк</i>	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	
35.	<i>ик</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	
36.	<i>их</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
37.	<i>к чертям (к черту)</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
38.	<i>кап</i>	+	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	+	+	+	
39.	<i>караул</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
40.	<i>ква</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+++	
41.	<i>квак</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+++	
42.	<i>кис</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
43.	<i>киш</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
44.	<i>киш-кыш</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
45.	<i>круть</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	
46.	<i>кряк</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	+++	
47.	<i>кувырк</i>	+	+	—	+	+	—	—	+	—	—	—	+	+	—	
48.	<i>кукареку</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+++	
49.	<i>ку-ку</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+++	
50.	<i>кусь</i>	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
51.	<i>кш</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
52.	<i>кыш</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
53.	<i>луп</i>	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
54.	<i>ляп</i>	+	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	
55.	<i>мах</i>	+	+	—	+	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	
56.	<i>мельк</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	
57.	<i>морз</i>	+	+	—	+	+	—	—	+	—	—	—	+	+	—	
58.	<i>мур</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+++	
59.	<i>мяу</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+++	
60.	<i>ну-ну</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
61.	<i>нырк</i>	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
62.	<i>нырь</i>	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
63.	<i>о</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
64.	<i>ой</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
65.	<i>оп</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
66.	<i>ох</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—*	
67.	<i>пас</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	—	
68.	<i>паф</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	+	

		Е.В. Се- реда (2005)			Т.В. Ники- тина (Nikitina 2012)			И. Кор Шаин (2008) / Е.Н. Про- копович (1982)			А.А. Зализ- няк (2010)			Т.Ф. Ефре- мова (2000)		
		М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З
69.	пафф	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
70.	перх	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
71.	пиль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-*
72.	пиф-паф	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
73.	пли	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-*
74.	плюх	++-	—	—	+++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
75.	порх	—	—	—	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-
76.	прыг	++-	—	—	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-
77.	прыск	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-
78.	прысь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-*
79.	пырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	-+—
80.	пых	++-	—	—	+++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
81.	свись	—	—	—	+++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
82.	скок	++-	—	—	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-
83.	скрип	++-	—	—	+++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
84.	стук	++-	—	—	+++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
85.	тарарах	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
86.	тик	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
87.	тик-так	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
88.	толк	++-	—	—	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+--
89.	топ	++-	—	—	+++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
90.	тпру	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-*
91.	тпру	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-*
92.	трали-вали	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
93.	трах	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
94.	трах-тарарах	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
95.	трень-брень	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
96.	тресь	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
97.	трух-трух	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-
98.	трюх-трюх	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-
99.	трях	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
100.	тсс	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-*
101.	тук (тук-тук)	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
102.	тфу	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-*
103.	тык	++-	—	—	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
104.	тырк	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++**
105.	тьфу	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	++-*
106.	тюк	++-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
107.	тю-тю	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++
108.	тяв	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+++**

		Е.В. Се- реда (2005)			Т.В. Ники- тина (Nikitina 2012)			И. Кор Шаин (2008) / Е.Н. Про- копович (1982)			А.А. Зализ- няк (2010)			Т.Ф. Ефре- мова (2000)		
		М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З
109.	тяп	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+
110.	узы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
111.	уф	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
112.	ух	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
113.	фа	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
114.	фу	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
115.	фук	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+
116.	фыр	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
117.	фью (фью- фью)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
118.	фьють (фюйтть)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
119.	фю (фю- фю)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
120.	ха	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
121.	хап	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
122.	хвать	+	+	-	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
123.	хе	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
124.	хи-хи	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
125.	хлест	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
126.	хлесть	+	+	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+
127.	хлобысть	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
128.	хлобысь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
129.	хлоп	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	+	+	+
130.	хлысть	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+
131.	хлюп	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+
132.	хляск	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
133.	хлясть	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+
134.	хм	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
135.	хны	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-*
136.	хол	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-
137.	хрусть	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+	+
138.	хрусь	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
139.	хрю	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
140.	хрюк	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+
141.	хрюп	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+
142.	хря	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
143.	хряп	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
144.	хрясть	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+	+
145.	хрясь	+	+	-	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	+	+
146.	цал	+	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-
147.	царап	+	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-
148.	цвинь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+

		Е.В. Се- реда (2005)			Т.В. Ники- тина (Nikitina 2012)			И. Кор Шаин (2008) / Е.Н. Про- копович (1982)			А.А. Зализ- няк (2010)			Т.Ф. Ефре- мова (2000)		
		М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З	М	П	З
149.	<i>цвирик</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
150.	<i>цвирк</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
151.	<i>цок</i>	+	+	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—
152.	<i>цоп</i>	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—
153.	<i>цып</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	*
154.	<i>цыц</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	*
155.	<i>чебурах</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	—	—
156.	<i>чив (чив- чив)</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
157.	<i>чик</i>	+	+	—	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+
158.	<i>чик-чирик</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	+	+
159.	<i>чирик</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	+	+
160.	<i>чирк</i>	+	+	—	+	+	+	—	—	+	+	—	+	+	+	+
161.	<i>чих</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	+	+
162.	<i>чмок</i>	+	+	—	—	—	—	+	+	—	+	+	+	+	+	+
163.	<i>чок</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
164.	<i>чух</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
165.	<i>чи</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	*
166.	<i>чи-ш</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	*
167.	<i>шарах</i>	+	+	—	+	+	—	—	—	+	+	—	+	+	+	+
168.	<i>шарк</i>	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
169.	<i>шасть</i>	+	+	—	+	+	—	—	—	+	+	—	+	+	—	—
170.	<i>шварк</i>	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	+	+
171.	<i>швырк</i>	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—
172.	<i>швырь</i>	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—
173.	<i>ши</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
174.	<i>шлеп</i>	+	+	—	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+
175.	<i>шмыг</i>	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
176.	<i>шмяк</i>	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
177.	<i>шнырь</i>	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
178.	<i>шорк</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
179.	<i>шу-шу</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
180.	<i>шш</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	*
181.	<i>щелк</i>	+	+	—	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+
182.	<i>щип</i>	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—
183.	<i>юрк</i>	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—

Благодаря академическим словарям удалось найти максимальное количество лингвистических единиц, принадлежащих к классу ЗГМ, а также снабдить каждую отобранную единицу ссылкой на надежный источник в форме соответствующей словарной статьи. Анализ словарей – это

первый использованный нами метод исследования. После того как мы убедились, что каждое из слов в выборке можно отнести к изучаемому классу на основе словарной информации, сбор материала продолжился по Национальному корпусу русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

3.2 МЕТОДЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Выше был описан метод составления выборки по словарям. Однако такая выборка недостаточно отражает реальное употребление исследуемых слов в устной и письменной речи. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru>, Плунгян и др. 2005) является основным источником эмпирических данных, проанализированных в данном исследовании. НКРЯ содержит самые разнообразные материалы. Тексты, которые содержит НКРЯ, представляют не только литературный русский язык, но и диалекты, исторические документы, разговорную речь и относятся к различным жанрам и направлениям. Их можно условно разделить на ранние письменные тексты (до середины XX века) и современные (с середины XX века). Весь лингвистический материал имеет метаразметку, а также синтаксическую, семантическую и морфологическую разметку (Ляшевская и др. 2005; Рахилина и др. 2009; Савчук 2005). Важной особенностью корпуса является то, что в нем уделяется внимание лексической неоднозначности как возможному источнику затруднений для морфологического анализа. С этой целью значительная часть языкового материала подается со снятой омонимией. Используя терминологию известных корпусных лингвистов Т. МакЭнери и А. Харди (McEnergy, Hardie 2012: § 1.3), НКРЯ можно назвать типичным примером «мониторингового» (monitor) корпуса, так он представлен постоянно пополняющимися наборами лингвистических данных. Например, в 2018 году объем основного корпуса составлял 283 431 966 слов, а в 2022 году – уже 337 025 184 слова.

Устный корпус входит в состав НКРЯ, однако существует также и как самостоятельный корпус с 2007 года. Этот корпус можно охарактеризовать как «оппортунистический» (opportunistic),

согласно типологии МкЭнери и Харди (ibid.: § 1.3), потому что он состоит из материала, который можно было собрать для представления достаточной выборки, отражающей живую звучащую речь. Он содержит расшифровки записей публичных выступлений, частных бесед и транскрипты из художественных фильмов. Преимуществом корпуса является то, что он охватывает различные жанры и темы; материал для него был собран из разных географических районов в течение длительного периода времени (с 1900 по 2000 год). Стенограммы содержат метаданные об авторе монолога или участниках диалога/полилога, такие как имя (иногда анонимизированное), пол, возраст, род занятий или другую социальную информацию. Кроме того, указывается тема, тип, место и время записи текстов, а также их сфера функционирования и характеристики аудитории (Гришина 2005; Гришина, Савчук 2009). Лингвистическая разметка включает в себя семантические и морфологические теги. В корпусе используется стандартная русская орфография и предусмотрен поиск по морфологическим, грамматическим и семантическим характеристикам слов. Интонационная разметка включает в себя маркировку границ высказывания. В частности, обозначены короткие и длинные паузы.

В данной работе также использовался материал из еще одного корпуса разговорной речи, названного «Один языковой день», работа над созданием которого началась с 2007 года. Он был сконструирован при помощи непрерывной записи повседневного общения информанта с окружающими в течение 24 часов. При этом диктофон все это время был стационарно закреплен на участнике. Данный корпус был собран с целью детального изучения того, как протекает речь носителей русского языка в течение дня в зависимости от времени суток, места общения, состава и социальных характеристик участников, их эмоционального состояния и когнитивного настроения. В данном корпусе присутствует интонационная разметка, представлены прагматические маркеры и их функции. Корпус содержит 1250 часов записей устных разговоров. Записи жителей современного города из разных социальных групп были собраны с участием 128 информантов и более 1000 участников бесед с ними. Общий объем корпуса – около 1 000 000 словоупотреблений с перспективой

последующего расширения. Этот корпус был нам полезен тем, что мы смогли более детально рассмотреть прагматические функции ЗГМ и обогатить это исследование примерами из звучащей речи.

Сбор корпусных данных является относительно быстрым и эффективным способом получения материала для исследования. Он легко предоставляет информацию, достаточную для проведения научного исследования. Мы воспользуемся этим источником для получения более подробной информации о природе русских ЗГМ и понимания сложности этого явления.

В некоторых частях нашего исследования мы прибегаем к методам корпусной лингвистики, причем используем корпуса трояким образом. Корпус может направлять исследование в том смысле, что на основе содержащихся в нем данных можно выстраивать гипотезы и, обращаясь к тому же источнику, подтверждать или опровергать их. Далее, исследование может быть основано на извлекаемых из корпуса под определенным углом зрения данных, в частности статистических. Наконец, корпусной материал может быть источником иллюстраций, примеров к некоторым положениям. Все эти функции меняются в зависимости от поставленных в каждом случае целей. Например, в разделе, посвященном анализу синтаксиса и знаков препинания с ЗГМ, описывается исследование Канерва и Виймаранта (2018), которое направлялось корпусными данными. Поскольку предварительных исследований корреляции между синтаксическими функциями и знаками препинания обнаружено не было, корпусные данные использовались для выдвижения гипотезы относительно взаимосвязи синтаксиса и пунктуации.

Начиная свое исследование, мы не имели четких представлений о том, что ЗГМ могут выполнять специфические синтаксические функции, т. е. помимо общих представлений об их многозначности мы не нашли никаких работ, привлекающих для доказательства широкий экспериментальный или корпусный материал в этой области. Т. Тонини-Бонелли (Tognini-Bonelli 2001: 86), объясняя разницу между изучением языка, основанным на корпусе, и изучением языка, управляемым корпусом, настаивает на том, что большое количество потенциально значимых паттернов могут оставаться незамеченными или даже нераспознанными традиционной лингвистикой до тех пор, пока

они не появятся в большом количестве в корпусе. Одно из основных условий такого подхода заключается в том, что исследователь не должен строить никаких теорий по этому вопросу до изучения корпусных данных. Именно такой подход направляется корпусными данными.

В настоящей диссертационной работе корпусные данные использовались не только для извлечения подкорпуса интересующих нас языковых единиц, но и для извлечения информации о характерных особенностях ЗГМ и того, как они функционируют в языке. Другие использованные нами методы, в том числе лингвистические и психолингвистические эксперименты, статистический анализ и анализ текстов, базируются на материале, собранном из корпуса и словарей. Например, примеры из корпуса использовались не только для подтверждения гипотез, но и для проверки языковой интуиции носителей языка в отношении анализируемых языковых единиц.

3.3 ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

В диссертационном исследовании используется несколько экспериментальных лингвистических методов, а именно, субститутивный и ассоциативный тесты. Субститутивные тесты, также называемые тестами на замену, имеют широкую сферу применения. Они используются для измерения скорости обработки информации, восприятия семантических категорий и когнитивных способностей в целом. В центре нашего внимания было применение тестов на замену слова в предложении. Статистический анализ экспериментальных данных определил общие грамматические закономерности в расстановке знаков препинания с этими словами.

Ассоциативный эксперимент, также известный как элиситационный тест (направленный на получение скрытой информации), представляет собой довольно беспристрастный подход к измерению ассоциативной семантики слов-стимулов (Deese 1965). Основная идея этого метода заключается в том, что слова-ответы представляют собой ассоциативное значение слов-

стимулов. Результаты таких тестов отражают сознательное или подсознательное понимание участниками общего смыслового ядра между понятиями-стимулами и понятиями, генерируемыми в ответ. Учитывая тот факт, что ассоциативные тесты можно использовать для извлечения значения отдельных слов из уже имеющегося словарного запаса (Kiss 1975; McRae et al. 2005; Vinson, Vigliocco 2008), а также для оценки поведения языковых ассоциаций при усвоении нового лексического материала (Fitzpatrick, Izura 2011; Meera 2009), мы решили использовать этот метод для измерения того, насколько доступна семантика звукоподражательных слов на основе соотношения форма = значение. В отличие от экспериментальных парадигм принудительного выбора, которые обычно предлагают фиксированное количество вариантов ответа, ассоциативные эксперименты дают значительно больше свободы в этом отношении. Тесты принудительного выбора часто подвергались критике за то, что они сосредотачивают внимание на явно выраженном противопоставлении отдельно взятых характеристик, тем самым сжимая изучаемое явление до его противоположных признаков, и делают затруднительными выводы об общей природе рассматриваемого явления (Westbury et al. 2018). Кроме того, выбор, который должны сделать участники подобных экспериментов, иногда довольно прозрачен, интуитивен и предоставляет мало информации о причинах, по которым он был сделан (там же). Важно отметить, что экспериментальные парадигмы принудительного выбора, которые принято использовать для изучения символики звука, часто имеют дело с псевдословами и не гарантируют, что те же факторы влияют на распознавание семантики реально существующих звукоподражаний на основе того, как эти слова звучат. Для наших целей больше подходил ассоциативный эксперимент.

3.4 ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД ОТСЛЕЖИВАНИЯ ВЗГЛЯДА

В рамках данного исследования был проведен также психолингвистический эксперимент с использованием метода регистрации движений глаз. Гипотеза «глаз=разум» (eye-mind hypothesis, Just, Carpenter 1984) лежит в основе айтрекинговых исследований. Согласно этой гипотезе, люди направляют свой взгляд на объекты, которые в данный момент подвергаются процессу когнитивной обработки, т. е. люди смотрят на то, о чем думают. В частности, в данном исследовании использовалась парадигма «визуального мира» (the visual world paradigm). В обзорной статье (Huettig et al. 2011) подробно описывается применение этой методики при изучении процессов обработки лингвистической информации. Классический дизайн эксперимента с использованием парадигмы «визуального мира» состоит в том, что испытуемым предъявляются звуковые стимулы, одновременно или почти одновременно с которыми на экране демонстрируется целевой объект, который либо описан, либо упомянут в звуковых стимулах. Основная идея парадигмы «визуального мира» состоит в том, что испытуемые фиксируют взгляд на денотате звукового стимула. Экспериментальный дисплей обычно содержит сетку из четырех изображений 2x2. Одним из четырех изображений, представленных на экране, является целевое стимульное изображение (target image), выступающее в качестве денотата к звуковому стимулу. К остальным изображениям на экране относятся два отвлекающих изображения (competitor images), которые каким-либо образом связаны с целевым изображением, и отвлекающее изображение (distractor), которое никак не связано с целевым изображением и является полностью нерелевантным (irrelevant) по отношению к нему. Либо до, либо после того, как испытуемые прослушали стимульное слово или фразу, им отводится короткий промежуток времени для того, чтоб они могли посмотреть на экспериментальный дисплей. Во время просмотра картинок движение глаз участников эксперимента записывается для дальнейшего анализа с целью изучения когнитивных

механизмов, участвующих в восприятии стимульных слов или выражений.

Парадигма «визуального мира» использовалась в эксперименте на распознавание устной речи (Alloppenna et al. 1998). Задание к эксперименту давало участникам установку посмотреть на свечу. Устное высказывание содержало стимульное слово *candle* 'свеча'. Предъявление звукового стимула была согласовано во времени с демонстрацией изображений на экране. Экспериментальный дисплей содержал целевое изображение-денотат, иллюстрирующее свечу. Второе изображение выступало в роли фонетического конкурента к целевому изображению-денотату. Фонетический конкурент иллюстрировало слово, начало которого звучало так же, как и слово на целевом изображении. Это было слово *candy* 'конфета', начало которого произносится так же, как и слово «свеча» в английском языке. Третьим изображением на дисплее был еще один фонетический конкурент – слово, конец которого звучит так же, как и свеча на английском языке. Это было слово *handle* 'дверная ручка'. Нерелевантный дистрактор изображал долларовую банкноту и никак не был связан ни с одним из трех вышеописанных изображений. Результаты показали, что лексическая активация под воздействием звукового сигнала стимулировала направление взгляда на целевое изображение, иллюстрирующее свечу. Кроме того, результаты показали, что фонетическое сходство между произносимым словом и двумя словами-конкурентами, «конфетой» и «дверной ручкой», также стимулировало фиксацию на соответствующих изображениях. В частности, когда начинало звучать стимульное слово «свеча», вероятность того, что испытуемые будут смотреть на изображения свечи и конфеты, была выше по сравнению с остальными двумя изображениями. Ближе к концу звучания стимульного слова «свеча» вероятность фиксации на изображении дверной ручки начинала возрастать. В общих чертах это исследование показывает, что различные обрывки информации о целевом стимуле, которые становятся доступными для восприятия в режиме реального времени, активируют фиксации.

В то время как ассоциативные тесты могут ответить только на вопрос, можно ли угадать значение незнакомых слов и с какой

точностью, айтрекингové исследования предоставляют для проверки целый ряд других параметров, на основе которых можно детально проанализировать когнитивные процессы обработки информации в режиме реального времени.

3.5 СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

За методами корпусной лингвистики, психолингвистическими экспериментами или любыми другими исследованиями, основывающимися на опросах, должен следовать статистический анализ. Использование научных методов с применением математических расчетов дает доступ к объективным знаниям об общих грамматических принципах языка. Это исследование вряд ли стало бы возможным без разного рода статистических подсчетов. Наиболее широкое распространение в данном исследовании получили методы описательной статистики. В основном они были посвящены описанию и обобщению корпусных данных. Они включали составление таблиц частот и таблиц кросс-табуляции, а также расчет таких показателей, как среднее значение или процентные соотношения различных параметров.

Прежде всего данные, полученные из разных корпусов, нужно было проанализировать на предмет частоты употребления определенных языковых единиц. Данные статистические вычисления используются для определения соотношения встречаемости рассматриваемых объектов к общему количеству объектов выборки. Например, для проверки того, насколько часто ЗГМ встречались по сравнению с другими словами в основном корпусе и устном корпусе НКРЯ, применялось процентное вычисление частотности их употребления в этих корпусах.

Кросс-табуляция как способ представления данных в виде таблиц сопряженности используется для изучения соотношений между двумя и более категориальными переменными. С этой целью строятся таблицы сопряженности, в которых показатели одной переменной соотносятся с показателями другой переменной. Таблицы сопряженности эффективно показывают взаимодействие между двумя категориальными переменными. Если в исследовании требуется анализ зависимостей между тремя

факторами, статистические модели более эффективны, так как показывают, какие из шести показателей не вписываются в статистическую модель, т. е. плохо соотносятся с остальными ее компонентами. Мы строили, в частности, логлинейную статистическую модель для определения взаимозависимости между некоторыми аспектами выразительности и грамматической интеграции слов. Анализ модели также включал оценку коэффициента корреляции, что способствовало повышению общей аналитической ценности результатов.

Другим методом статистического анализа, используемым в этом исследовании, был кластерный анализ, который обычно направлен на обнаружение и определение возможности сгруппировать элементы в выборке на основе определенных общих для них параметров. Эти параметры показывают, насколько тесно объекты в выборке связаны между собой. Кластерный анализ служил инструментом интеллектуального анализа данных, поскольку заведомо известных предположений о возможных отношениях между объектами выборки не существовало. Мы использовали особый тип кластерного анализа, иерархическую кластеризацию, результаты которой были представлены в виде дендрограммы (Kanerva, Häikiö 2022). В иерархическом кластерном анализе дендрограммы строятся на основе матриц различия, определяющих вариативность между кластерами как функцию расстояния между сопоставляемыми попарно объектами в выборке. Это означает, что объекты, которые ближе друг к другу по расстоянию в метрическом пространстве, помещаются в один кластер, а те, которые находятся дальше от объектов в первом кластере, но в целом ближе по отношению друг к другу, помещаются в другой кластер и т. д. Оценка сходства объектов в выборке проводилась на основе попарного сопоставления расстояния между ними в пределах признакового пространства. Сходство между объектами исчислялось с помощью евклидова расстояния, которое давало оценку того, насколько близки эти объекты друг к другу. Метод Уорда или метод минимальной дисперсии использовался, чтобы оптимизировать каждый последующий шаг кластеризации. Он применяется с целью минимизировать дисперсию между объектами при объединении кластеров. Этот метод играет важную роль в поиске

оптимального количества кластеров для конкретного набора данных. В нашем случае кластерное решение для 4-х кластеров было наиболее достоверным.

Еще одним статистическим методом, использованным в этом исследовании, было построение обобщенной смешанно-аддитивной модели, которая фиксирует структуру зависимости между независимой переменной и гладкой функцией некоторых ее показателей. Независимая переменная также называется предикторной, или регрессорной, переменной. Обычно построение обобщенной смешанно-аддитивной модели используется для кластеризованных данных, где кластеры действуют в качестве предикторов, состоящих в линейной зависимости от изменений гладкой функции показателей предикторной переменной в течение определенного периода времени. На основе айтрекинговых данных при помощи этой статистической модели мы смогли оценить различия между четырьмя кластерами, выявленными в ходе иерархической кластеризации. Для построения модели для каждого слова-стимула и каждого участника эксперимента пропорции взглядов на целевое изображение были подвергнуты логит-преобразованию. Логарифмическая трансформация подразумевала исчисления логарифма вероятности определённого события (просмотра целевого изображения) к тому, что это событие не произойдет, т. е. взгляд не будет направлен на целевое изображение. В частности, мы смоделировали эмпирические логиты взглядов на целевое изображение как функцию времени по каждому из четырех кластеров, выделенных в результате кластерного анализа.

Без использования этого метода, основываясь исключительно на данных по отслеживанию движения глаз, мы могли бы узнать только часть той информации, которую получили, привлекая другие методы. Мы не смогли бы сказать, как виды сигналов, выявленные в результате кластерного анализа, повлияли на процесс принятия решений испытуемыми. Сама модель показала, что противодействующие и неопределенные сигналы значительно замедляют процесс семантического распознавания слов-стимулов. В то же время модель показала, что смешанные сигналы при наличии дополнительной экстралингвистической

информации становятся такими же мощными, как и те, которые способствуют распознаванию.

В эксперименте мы тестировали идею соотношения иконичности и арбитражности звукоподражаний. Иконичность звукоподражаний состоит в том, что их фонологический состав мотивирован звуками окружающей действительности, и потенциально может носить универсальный характер. Арбитражность состоит в том, что фонемы и их комбинации, используемые для создания этих слов, являются традиционными звукоподражательными образцами, принятыми сообществом говорящих на данном языке для условного воспроизведения этого звука. Арбитражность звукоподражаний является характеристикой большинства языков и обусловлена социокультурным контекстом и традициями, а также особенностями звуковой структуры языка. Некоторые языки могут иметь более сложные правила создания звукоподражательных слов, чем другие, но и в таких случаях арбитражность все равно остается принципиальной.

* * *

Таким образом, мы описали материал и методы исследования, соответствующие принятому комплексному подходу к ЗГМ. Надо предупредить, что мы будем уточнять и дополнять их по мере описания различных частей исследования. Помимо вышперечисленных, будут также использоваться методы интроспекции и текстового анализа, относящиеся не к количественным, а к качественным методам исследования.

4 ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗГМ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

4.1 МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗГМ

В данной главе основное внимание уделяется определению места ЗГМ в системе языка. Первостепенной задачей является разграничить случаи полисемии внутри этого класса и омонимии с другими классами слов. «Омонимия» (совпадение по форме, но не по значению) возникает тогда, когда одна словоформа ассоциируется с несколькими не связанными с ней значениями (Vicente, Falkum 2017). Эти значения свойственны разным лексемам, а слова, которые шли по разным траекториям диахронического развития, могут совпадать друг с другом по форме или звучанию. Термин «полисемия» (многозначность) используется для обозначения такого явления, когда одна словоформа имеет два и больше родственных значения (ibid.). В основе понятия многозначности лежит интерпретация концептуальной конфигурации языковой единицы как некоего единства множества отличающихся друг от друга явлений (Зализняк 2006: 11). Зализняк предлагает описывать многозначность в форме списка дискретных значений, снабженного набором примеров, охватывающих все множество употреблений рассматриваемой языковой единицы. Вся система значений действительно хранится в сознании говорящего (Зализняк 2004: 41).

Мы считаем, что ментальные образы внеязыковых акустических событий, воплощенные в ЗГМ, вмещают в себя не только сами представления о звуках, но и доступные другим органам осязания параметры этих событий в соответствии с вышеописанной взаимосвязью между модальностями

восприятия. Кроме того, они несут в себе коннотации, сформировавшиеся под влиянием жизненного, прежде всего коммуникативного опыта говорящего и слушающего. Специфика исследуемого материала проявляется еще и в том, что на практике бывает трудно провести различие между полисемией и омонимией среди звукоподражаний и междометий, особенно если имел место распад полисемии (Ахманова 1974: 53). Иногда принять твердое решение относительно того, связаны ли рассматриваемые значения или нет, становится очень сложной задачей.

В этой главе мы обратимся к примерам из НКРЯ, чтоб проследить, каким образом ЗГМ сочетают в себе звукоподражательные, междометные и глагольные признаки, а также постараемся определить случаи, когда они совпадают по форме с другими классами слов, особенно неодушевленными существительными мужского рода в именительном или винительном падеже. Мы также обсудим параметры, на основании которых можно разграничить значения слов, а сами слова отнести к разным грамматическим классам. Мы рассмотрим такие факторы, как семантические сдвиги или расширения значения, которые, как считается, стали причиной существования нескольких близких значений этих слов, а также наличие других языковых единиц, совпадающих с ними по форме, но принадлежащих к разным классам слов. Наконец, на основе анализа языкового материала мы постараемся сделать вывод о том, как проявляется омонимия и полисемия с ЗГМ русского языка.

Материал и метод. В этой главе используется выборка из 80 языковых единиц, составление которой из словарей и других источников (Зализняк 2010; Ефремова 2000; Середа 2005; Nikitina 2012; Кор Шаин 2008 со ссылкой на Прокопович 1982) было описано в Разделе 3.1 этой работы (см. Таблица 2): *ах, ах-ах, апчхи, бац, бах, бабах, бом, бряк, бух, буль, буль-буль, бульк, бултых, бум, хлест, хлесть, хляск, хлясть, хлюп, хлобысть, хлоп, хлысть, хряп, хрясь, хрясть, хруп, хрусь, хрусть, цок, чих, чик, чирик, чирк, чмок, цок, динь-динь, дон, фью, фью-фью, фьють, фюить, фу, фук, грох, ик, кап, паф, пафф, пиф-паф, плюх, пых, скрип, стук, свись, шарах, шарк, ши, шлеп, шмяк, шмыг,*

шорк, шу-шу, шварк, щелк, тарарах, тик, тик-так, тьяп, тюк, тю-тю, топ, трах, трах-тарарах, трень-брень, тук, тук-тук, ух, вжик, звяк, жжжик.

Поиск по основному и устному корпусам НКРЯ (<http://ruscorpora.ru>) проводился по словам из списка. На момент поиска (2022 г.) общий объем основного корпуса составлял около 375 000 000 слов, а устного корпуса – 13 000 000 слов. Кроме того, мы проводили поиск в Корпусе по таким первичным звукоподражаниям, как *ж-ж-ж, вжж* или *брр, ррр*, которые не внесены в словари. Нами использовались методы лексического и морфосинтаксического анализа контекстов из НКРЯ. Также обращалось внимание на некоторые особенности дискурсивно-прагматического функционирования исследуемых языковых единиц.

Обсуждение результатов. В фонологическом плане неодушевленные первичные звукоподражания состоят из несвойственных языку звуков или их сочетаний, так как их первоочередная задача – иконически изобразить естественный шум так, как он существует во внеязыковой действительности. В результате первичные звукоподражания редко представлены в словарях. Например, в Современном толковом словаре русского языка Ефремовой (Ефремова 2000) нет таких слов, как *тр-р, тр-р-р, тр-р-р-р* или *тр-р-р-р-р*. Эта ситуация также обуславливает их редкое использование в художественных текстах и наличие небольшого количества примеров с *тр-р, тр-р-р, тр-р-р-р* или *тр-р-р-р-р* в основном корпусе НКРЯ:

(8) *Едва он так подумал, как со стороны кншлака донеслась автоматная очередь. Тр-р-р-р! Десантники задвигались, за оружие взялись.* (В. Никитин «Время сладкого янтака» // «Дальний Восток», 2019)

(9) *Все бросали куски булки, они быстро тонули, и утятки, работая на публику, потешно ныряли – и выныривали неожиданно далеко, срывая оващи. – Тр-р-р! – взлетела посторонняя утка, примазавшаяся к пиршеству и атакованная отчаянной мамашей.* (В. Попов «Ты забыла свое крыло» // «Октябрь», 2013)

(10) «Тр-р-р», — изображает движение палки, скользящая по радиатору центрального отопления. (В. Савич «Табуретка мира» // «Ковчег», 2012)

(11) И знаешь, очень эффектное зрелище: все в национальных костюмах, танцуют, песни поют — «севильянас», флейты тоненько так вьются, барабаны отчебучивают: тр-р-р-р-р... тр-р-р-р-р... тра-та-та-та-та!.. (Д. Рубина «Белая голубка Кордовы»)

Хоть и считается, что неконвенциональные звукоподражания присущи устной речи, устный корпус также содержит мало высказываний с *тр-тр*, *тр-тр-тр*, *трр*, *тррр*, *тр-р-р-р* или *тр-р-р-р*:

(12) — Сожми в кулачок/ скажи/ «тр-р».

— Тр-р.

— Громче.

— Тр-р!

— Алло/ крокодил Гена у телефона.

(Г. Данелия, А. Бородянский «Афоня», к/ф, 1975).

Несмотря на такие общие черты между *тр-р*, *тр-р-р*, *тр-р-р-р* или *тр-р-р-р-р*, как сходство лексического значения (подражание звукам окружающей действительности), морфологическая простота (отсутствие аффиксов и словоизменятельных морфем) и синтаксическая обособленность, *тр-р*, *тр-р-р*, *тр-р-р-р* или *тр-р-р-р-р* отличаются от конвенционализированных форм типа *тра-та-та*, *тарарах*, *трах*, *трень* и т. д. Основной причиной является фонетическая аномальность слов типа *тр-р*, *тр-р-р*, *тр-р-р-р* или *тр-р-р-р-р*: отсутствие гласных звуков, протяженное произнесение долгого дрожащего. Низкая конвенциональность этих слов становится причиной их привязанности к языковой ситуации и высокой степени контекстуализованности. Действительно, только из контекста видно, что *тр-р*, *тр-р-р*, *тр-р-р-р* или *тр-р-р-р-р*, как об этом свидетельствует пример (8), отображает автоматную очередь, а не, скажем, звук крыльев утки (9), тарыхтение палки по батарее (10), игру на музыкальном инструменте (11) или звонок телефона (12).

Более того, в устном корпусе НКРЯ присутствуют примеры со звукоподражанием *хр-р-р*, из которых видно, что одно и то же

слово используется для отображения совсем разных звуков, в частности скрипа, хруста (13) или храпа (14). То же касается и примеров из основного корпуса НКРЯ, в некоторых из которых четко указано, к каким звукам относится *хр-хр*, *хрр* или *хррр*, например, к храпу (15, 16) или хрипу динамика (17). В других примерах из контекста понятно, что источниками звука являются летящий снаряд (18), рассерженный слон (19) и скрежет лопаты (20), но при этом говорится, что сами звуки напоминают рассекание воздуха, хрип, хрюкание, шуршание, соскребание и т. д. Наконец, в примере (21) говорящий сам не знает, к чему конкретно звук относится, а только то, что он похож на затрудненное дыхание:

(13) – *Встань к лесу задом/ ко мне передом!* [избушка с кудяхтаньем поворачивается / выходит Баба-Яга] – *Хр-р-р...* (А. Роу, М. Вольпин, Н. Эрдман «Морозко», к/ф, 1964).

(14) *Ну вот/ поели/ теперь можно и поспать. Хр-р-р!*
Ну вот/ поспали/ кваа! (Л. Амальрик, Н. Эрдман, Г-Х. Андерсен «Дюймовочка», м/ф, 1964).

(15) *во время разговоров спит и храпит: хрр, хрр, хрр* (И. Крылов «Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами»).

(16) *Эффект нулевой – низкочастотные вибрации свидетельствуют об интенсивной стадии сна... хррр... хррр...* (Л. Данилкин «Рожденные эволюцией»).

(17) – *Слышь, Таньк, – зевнув, спросила продавица, – где Галька? – В стиралках, – прохрипело из прибора. – Пусть подыметя, пришли к ней. – Хр-хр, – донеслось из динамика. – Ща появится, – обнадежила меня девица и зевнула.* (Д. Донцова «Микстура от косоглазия»).

(18) *Слышишь где-то у немцев тупой звук далекого выстрела, потом ухо улавливает звук приближающегося снаряда, режущий воздух, и хрипящий звук «хрр-о-о...» где-то высоко в небе, все увеличивающийся, ближе, ближе и все ниже!..* (А. Успенский «На войне»).

(19) *Хобот он поднял высоко вверх – значит, был испуган или сердит. Он кричал хрр-хрр. Это было похоже или на очень громкое хрюканье или на очень хриплую трубу.* (Е. Шварц «Приключения мухи» // «Чиж», 1930).

(20) – *Он поплевал на руки, взял мою лопату и принялся кидать. Саша кубарем слетел с крана, неся вторую лопату. Они отстранили меня, стали рядом – и только зашуришало: хрр, хрр! Я уже не мог и руки поднять, стоял, смотрел. Они, пошучивая, подскребли все до капли, доски заблестели, как вымытые.* (А. Кузнецов «Продолжение легенды. Записки молодого человека»).

(21) *К вечеру только отпустило. И что же? Вечером иду домой через Звездный бульвар и вдруг слышу: кто-то то ли хрипит, то ли хрюкает. Странный звук такой, упорный: «хрр-хрр...» И на собаку не похоже. Просто затрудненное, форсированное дыхание... Да.* (В. Голованов «Гадание на чешуе московской рыбы» // «Столица», 15.07.1997).

Примечательным является то, что в примерах (13–18, 20, 21) *хр-хр*, *хр-р-р*, *хрр*, *хрр-о-о*, *хрр-хрр* и *хррр* синтаксически обособлены, т. е. выступают в форме оборотов или отдельных предложений. Только в примере (19) *хрр-хрр* не обособляется и является прямым дополнением к *он кричал*. В довершение всего, на наш взгляд, во всех контекстах (13–21) анализируемые слова используются для предоставления наиболее точной иллюстрации звуковых ощущений, которые испытывали свидетели описываемых событий.

Распространенным является мнение о переходе окказиональных звукоподражаний в формы с общепринятым, конвенциональным, звучанием (см. Шаронов 2008; Rhodes 1994; Круг 1992). Можно предположить, что звукоподражания русского языка, зафиксированные в словарях, в ходе лексикализации также адаптировали свою форму к особенностям фонетической системы. Кор Шаин (2008: 157) анализирует встречаемость таких слов, как *хлоп*, *скрип* и *хлобысь* с опорой на словарный и корпусный материал и выдвигает идею о том, что слова этого типа претерпели семантический переход от идеи воспроизведения

звука к указанию на действие, ссылаясь на изменения в употреблении некоторых из них. Непрямое подтверждение такого взгляда на природу общепринятых звукоподражательных слов может давать их появление в художественной литературе в более позднем периоде в сравнении с фонетически необычными словами в семантически близких контекстах годами ранее. К слову, в основном корпусе НКРЯ *пх* в значении «дуть» употребляется в источнике начала XIX в.: [...] беру эти три книги, которые вы уже видели, и как скоро на них подую... Раз, два, три! – Пх!.. Извольте читать, сударыня! (О. Сенковский «Превращение голов в книги и книг в головы», 1839), а *пых* в том же значении появляется в художественном тексте значительно позже: А то кавалер с любезностями – прыг, а вы на него тем мужским духом – пых! (М. Цветаева «Октябрь в вагоне», 1917). В значении «зайтись румянцем» или «вспыхнуть» можно отыскать *пых* в источниках середины XIX века: Я это смеюсь, а она, смотрю, пых-пых, да и спламенела (Н. Лесков «Воительница», 1866); а в значении «сгореть» – в начале XX века: Но вдруг теряет сознание, комом падает в пламя. Пых и – конец. (В. Шишков «Угрюм-река», 1913–1932). При этом в значении «пролезть» *пых* встречается в середине XIX века: И прежде чем хорошенькая Аннушка могла объяснить себе, что это за гость такой, Иван – пых в комнату! (П. Ершов «Осенние вечера. Рассказы от скуки», 1850–1856).

Еще одним примером может быть *жж* или *жжж* в значении «рассекать воздух» или «хлестать», которое встречается в текстах со второй половины XIX века: слышится подземный шум, люди в смятении, животные в ужасе... вдруг – вв!.. зз!.. жж!.. и, о радость, [...] в одну минуту вырастает высокий и частый лес (М. Салтыков-Щедрин «Невинные рассказы» / «Деревенская тишь», 1857–1863); Понимаешь, черное небо, дождь, гром – ррр!.. молния – жжж!.. полосует все небо (А. Чехов «Лебединая песня (Калхас)», 1887). В близком значении, но применительно к рассеканию воздуха быстрым вращением, *вжж* встречается в источнике в самом начале XX века: Вжж... вжж... вжж... Я сильно наклонюсь, велосипед круто берет поворот (А. Серафимович «Ночная поездка», 1900). Употребление *вжик* в значении «рассекать» или «хлестать» обнаруживается годами позже: оно

хлестнуло по камням тысячами звонких ветвей. Вжик-та-тах!
(С. Кондурушкин «Вслед за войной», 1915).

В дополнение к этому в пользу перехода первичных звукоподражаний в более конвенциональные языковые формы может свидетельствовать и то, что разные ЗГМ изображают определенные типы акустических событий, например, удары, взрывы, падения. В частности, для слов, группирующихся вокруг понятия удара, довольно типичны синонимические отношения, что не характерно для обычных звукоподражаний (Карцевский 1984: 133). Действительно, такие общепринятые звукоподражания, как *бац*, *бах* и *бух*, могут быть взаимозаменяемыми, то есть синонимичными друг другу (ср. *бац по столу*, *бах по столу*, *бух по столу* – пример наш).

Как говорилось ранее, в семантике слов типа *бац*, *плюх* и *звяк* заложена способность отображать действие. В исследованиях говорилось, что для вербоидов русского языка вроде *хлоп*, *скрип* и *хлобысь* типичным является указание на действие, сопровождаемое характерным звуком (Nikitina 2012: 168). Кроме того, указывалось на то, что такие слова описывают действие полуиконическим способом и используются в качестве заместителей сказуемых (Wierzbicka 2003: 290). Неоднократно перечислялись некоторые присущие им глагольные признаки, например вид, время, иногда переходность и залог (Карцевский 1984: 132; Viimaranta 2015). При этом простая морфологическая структура слов, которые мы характеризуем как ЗГМ, отличающаяся отсутствием словоизменятельных и словообразовательных морфем, не лишает их предикативной функции в определенных контекстах. В отличие от звукоподражаний, демонстрирующих иконическое соответствие между формой и значением, эти слова даже при выполнении предикативной функции продолжают индексировать действие, приближаясь к обычным словам с чисто символическим значением. Согласно Никитиной (Nikitina 2012: 165), слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* в функции сказуемого отличаются от флективных глаголов в том плане, что не кодируют общие понятия, а обладают индексальным значением, прямо указывая на частные случаи событий, сохраняя долю своей экспрессивности (ibid.). Мы считаем, что именно способность интегрироваться в

структуру предложения и занимать синтаксическую ячейку глагольного сказуемого качественно отличает ЗГМ от первичных звукоподражаний. Рассмотрим примеры из Корпуса.

(22) – *По лестнице каблучками топ-топ-топ вниз...*

(Л. Кассиль «Солнце светит»).

(23) *А он в это время хлоп свой картузик опять и*

говорит... да ведь что же говорит-то! (Н. Лесков «Воительница»).

В примере (22) *топ-топ-топ* выполняет функцию сказуемого и может быть заменено на однокоренной глагол: *топает каблучками*. Существительное *каблучками* является косвенным дополнением к *топ-топ-топ*, имеет глагольное управление и стоит в творительном падеже. В примере (23) слово *хлоп* может быть заменено на *хлопнул* и также выступает в роли предиката. И глагол *хлопнут*, и *хлоп* управляют местоимением *свой* и существительным *картузик* и требуют от них быть в форме винительного падежа и выступать в качестве прямого дополнения. Несмотря на то что ЗГМ обладают такими морфосинтаксическими свойствами, отличными от глаголов, как отсутствие флективной морфологии, идентифицировать их в качестве сказуемых не является сверхсложной задачей. Помогают в этом пунктуация и синтаксическое окружение этих слов в предложении.

О влиянии лексикализации звукоподражаний свидетельствует переход от обозначения действия, связанного со звуком, к описанию акта говорения. В примерах (24–26) ЗГМ *бац*, *бряк* и *ных* функционируют как сказуемые и демонстрируют те же грамматические свойства, что и ЗГМ из примеров (22) и (23), но при этом их лексическое значение предполагает, что кто-то что-то сказал.

(24) *Ну-с, вот я, как дурак, и бряк Корноухову: «Скажи, брат, не знаешь ли, что это за чучело выехала?»*

(Ф. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели»).

(25) *А тут Черепахин голову поднял и бац: – А вы машинами!* (И. Шмелев «Человек из ресторана»).

(26) *Ну Подрезов терпел-терпел да иных: а-а, раз людям жить мешаю, поеду к елям!* (Ф. Абрамов «Дом»).

Ранее высказывалось мнение о том, что звукоподражания проходят процесс лексикализации путем объединения с другими морфемами для перехода в другие классы слов (Rhodes 1994). Морфема, согласно классическому определению, представляет собой синтагматический элемент, который в сочетании с другими подобными элементами образует слова (Waugh, Newfield 1995: 202). Считается, что из обычных звукоподражаний, изображающих те или иные природные звуки, сформировалась специфическая группа производных существительных и глаголов (см. Oswald 1994; Rhodes 1994). Кор Шаин (2008: 157), анализируя эволюцию таких русских слов, как *хлоп*, *бряк* и *целк*, утверждает, что они сначала претерпели семантический сдвиг от изображения звука к указанию на действие, связанное с этим звуком, т. е. стали употребляться в качестве сказуемых, а из образованных таким образом предикативов впоследствии сформировались глаголы. По мнению Падучевой (Падучева 2004: 411–413), на которую ссылается Кор Шаин (2008: 157), для глаголов звучания типа *треснуть*, *звенеть*, *тарахтеть* также характерен семантический переход от издавания звука к употреблению в значении действия.

Мы посмотрели, как варьировалось количество примеров в НКРЯ по годам для трех наиболее часто употребляемых ЗГМ русского языка (ср. Рис. 4), совершив поиск по словам с пометой «междометие» и «предикатив» в основном корпусе на 2022 г. Из графиков ниже видно, что, начиная с 1990-х годов, *хлоп* и *бац* начали использоваться в литературе значительно чаще (Рис. 1, 2), однако популярность ЗГМ *трах* угасает с 1920-х (Рис. 3). Это может быть связано со многими факторами, начиная от расширения семантики конкретно взятых ЗГМ и до появления конкурирующих по значению единиц. Наконец, не последнюю роль в этом процессе играет Интернет и связанная с ним либерализация узуса.

Рисунок 1 Частотность употребления ЗГМ хлоп в основном корпусе НКРЯ по годам

Рисунок 2 Частотность употребления ЗГМ бац в основном корпусе НКРЯ по годам

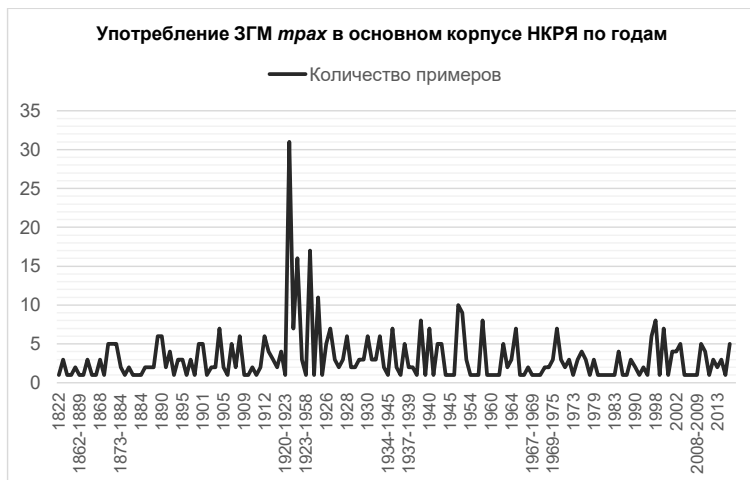

Рисунок 3 Частотность употребления ЗГМ *трах* в основном корпусе НКРЯ по годам

Следует оговориться, что предположение об эволюции слов типа *бац*, *плюх* и *звяк* от окказиональных звукоподражаний к однокоренным существительным и глаголам интересно с теоретической точки зрения. Вместе с тем на практике достаточно сложно привести весомые доказательства эволюции рассматриваемых слов именно в этом направлении. Косвенно указывать на образование существительных и глаголов от ЗГМ могут наличие данной языковой единицы в словаре и отсутствие эквивалента среди полнозначных слов. Мы обратились к толково-словообразовательному словарю Ефремовой (Ефремова 2000) с целью проверить наличие соответствующих однокоренных глаголов и существительных к каждому ЗГМ из этого словаря (см. Материал). Сопоставление показало, что там приводится достаточно много слов, таких как *апчхи*, *бом*, *бум*, *дон*, *жжик*, *паф*, *пафф*, *пиф-паф*, *трах-тарарах*, *тик-так*, *тю-тю*, *фью* (*фью-фью*), *фьють* (*фюить*), совсем не имеющих глагольных соответствий или однокоренных существительных. Кроме того, *бац*, *диль-диль*, *трах*, *тарарах* и *шарах* не имеют эквивалентных существительных с тем же значением, а у глаголов для *диль-диль*, *шарах* и *шу-шу* отсутствует аспектуальная пара (см. Приложение

1). Рассмотрим особенности поведения однокоренных глаголов и существительных в примерах из Корпуса.

(27) *Трактор пыхнул чёрным дымком, двухрядный комбайн дёрнулся, пошёл, остановился* (А. Азольский «Лопушок» // «Новый Мир», 1998).

(28) *Тут тюль хрустнул, и под котом расплылась полуаршинная дыра* (М. Булгаков «Записки покойника» / «Театральный роман»).

В примерах (27, 28) глаголы *пыхнуть* и *хрустнуть* легко узнаваемы по словообразовательным морфемам и окончаниям. Оба эти слова имеют суффикс *-ну-*, показатель прошедшего времени *-л-* и нулевое окончание для мужского рода в прошедшем времени. Будучи глаголами, произошедшими, очевидно, от звукоподражательного корня, они полностью интегрированы в структуру предложения и находятся в непосредственной связи со своим окружением, управляют зависимыми словами и сочетаются с обстоятельствами.

В то время как с глаголами ситуация довольно ясная, некоторые существительные могут вызывать затруднения. Это касается форм существительных, которые омонимичны с ЗГМ в форме мужского рода в именительном (*послышался стук в дверь*) и винительном падеже (*он услышал стук в дверь*) с нулевым окончанием. В словаре Ефремовой (там же) омонимы зафиксированы для *стук*, *бряк*, *скрип* и *звяк*, в Корпусе таких случаев значительно больше:

(29) *Неизвестный человек уходил в сторону деревни; в последний раз мелькнула шапка, похожая на шапку Степана Мурзина, притих шарк лыж.* (В. Липатов «Деревенский детектив»).

(30) *Я уже перешёл поле, когда услышал далёкий осиновый скрип* (Ю. Коваль «Сиротская зима»).

(31) *Ты на солнышко посмотри! Вот-вот бултых сделает! В темноте, что ли, грузить будешь?..* (Е. Лукин «Катали мы ваше солнце»).

(32) *Ванька перестал делать вжик-вжик и, прищурившись, посмотрел на него* (М. Галина «Ригель»).

(33) – *где-то внизу – уже слышен глубокий и сыроватый щенячий плюх.* (М. Палей «Хор» // «Волга», 2010).

(34) *Если включить газ заранее, получался довольно приличный пых.* (Б. Минаев «Детство Левы»).

(35) *Они в дым превратятся, в фук, в вонь, а оно стоять будет.* (В. Распутин «Дочь Ивана, мать Ивана» // «Наш современник», 15.11.2003).

(36) *Дорога сошла на нет, превратилась в размешанную – грязь пополам со мхом – тропинку, ползущую под хлюп и чавканье резиновых сапог в болото.* (А. Иванов «За рекой, за речкой»).

В тех ситуациях, когда омонимичные существительные используются в именительном или винительном падеже, т. е. при совпадении их формы с соответствующими ЗГМ, на их именной характер указывает отсутствие знаков препинания и наличие зависимых слов, указывающих на род, число и падеж. В примерах (29–31) *шарк*, *скрип* и *бултых* имеют следующие грамматические свойства: это имена существительные, они синтаксически интегрированы и выполняют синтаксические функции. В примере (29) *шарк* функционирует как подлежащее и стоит в именительном падеже, а глагол *притих* согласуется с ними в числе и роде. *Шарк* выступает в качестве дополнения к сказуемому *притих*, также является вершиной именной группы *шарк лыж* и требует от существительного *лыж* быть в родительном падеже. В примере (30) *скрип* выполняет функцию дополнения, управляется глаголом *услышал*, стоит в винительном падеже, а прилагательные *далёкий* и *осиновый* согласуются с ним. В примере (31) *бултых* также является дополнением, которое управляется глаголом *сделает*. В следующем примере (32) *вжик-вжик* – дополнение к подлежащему *делает*. В примере (33) *плюх* является дополнением к сказуемому *послышался* и вершиной именной группы *глубокий и сыроватый щенячий плюх*. Функцию дополнения выполняет и *пых* в примере (34) по отношению к *получался*, с ним согласуется определение *приличный*. В примерах (35, 36) *фук* и *хлюп* являются дополнениями,

управляются глаголами и предлогами в выражениях *они превратятся в фук и тропинка, ползущая под хлоп сапог*.

Во всех остальных падежах омонимичные существительные имеют падежные маркеры в соответствии с общими правилами русского словоизменения, например, *стук-а* для родительного падежа, *стук-ом* для творительного падежа и т. д. В примере (37) *шарк-ом* стоит в творительном падеже, управляясь глаголом и предлогом *с*. При этом существительное *подошв*, сочетаясь с *шарк*, стоит в родительном падеже.

(37) *Всевозможные горловые и носовые звуки, сочетаясь с поскрипыванием кресел и шарком подошв о пол, создавали стойкий шумовой фон* (Ю. Нагибин «Где стол был яств...»).

Что касается таких отглагольных существительных, обозначающих действие, образованных при помощи суффикса -*ан-*, как *шаркание, хлопанье, бухание*, то они могут склоняться по падежам как в единственном, так и во множественном числе подобно другим существительным. С ними могут согласовываться прилагательные в роде и числе. Существует также глагольное или предложное управление этими существительными. Все они имеют характерную морфологию: окончания и словообразовательные морфемы.

(38) *В машинном отделении что-то упало с громким звяканьем, наверное, механик выронил ключ* (В. Михальский «Одинокому везде пустыня»).

(39) *Ночная тишина нарушалась далеким шумом моря и шарканием ног по асфальту* (Я. Ларри «Страна счастливых»).

(40) *Вначале жертва морской балансировки еще ухитрялся удаляться из каюты для выполнения спазматической потребности, но потом, видно, силы его покинули совершенно. Бултыхание водяных недр было свирепое...* (К. Петров-Водкин «Пространство Эвклида»).

В примере (38) существительное *звяканье* управляется предлогом *с* и стоит в творительном падеже в словосочетании *с громким звяканьем*, а падеж и число прилагательного согласуется с ним. В примере (39) вершина именной группы *шарканием*

управляется глаголом, стоит в творительном падеже и требует от существительного *ног* быть в родительном падеже. *Бултыхание* в примере (40) стоит в именительном падеже и является подлежащим, а сказуемое согласуется с ним в роде и числе.

Наиболее сложной задачей является разграничение признаков слов типа *бац*, *плюх* и *звяк* в синтаксически обособленных позициях. При описании русских ЗГМ и типологически похожих единиц в научной традиции существует общая тенденция констатировать, что объективные различия между грамматическими классами не соответствуют различиям в употреблении этих и типологически похожих на них слов. При этом анализ традиций может иметь решающее значение для понимания объекта данного исследования на более глубоком уровне. С нашей точки зрения, такие русские слова, как *бах*, *трах* и *хлобьсь*, при синтаксической обособленности могут сочетать в себе звукоподражательные и междометные признаки. Кроме того, очень важно, какие именно жесты сопровождают подобные междометия. Например, семантика *бах* в отличие от *бац* не включает ни намерения произвести действие, ни искажения формы поверхности, что типично для второго слова. Слово *бах* связано с произвольным падением на жёсткую поверхность, обычно с вертикальным направлением, а *бац* – с ударом по мягкой поверхности, обычно в более или менее горизонтальном направлении. Слово *трах* предполагает не только удар предметом, направленным узкой частью в объект, но и существенный разлом этого предмета. Слово *хлобьс(т)ь* связано с сильным, но мягким ударом несколько сбоку с частичным круговым захватом объекта. Переносные значения вытекают, соответственно, из прямых значений междометий, например, в случае *бац* – неожиданное травмирующее событие:

(41) *И вот я тайно за ними бегу, ревную, естественно, смотрю, как он под ручку ведёт её, что-то шепчет на ушко и бац!!! Падаю в глубокую яму.* (С. Ткачева «День влюбленных...» // «100% здоровья»).

(42) *Едешь куда-нибудь, вроде бы всё в порядке, и вдруг – бац! – незапланированная остановка...* (О. Зева «Скажи, что я тебе нужна...» // «Даша»).

(43) *Нет, ну бывает же! Бац! – и готово. И плакали твои денежки.* (А. Волос «Недвижимость» // «Новый Мир»).

Полисемию внутри класса ЗГМ следует различать по степени условности. Существует мнение, что звукоподражания, имитирующие естественные звуки, наименее условны, поскольку практически не выполняют других функций в речи (Круг 1992: 199–200).

(44) – *Бах! Бах! Бах! – начали стрелять грабители в милиционеров* (О. Куров «Про замки, а не про замки» // «Трамвай», 1991).

(45) *Ну, стал я читать и – бах! – сразу два знакомых имени* (Ю. Даниэль «Письма из заключения»).

(46) *Хлоп... Хлоп... – колотилась оконная рама* (М. Дяченко, С. Дяченко «Привратник»).

(47) *Хлоп – истерика! Хлоп – сердечный припадок!* (В. Конецкий «На околонаучной параболе (Путешествие в Академгородок»).

В примерах (44–45) и (46–47) употребляются одни и те же ЗГМ *бах* и *хлоп*, но сигнализируют они о разных событиях. В примерах (44, 46) они имитируют звуки, а в (45, 47) – указывают на эмоциональное состояние говорящего. То же самое можем наблюдать и далее. Корпус изобилует примерами, в которых ЗГМ употребляются для иконического отображения звуков. Индикатором такого поведения выступает грамматическое окружение данных слов. В примерах (48, 49) у слов *день*, *хрясь* отсутствуют зависимые слова, они синтаксически обособлены и отделены знаками препинания от остальной части предложения.

(48) *И смотрят нетерпеливо в темную ночь, прислушиваются: день – ди-и-день – звонит ветер...* (Е. Замятин «Один»).

(49) *Взял он мою руку, положил на полудрабок – хрясь!* (А. Куприн «Конокрады»).

В классических работах по русскому языку также встречается упоминание о наречном употреблении слов типа *бах*, *трах* и *хлобысь* (Шведова 1980 (2): § 2219; Середа 2005: 81).

Действительно, в некоторых контекстах они могут указывать на способ действия, например, *и вдруг – бах, что-то происходит*, в котором *бах* используется в значении неожиданно или стремительно, выражение с ним можно заменить на: *резко/неожиданно/быстро что-то происходит*. В НКРЯ также есть примеры, в которых эти слова отклонились от имитации звуков или изображения действия и указывают на стремительность или неожиданность событий, что также может означать, что говорящий удивлен ситуацией. Действительно, приведенные ниже предложения показывают, что в некоторых контекстах эти слова означают внезапность и даже удивление или досаду:

(50) *Раньше строил, года два назад, пирамидки строил, и вдруг кризис – трах!..* (А. Волков «Ликвидаторы» // «Звезда», 2001).

(51) *Но... в этом и смысл! Что это за путешествие, которое – бац! – и закончилось* (Т. Соломатина «Отойти в сторону и посмотреть»).

(52) *Пятьдесят три двора – как корова языком: пых – и нету!* (В. Шишков «Емельян Пугачев»).

На наш взгляд, эти характеристики следует рассматривать через призму конвенционализации языковых единиц. Все ЗГМ призваны изображать звуки иконическим способом. Чем более условными они становятся, тем больше междометных свойств они приобретают. Так происходит всегда, когда вымывается предметное значение, но, с другой стороны, и тогда, когда обозначающее конкретный денотат слово обрастает огромным количеством ассоциаций, среди которых теряется исходное значение. В случае звукоподражаний они не вполне конкретны, но экспрессивны, а эмоции всегда многозначны и связаны с физиологическим состоянием человека, которое можно интерпретировать множеством разных способов и никогда не дойти до конца. Примеры (50–52) можно рассматривать как раскрывающие отношение или эмоциональное состояние говорящего. Реакцию говорящего можно расценивать как удивление, вызванное неожиданностью действия. В результате этого *трах*, *бац* и *пых* проявляют свойства междометий не только

на синтаксическом и морфологическом, но и на семантическом уровне. В частности, в примере (50) *трах* имеет значение рассыпания на мелкие части/дезинтеграции, в примере (51) *бац* передает семантику неожиданного болезненного удара, морального разочарования, а *пых* в примере (52) указывает на то, как что-то моментально исчезло, будто вспыхнуло и сгорело, как от огня.

Еще одно интересное наблюдение было сделано И.А. Шароновым (Шаронов 2008: §2.4) о том, что для носителей языка существует шкала условности даже внутри рассматриваемого нами класса ЗГМ, семантика которых явно относится к имитации звуков. Эти слова однозначно выявляют источники звучаний, например предметы (*пиф-паф*, *тик-так*) или непроизвольные реакции человека (*апчи*, *ха-ха*). Эти слова являются наиболее условными формами в этом классе и наименее зависимыми от контекста. Они однозначно выявляют источник звука, делая семантику этих языковых единиц легко узнаваемой. Другие слова изображают звуки, относящиеся к определенным свойствам типов объектов-источников или среды, например звуки водной среды: *буль*, *плюх*, *кап*. Эти слова менее условны и больше зависят от контекста. Достаточно очевидно, что они относятся к акустическим явлениям, связанным с водой, но некоторые семантические детали раскрываются через контекст. Наименее конвенциональная группа – слова, охватывающие такие широкие понятия, как стук, взрыв или удар: *бах*, *шарах*, *трах*. Они имеют широкую денотативную область источников звука. Большинство из этих слов могут относиться к любому из вышеуказанных событий. Например, общая семантика слова *бах* включает в себя стук, взрыв и удар. И только контекст, в котором это слово употребляется, указывает на то, каким именно был этот звук.

Отметим, что некоторые звукоподражания могут образовывать с точки зрения фонетики минимальные пары, например, *бам* и *бум*, *бум* и *бух*, *бам* и *бах*, *бах* и *бух*. С точки зрения звукового символизма носовой звук передает более звонкий удар, например стук о железо или звук барабана, а глухой фриктивный – протяженный глухой удар. Педагоги часто используют звукоподражания при обучении чтению и произношению. Иногда, чтобы передать разнообразие оттенков звука, используют

несколько звукоподражаний подряд. Интересно, что при образовании глагола от звукоподражания на -м требуется употребить не только суффикс -ну- или -а-, но и вставить -к-: *бумкать, бумкнуть* и т. п.

(53) – *Бам!* – тонким голосом отзывается моя коробка из тонкого картона. – *Бум! Бам! Бум! Бам!* Так мы и бьёмся до самого дома. (О. Кургузов «Проездом из Лондона в Париж» // «Трамвай»).

(54) *И детективы, там все понятно: бух-бах!* (Б. Екимов «Житейские истории» // «Новый Мир»).

(55) *Пролетели в столовую – лбами в косяк: бум, бух, бряк!* (А. Белый «Москва». Часть 2: «Москва под ударом»).

(56) *Вдруг где-то этаже на десятом раздался страшный грохот и шум. «БАХ-БАМ-БАЦ-Трррррррррр-ах! ТА-РА-РАХ!»* (В. Постников «Удивительные похождения нечистой силы»).

Выводы. В этой главе мы приходим к выводу о том, что ЗГМ представляют собой наполовину условные звукоподражания (например, *вжик*), которые, вероятно, образовались из первичных (диких) звукоподражаний (например, *вжжжж*) в результате процесса лексикализации и послужили основой для образования конвенциональных слов, таких как существительные (например, *вжикание*) и глаголы (например, *вжикать, вжикнуть*). Некоторые из таких существительных имеют формы мужского рода, которые омонимичны в именительном и винительном падежах с соответствующими ЗГМ. О степени конвенциональности слов типа *бац, плях, звяк* можно говорить в рамках отнесения типологически подобных им звукоподражаний к полудиким формам (см. Rhodes 1994: 278–281). Основная причина, по которой ЗГМ русского языка одновременно отнесены к междометиям, звукоподражаниям и предикативам, заключается в их способности выражать разные оттенки значения и разные языковые свойства в зависимости от речевой ситуации. Мы полагаем, что ЗГМ широко демонстрируют многозначность внутри своего класса. В них сочетаются звукоподражательные, междометные и глагольные признаки. Это позволяет им быть

либо синтаксически независимыми, либо интегрированными в зависимости от контекста и намерения говорящего. Когда они синтаксически независимы, они иконически изображают акустические события, с которыми связаны. В определенных контекстах они также могут проявлять междоментные свойства, указывать на неожиданность происходящего или даже на реакцию говорящего на эти события. В синтаксически интегрированных позициях они имеют предикативную функцию и указывают на действие, связанное с этим звуком. ЗГМ отличаются от неконвенциональных звукоподражаний *взззз*, *хххх* тем, что могут выступать в функции сказуемого, а также могут отклоняться от имитации звуков и выражать и другие оттенки значений, которые мы рассмотрим ниже.

4.2 СИНТАКСИС ЗГМ И ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ С НИМИ

В данном разделе рассматривается синтаксис ЗГМ. В частности, анализируются грамматические структуры с этими языковыми единицами. Ставится задача определить причины большой вариативности знаков препинания в конструкциях с использованием ЗГМ типа *бац*, *плюх* и *звяк*. Путем использования трех видов исследовательских методов мы покажем, что пунктуация мотивирована синтаксическими функциями, которые эти слова несут в предложении. На основе количественного анализа данных основного корпуса Национального корпуса русского языка будет установлено, какие знаки препинания встречаются в высказываниях с участием *бац*, *плюх* и *звяк*. После этого будет рассчитана частота употребления каждого знака препинания и общее количество конструкций для каждой языковой единицы в отдельности. Со ссылкой на лингвистический эксперимент, разработанный и проведенный в виде субститутивного теста (Канерва, Виймаранта 2018), мы продемонстрируем, какие синтагматические отношения имеются у ЗГМ с другими словами в высказываниях. В завершение будет обсуждаться, каким образом расстановка знаков препинания

соотносится с синтаксическими функциями данных языковых единиц.

Прежде всего дадим определения тем понятиям, с которыми мы будем иметь дело в настоящем разделе. Синтаксическая независимость в широком смысле может быть охарактеризована как обособленное расположение определенных речевых единиц по отношению к другим элементам предложения в силу отсутствия каких-либо грамматических связей с ними. По сути, под данным термином понимаются два способа выражения подобного обособления. Во-первых, отдельное предложение может считаться примером синтаксической независимости, тем более что знаки препинания конца предложения характеризуют данную синтаксическую единицу как самостоятельную. Этот случай демонстрирует и синтаксическую, и пунктуационную независимость (Валгина, Светлышева 2001: 145–147), что подтверждается положением, согласно которому знаки препинания конца предложения указывают на окончание единиц синтаксического разбора. Во-вторых, синтаксические конструкции считаются синтаксически независимыми, когда они образуют вводные или вставные элементы (см. Meinard 2015 о типах вводных и вставных предложений в русском языке). На протяжении всей диссертации термин «синтаксически независимое выражение» будет употребляться исключительно применительно к словам и словосочетаниям, которые не образуют ни предложений, ни их частей, а встраиваются в другое предложение, но не соединяются с ним грамматически (Пешковский 1928: 404–411). Эти характеристики иллюстрируются в примерах (57–60):

(57) *Иногда – шлеп! шлеп! – несоразмерная волна ударяла под приподнятую корму, и снова успокоительное ровное дыхание моря тихо приподымало и опускало лодку* (Ф. Искандер «Морской скорпион»).

(58) *Кап... кап... – свинцовыми каплями падали секунды* (Б. Хазанов «Страх. Повесть ни о чем»).

(59) *А я остался. Бульк!... Справа от меня, кутаясь в клочья тумана, смутно вырисовываются две гигантские, непонятные конструкции – портовые*

краны (О. Гладов «Любовь стратегического назначения»).

(60) *Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали – жжж! тук-тук-тук!.. Поднялся хрущ на воздух.* (В. Бианки «Как муравьишка домой спешил» // «Наука и жизнь», 2008).

Принято считать, что эти слова и словосочетания в некотором отношении пересекаются с линейной структурой предложения, в которое они встраиваются (имеется в виду, что их можно вставлять не в любое место предложения, а только в определенные слоты), одновременно сигнализируя о присутствии информации из другой дискурсивной плоскости, тем самым отсылая к установкам говорящего, его эмоциям и иным модальным характеристикам, не выраженным эксплицитно. Существуют такие языковые единицы, которые не проявляют никакой связи с другими элементами предложения или самим предложением (Шведова 1980 (II): § 2220), однако адресант и адресат восстанавливают их по различным признакам. Формально такое выделение или отделение от остальной части предложения происходит с помощью пунктуации (Розенталь и др. 1999: §99–102), например, когда вводные слова и предложения выделяются запятыми или скобками. В лингвистической литературе известен также термин «хеджирование» (hedging, Kaltenböck et al. 2010), показывающий, какие слова заставляют содержание предложения выглядеть в разной степени достоверным, а используемые аппроксиматоры (элементы, упрощающие форму, содержание или их анализ) обычно также относятся к вводным словам. Сошлемся также на теорию эвиденциальности (Aikhenvald 2018), настаивающую на том, что языки отражают то, из какого источника получена информация, о которой сообщает говорящий, а иногда и то, насколько, как он считает, сведения достоверны.

О междометиях русского языка известно, что они зачастую формируют междометные предложения, вводные и вставные конструкции или выполняют функцию члена предложения (Германович 1966: 93; Валгина и Светлышева 2001: §2.9.2; Середа 2005: 40). Согласно «Русской грамматике–80», глагольные

междометия русского языка могут либо «свободно вводиться в предложение как слова, синтаксически с ним никак не связанные», либо могут быть «синтаксическим компонентом предложения или входить в состав того или иного его члена» (Шведова 1980 (II): § 2217). Звукоподражательные и глагольные междометия в свою очередь имеют те же синтаксические особенности, но «вносят значение неожиданности, внезапности, неподготовленности» (там же: § 2219).

В грамматической теории «четких критериев различия «вводности» и «вставности» не существует до сих пор» (Александрова 1984: 49). Утверждается, что вводные слова и словосочетания выражают отношение говорящего к сказанному, могут также содержать оценку ситуации, указания на источник информации или на связь с другими высказываниями. Они могут находиться в начале, середине или в конце предложения, являясь синтаксически мобильными. Вставные конструкции могут находиться лишь в середине или в конце предложения и содержат дополнительные или попутные сведения, замечания, пояснения, уточнения или поправки (Виноградов 1960: § 1205; Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999: § 99–100).

По мнению одних авторов (Виноградов 1960: § 1205; Валгина, Светлышева 2001: 215–225), вводные и вставные конструкции выступают в качестве придаточных частей предложения, выпадая из его состава. По мнению других (Коцарь 1966: 15; Валгина 2003: § 85), вводные конструкции являются синтаксически обособленными, а вставные могут быть как синтаксически связанными, так и не связанными с основным предложением. Все эти положения нуждаются в дальнейшем уточнении применительно к исследуемой нами области.

Обратимся к теории пунктуации, чтоб разобраться в том, какие факторы влияют на расстановку знаков препинания в конструкциях с использованием ЗГМ. В классической теории пунктуации русского языка принято выделять следующие принципы: интонационный, формально-грамматический и семантический. Суть интонационного принципа была очерчена еще Я.К. Гротом (Грот 1899: 785): «В живой речи логическое отношение между словами обозначается интонацией и приостановками голоса (паузами). На письме к означению таких

пауз служат знаки препинания». Пешковский (1914) также настаивал на том, что ритмомелодическое членение фраз напрямую связано с синтаксическим дроблением речи и находит свое проявление в знаках препинания на письме. Щерба (1935: 366–370) указывал, что ритмика и мелодика фраз, формирующих фразовую интонацию, служат для членения потока мысли и выступают основой для расстановки знаков препинания. Б.И. Осипов (1992: 20) выдвигает важную мысль о причинах возникновения пунктуации, утверждая, что само появление пунктуации было связано с тем, что интонация была единственным средством обозначения таких синтаксических отношений, которые не могли быть выражены ни орфографией слов, ни их положением в тексте.

Необходимо подчеркнуть, что полностью полагаться на интонационные модели при принятии решений о расстановке знаков препинания затруднительно. Способность интонации играть решающую роль в передаче смысловых оттенков достаточно ограничена. Пешковский (1930: 134–135) признавал, что интонация не всегда позволяет избежать смысловой многозначности.

Кроме интонационного, значительную роль в теории пунктуации выполняет семантический принцип. Функция знаков препинания, согласно указанному принципу, заключается в максимально эффективном использовании этих элементов для наиболее точной передачи смысла (Шапиро 1955: 70). Более того, пунктуация призвана передавать такие семантические отношения и оттенки смысла, которые, являясь важными для понимания, не могут быть выражены при помощи одного только лексического значения слов (там же: 86). Формально-грамматический принцип занимает особое место в расстановке знаков препинания. В.Ф. Иванова (1962: 43–50) настаивает на доминировании этого принципа в теории пунктуации. Согласно Валгиной (Валгина 1979), высокая регламентированность расстановки грамматических знаков препинания помогает исключить их факультативное использование. Функциями пунктуации, следующей грамматическому принципу, являются членение текста и предложения на синтаксически значимые части,

установление соотношения этих частей, а также указание на границы изложенной мысли.

Необходимо обозначить, что ни один из вышеописанных принципов применения пунктуации не функционирует изолированно. Н.П. Киреева (2016) предлагает рассматривать интонационный и структурно-синтаксический принципы вместе в качестве интонационно-грамматического принципа, так как зачастую определенные синтаксические конструкции в речи соответствуют конкурентным интонационным моделям, например, однородные члены предложения произносятся с перечислительной, а вставки – с пояснительной интонацией. Валгина (1979) также указывает на взаимосвязь между грамматическим и семантическим принципами, исходя из того, что формальное членение текста и предложения на грамматически значимые части отображает также логическое и смысловое членение мысли, а иногда именно семантический принцип может доминировать над грамматическим. Это происходит тогда, когда значение диктует единственно возможную структуру. В более поздней работе того же автора указывается, что интонационный, грамматический и смысловой принципы русской пунктуации формируют триединство и действуют нераздельно с учетом некой иерархии: «интонационный принцип сводится к смысловому, смысловой к структурному, или, наоборот, структура предложения определяется его смыслом, так же как интонация – его смыслом и структурой» (Валгина 2004: 33).

Еще Б.С. Шварцкопфом (Шварцкопф 1988) была проведена разделительная черта между общими нормами пунктуации, которые являются относительно стабильными и регламентированными, функция которых состоит в членении текста на значимые части, и частными случаями применения знаков препинания, возникающими для обозначения конкретных грамматических и семантических особенностей синтаксических единиц. Особое место в этом процессе занимает выбор знаков препинания, обусловленный потребностями высказывания в процессе коммуникации. В связи с этим, кроме интонационного, семантического и формально-грамматического принципов пунктуации, многие исследователи предлагают учитывать и

коммуникативно-прагматический. Коммуникативное понимание функций пунктуации состоит в возможности «подчёркивания в письменном тексте с помощью знаков препинания коммуникативной значимости слова/группы слов» (Карапетян, Шварцкопф 1990). Основой коммуникативно-прагматического принципа является использование «пунктуационных знаков субъектом речи (автором) и адресатом речи (читателем) в процессе письменной коммуникации с учетом прагматических свойств используемых пунктуационных знаков для достижения целей коммуникации» (Андросова 2014: 22).

Духу нашего времени соответствует лингвистическая вариативность, изучение которой закладывает основу глубокого понимания закономерностей структуры и развития языка (Плунгян 2018: 7, 11). Осмысление пунктуации путем сопоставления разнообразных случаев пунктуационного узуса невозможно без учета коммуникативно-прагматического подхода. Л.М. Кольцова (2010: 152) настаивает на том, что пунктуация художественного текста в номинативно-прагматическом и коммуникативном аспекте «должна рассматриваться как иерархическая система единиц (пунктуационных позиций, пунктуационных фигур и пунктуационных сценариев), организующая текст путем объединения, членения, выделения и развертывания языковых элементов, воплощая тем самым представление автора о мире в виде детализированной языковой картины». На первый план в этом случае выходит потребность в выражении коммуникативной задачи высказывания при помощи знаков препинания (Барулина 1982: 10). Делается вывод о том, что пунктуационный вариант является экспрессивным средством (Сигал 2022: 104).

Более того, разнообразие пунктуационных сценариев выступает в качестве критерия идентификации автора, помогая «отличить своеобразный стилиевой почерк одного автора от другого» (Ищук 2015: 118). При этом нужно помнить, что знаки препинания продиктованы условиями контекста, в пределах которого необходимо выразить определенные смысловые связи структурных компонентов высказывания, а не своеобразием авторского выбора как такового (Валгина, Светлышева 2001: 298–299). Вариативность пунктуации не является признаком ее

факультативности, в условиях определенного контекста нужный смысл или оттенок значения передается только одним пунктуационным вариантом (Валгина 2004: 48).

На основе вышесказанного мы приходим к выводу, что, на наш взгляд, в современном мире понимание функционирования языковых единиц невозможно без учета всех четырех принципов русской пунктуации. Исследуя употребление ЗГМ в тексте, мы можем теперь более внимательно оценить применимую по отношению к ним пунктуацию. Как единицы письменной речи, они могут иметь свои особенности употребления.

Материал и метод: определение типов синтаксических структур и их частотности. Материал был составлен по результатам поиска в основном корпусе НКРЯ (2018) по словоформам с грамматической пометой «междометие» в списке из 43 (с вариациями 46) слов, которые в словаре Зализняка (2010) подаются с пометой «междометие» и «предикатив», а словарные статьи из словаря Ефремовой (2000) включают в себя те же грамматические пометы, а также описание имитируемых этими словами звуков (ср. Таблица 2): *бах (бабах), бац, бряк, бултых, буль (буль-буль), бух, вжик, грох, динь-динь, звяк, паф, пиф-паф, плюх, пых, скрип, стук, тарарах, топ, трах, тук (тук-тук), тюк, тю-тю, тья, фук, хлесть, хлоп, хлысть, хлоп, хлясть, хрусть, хрясть, хрясь, хрюп, цок, чик, чирик, чирк, чих, чмок, шарах, шварк, шлеп, щелк*, из которых *вжик, чирик* и *хрюп* (см. график частотности употребления каждого слова, отраженный на Рисунке 4).

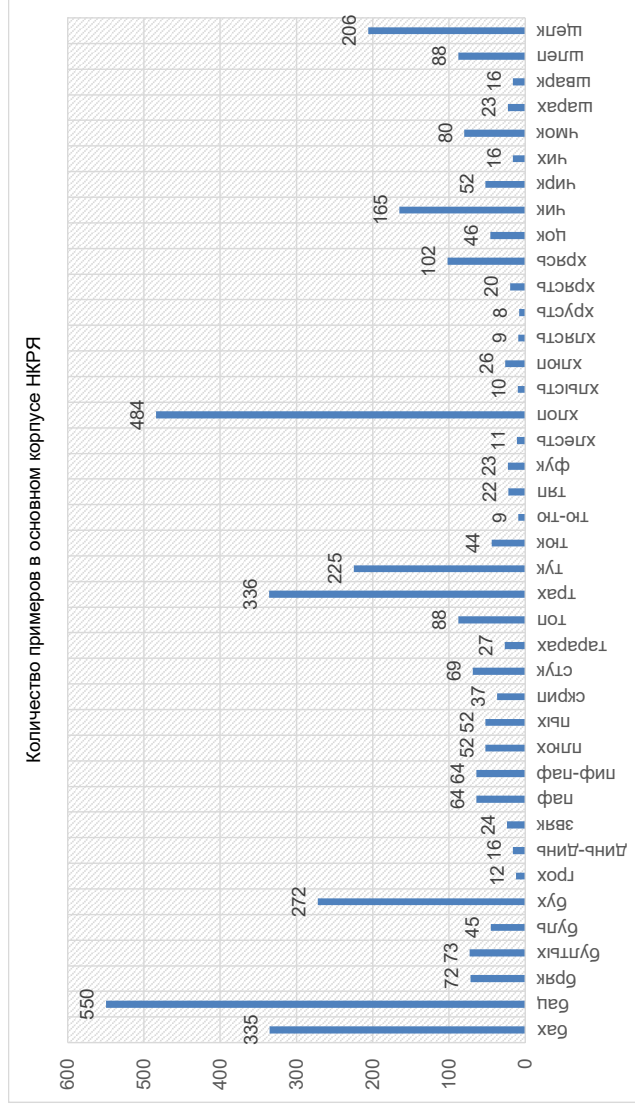

Рисунок 4 Результаты поиска в НКРЯ по ЗГМ

Вышеприведенный график показывает, что общая частота употребления наиболее высока у слов *бац*, *хлоп* и *трах*, а самая низкая – у слов *хрусть*, *хлысть*, *хлесть* и *хлясть*, что, возможно, свидетельствует о том, что звукоподражания, заканчивающиеся на *-сть*, не очень популярны. Самое частотное слово почти в 70 раз активнее, чем наименее частотное (ср. *бац* и *хрусть*). Соответственно, можно предположить, что оно и многозначнее.

Контексты, полученные из Корпуса, использовались для определения типов синтаксических конструкций, которые встречаются с ЗГМ. При помощи синтаксического анализа данных из Корпуса мы определили, что эти слова могут выступать как отдельные предложения. Кроме того, они могут пунктуационно отделяться от остальной части предложения и находиться в начале (вводные слова) или в середине и конце предложения (вставные слова). Наконец, ЗГМ могут и не быть отделены знаками препинания от основной части предложения. После того как были определены типы синтаксических структур, подсчитывалась частотность их употребления в Корпусе.

Результаты. В ходе анализа выборки из НКРЯ мы выделили два типа синтаксических структур с этими словами, в которых: 1) они отделены знаками препинания от остальной части предложения (синтаксически обособлены); 2) не отделены знаками препинания (синтаксически интегрированы). Данные о процентном соотношении пунктуационного выделения междометий представлены в Таблице 3.

Таблица 3 Типы синтаксических структур с ЗГМ

		Междометные предложения/вводные или вставные слова и сочетания слов, %	Междометия без знаков препинания, отделяющих их от основной части предложения, %
1.	<i>бах</i>	83,9	16,1
2.	<i>бац</i>	68,9	31,1
3.	<i>бряк</i>	36,1	63,9
4.	<i>бултых</i>	26,0	74,0
5.	<i>буль</i>	66,7	33,3
6.	<i>бух</i>	54,4	45,6
7.	<i>грох</i>	66,7	33,3

		Междоментные предложения/вводные или вставные слова и сочетания слов, %	Междометия без знаков препинания, отделяющих их от основной части предложения, %
8.	<i>день-день</i>	87,5	12,5
9.	<i>звяк</i>	79,2	20,8
10.	<i>паф</i>	92,2	7,8
11.	<i>пиф-паф</i>	90,6	9,4
12.	<i>плюх</i>	55,8	44,2
13.	<i>пых</i>	75,0	25,0
14.	<i>скрип</i>	81,1	18,9
15.	<i>стук</i>	71,0	29,0
16.	<i>тарарах</i>	77,8	22,2
17.	<i>топ</i>	67,0	33,0
18.	<i>трах</i>	76,5	23,5
19.	<i>тук</i>	84,4	15,6
20.	<i>тюк</i>	63,6	36,4
21.	<i>тю-тю</i>	100,0	0,0
22.	<i>тяп</i>	54,5	45,5
23.	<i>фук</i>	87,0	13,0
24.	<i>хлесть</i>	36,4	63,6
25.	<i>хлоп</i>	50,0	50,0
26.	<i>хлысть</i>	0,0	100,0
27.	<i>хлюп</i>	92,3	7,7
28.	<i>хлясть</i>	22,2	77,8
29.	<i>хрусть</i>	75,0	25,0
30.	<i>хрясть</i>	35,0	65,0
31.	<i>хрясь</i>	69,6	30,4
32.	<i>цок</i>	87,0	13,0
33.	<i>чик</i>	72,1	27,9
34.	<i>чирк</i>	48,1	51,9
35.	<i>чих</i>	100,0	0,0
36.	<i>чмок</i>	50,0	50,0
37.	<i>шарах</i>	39,1	60,9
38.	<i>шеарк</i>	31,2	68,8
39.	<i>шлеп</i>	64,8	35,2
40.	<i>щелк</i>	76,7	23,3

Анализ синтаксических конструкций, в которых использованы данные слова, показывает, что в Корпусе ЗГМ синтаксически представлены в значительной степени в качестве вводных и вставных конструкций, а также отдельных предложений (среднее значение 64,89; стандартное отклонение 23,21, т. е. разброс в показателях синтаксических функций очень велик). Мы полагаем, что для нашего исследования такие показатели, как употребление знаков препинания со звукоподражаниями, весьма наглядны, поэтому обращаем пристальное внимание на эту достаточно формальную сторону их встречаемости, понимая, что применительно к ним нет единых правил. При этом достаточно большое количество предложений из Корпуса вмещало синтаксически интегрированные единицы (среднее значение 35,11; стандартное отклонение 23,21, т. е. здесь тоже фиксируется существенный разброс в оформлении предложений).

Из Таблицы 3 явствует, что авторы испытывают потребность показать особую роль таких звукоподражаний, как *звяк*, *цок*, *стук*, *бах* и *скрип*, возможно, именно для того, чтобы избежать недоразумений из-за потенциальной омонимии. Характерно, что малочастотное *хлысть* никогда не выделяется знаками препинания, а малочастотные *чих* и *тю-тю* выделяются во всех контекстах. В целом же слова скорее пунктуационно выделяются, чем не выделяются.

Обсуждение. В «Русской грамматике–80» (Шведова 1980) утверждается, что функция сказуемого преобладает в синтаксических конструкциях с глагольными и звукоподражательными междометиями русского языка. Слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* могут замещать однокоренные глаголы совершенного вида. Подобное употребление отличает их от других междометий. Тем не менее корпусные данные свидетельствуют о противоположном, а именно: чаще всего они выступают в форме вводных или вставных конструкций и отдельных предложений. Таким образом, наш материал показывает, что они обычно не интегрируются в структуру предложения.

Исследования указывают на то, что функция члена предложения, а именно сказуемого, для них не самая частотная (Nikitina 2012; Канерва 2018), а их замена однокоренными

глаголами без искажения смысла предложения не всегда возможна (Viimaranta 2015). Вместе с тем как глагольные междометия, так и ЗГМ русского языка особенны именно тем, что они могут использоваться как глагольные формы, например, *хлоп на пол, бац кулаком по столу*. Действительно, анализ корпусных данных показывает, что в среднем в 35% случаев они употребляются в качестве сказуемых. Употребление именно глагольных и звукоподражательных междометий вместо глаголов может быть связано с их прагматическими функциями в нарративе: они подчеркивают внеличностный характер произведенного действия, указывают на то, что это как бы стихийное, неконтролируемое событие, над которым человек не властен. Событие произошло, но почему, кто его совершил, само действующее лицо или им руководила высшая сила, остается непонятным. Такое отношение к течению жизни считается многими исследователями типичным для русской языковой картины мира (Вежбицка 1996; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Мустайоки, Копотев 2005).

Материал и метод: определение частоты употребления знаков препинания после *бац*, *плюх* и *звяк*. В качестве материала мы выбрали такие три ЗГМ, как *бац*, *плюх* и *звяк*. Они были отобраны, потому что каждое из этих слов является репрезентативным в силу фонетического сходства с целым рядом других ЗГМ, например, *бац* имеет близкое звучание и даже семантику с *бах* и *бам*, *плюх* – с *хлоп*, *звяк* – с *бряк*. Все три слова имеют закрытый слог, что роднит их с абсолютным большинством подобных слов, так же как и буквы, обозначающие гласные в корне: -я- у *звяк* общее с *тяп*, *шмяк*, *хряп*, *хлясть* и другими; -а- у *бац* общее с *кап*, *трах*, *шарах* и другими; -ю- у *плюх* – с *хрюп*, *тюк* и другими (см. выборку в Таблице 2). Здесь важен буквенный символизм, поскольку речь идет о письменных текстах. При этом *бац*, *плюх* и *звяк* не только отличаются друг от друга тем, что имеют разные типы букв, обозначающих гласные и согласные звуки в корне, но и от других слов, в частности, финальным согласным для *бац* или комбинацией согласных зв- для *звяк*.

В 2016 г. мы собрали примеры употребления слов *бац*, *плюх* и *звяк* с грамматической пометой «междометие» из основного корпуса Национального корпуса русского языка. Поиск по

Корпусу выдал 592 контекста с *бац*, 104 вхождения для *звяк* и 89 вхождений для *плюх*. Некоторые из полученных контекстов были удалены, так как они не соответствовали требованиям, предъявленным к конструкциям: исключенные примеры содержали существительное *плюха* в родительном или винительном падеже или *звяк* в именительном или винительном падеже, омоформы с ЗГМ *плюх* и *звяк*, а в нескольких случаях это были имена собственные, фамилии персонажей Плюх и Бац. Косвенным образом исключения подтвердили правило.

Полученная выборка состояла в итоге из 534 примеров для *бац*, 54 – для *плюх*, 18 – для *звяк*. На основе этой выборки мы проанализировали знаки препинания, употребляемые в различных контекстах после этих слов (знаки перед словами не учитывались, потому что это создало бы слишком сложную картину комбинаций, а также потому, что заключающие знаки важнее; мы также не учитывали кавычки, так как это парные знаки препинания).

Результаты. По результатам поиска в НКРЯ (2016) частота употребления каждого знака препинания была рассчитана в процентном соотношении к общему количеству анализируемых конструкций для данного слова (Таблица 4, ср. Канерва, Виймаранта 2018).

Таблица 4 Знаки препинания сразу после ЗГМ *бац*, *плюх* и *звяк*

Слово / Знаки препинания	Соотношение отдельно взятых знаков препинания к общему количеству полученных контекстов, %		
	<i>бац</i>	<i>плюх</i>	<i>звяк</i>
нет знака	19,1	31,5	11,1
двоеточие	3,0	0,0	5,6
точка с запятой	0,2	0,0	0,0
тире	10,8	3,7	5,6
запятая	9,2	11,1	11,1
запятая и тире	0,5	0,0	0,0
точка	2,1	9,2	16,7
многоточие	1,9	5,6	11,1
восклицательный знак	37,8	24,1	16,7
восклицательный знак и тире	12,2	13,0	22,1

Слово / Знаки препинания	Соотношение отдельно взятых знаков препинания к общему количеству полученных контекстов, %		
	бац	плюх	звяк
восклицательный знак и многоточие	2,8	1,8	0,0
вопросительный знак	0,2	0,0	0,0
вопросительный знак и тире	0,2	0,0	0,0

Согласно таблице, наиболее частотным знаком после *бац* был восклицательный знак (37,8% к общему количеству конструкций с данной лексемой): *Процесс накопления побочного продукта, вот что красиво! И однажды – бац! Двенадцать процентов...* (А. Волос «Недвижимость» // «Новый Мир», 2001); после *плюх* чаще всего знаки препинания отсутствовали (31,5%): *Машка стояла у скамейки, разговаривала со мной и вдруг – плюх прямо в лужу!* (А.И. Пантелеев «Наша Маша»); а после *звяк* чаще всего употреблялась комбинация восклицательного знака и тире (22,1%): *Из пикапчика вылезала женщина с брезентовыми мешками. «Звяк!» – Натренированным движением женщина вдвигала под ящик железную рамку мешка.* (Э. Шим «Ребята с нашего двора»). Общий анализ выборки из Национального корпуса свидетельствует о том, что после этих слов употребляются разные знаки препинания, а сами контексты с данными словами в большинстве случаев пунктуационно оформлены как вводные и вставные конструкции.

Обсуждение. Естественно, что наиболее частотное слово дало и больший разброс значений, и более широкий спектр используемых средств маркировки. Если исходить из того, что восклицательный знак обозначает громкий звук, неожиданность, изменение обстановки, то полученный результат вполне объясним теми ассоциациями, которые вызывают все описываемые звуки. Так, звук, сходный с *бац*: сильный неожиданный удар, оставляющий болезненный след / наносящий ущерб. *Плюх* может не иметь после себя знака потому, что требуется указать, куда именно было направлено совершенное действие, а также то, что так обозначается мягкое растекание по поверхности, погружение в воду с характерным несильным шумом, изменение формы пластичного объекта (трудно сказать, что тут первично). *Звяк* в общем-то, в отличие от

существительного *звон*, обозначает однократное и не очень шумное действие, производимое металлом, стеклом, фарфором, хрусталем, а также изделиями из этих материалов, например, звякнуть могут звенья цепи, посуда на полке, колокол. Заметим, что *звук, звон, звяк* имеют в своем составе одинаковое начало. Это междометие должно насторожить слушающего, что объясняет состав знаков препинания после данного слова.

Если посмотреть по выборке из Корпуса, то наиболее частотными знаками препинания после *бац, плюх* и *звяк* являются делимитативные по своей природе знаки препинания, сигнализирующие о границах предложений (например, точка, вопросительный знак, многоточие или восклицательный знак), которые появляются не только в конце предложения, но и в середине. Бывает так, что после междометия идет восклицательный знак, а предложение продолжается, причем следующее слово пишется с маленькой (строчной) буквы, т. е. особая природа и функция междометия осознается пишущим и соответствующим образом маркируется. Комбинация знаков конца предложения с тире вместе с другими частями речи преобладает в использовании прямой речи, что характерно для пунктуации русского языка. Здесь мы наблюдаем цитатное употребление междометий, отсылку к тому, что кто-то произнес звук или что-то его произвело, либо же указание на то, что звук имеет стихийную природу. Как известно, прямая речь обычно не считается членом предложения, как и другие вводные и вставные конструкции.

Субститутивный тест: материал и метод. В данном исследовании выдвигается предположение, что анализируемые нами языковые единицы способны выполнять синтаксические функции подобно знаменательным частям речи. Из этого следует, что замена ЗГМ *бац, плюх* и *звяк* глаголом, существительным, наречием или целым высказыванием не должна значительным образом исказить смысл предложения. Для проверки этой гипотезы нами был разработан лингвистический эксперимент (ср. Канерва, Виймаранта 2018). Он представляет собой субститутивный тест по подбору эквивалентов замены данных языковых единиц самостоятельными частями речи с целью определения их синтаксических функций и анализа связи между

этимися функциями и употреблением знаков препинания. Последующий функционально-семантический анализ использованных в эксперименте контекстов применяется для определения роли разноуровневых языковых единиц при передаче экстралингвистической ситуации, парадигмы значений рассматриваемых ЗГМ, их функций в предложении и роли пунктуации в выражении синтагматических связей.

В качестве материала было отобрано 30 предложений с использованием всех знаков препинания после исследуемых междометий *бац*, *плюх* и *звяк* (восклицательный, вопросительный знак, точка, многоточие, двоеточие, запятая, тире, а также отсутствие знаков препинания). Эти 30 предложений таковы:

(61) – *Винни, ты живой, Винни, скажи что-нибудь! Тот, приподнявшись, бац Пятачка промеж ушей: – На тебе!* (Коллекция анекдотов «Винни-Пух»).

(62) *Как стянул ее дед по лесенке на дебаркадер, тут же на бок – плюх, завалилась, подергалась четыремя, пошкала немного – и кранты ей завилились.* (А. Иличевский «Бутылка» // «Зарубежные записки», 2008).

(63) – *раздалось со всех сторон. Плюх! – раздалось совсем близко впереди.* (В. Бианки «Лесные были и небылицы»).

(64) *Должны считать за счастье!.. А тот дернулся и бац: – Почему же за счастье?* (И. Шмелев «Человек из ресторана»).

(65) – *Да так... такая воистину царская милость: излюбленный суд бессудной земле, и бац...* (Н. Лесков «Божедомы»).

(66) *Но Веселкин уже держал пистолет в руке и нажал на спуск: бац! бац! – две пули в сердце знатоку рукопашного боя.* (В. Черкасов «Черный ящик»).

(67) *А потом, но опять же не вдруг, а через уточнения, дополнения – бац – начиналась съемка.* (Л. Гурченко «Аплодисменты»).

(68) – *Срывает винтовку с плеча – бац! бац! – добил...*
(С. Бабаян «Господа офицеры»).

(69) *Влетела – птицей с морозного воздуха, впустив за собою запах зимы, лисий хвост волос разметался по воротнику дорогой шубы, черные глаза под черными дугами бровей сверкают, как о том в жесточких романсах поется надтреснутым голосом (а монетки-то звяк, звяк, звяк в драную шапку: благослови вас боги, господа милостивые!)* (Е. Хаецкая «Синие стрекозы Вавилона» / «Прах»).

(70) *Я хотел бы отдохнуть, Полежать или чихнуть, Но пружинки – звяк да звяк: «Ох, не любим мы зевак!»*
(В. Постников «Приключения Карандаша и Самоделкина»).

(71) *Увесистый бульжник из ограждения клумбы в руке. Оглядываюсь по сторонам, БАЦ! – крошево стекла на сиденье и частично на асфальт.* (О. Гладов «Любовь стратегического назначения»).

(72) *Жду... И вдруг бац – женский голос. От изумления обернулась.* (Э. Радзинский «Наш Декамерон»).

(73) – *и прыгает вниз, пересчитывая каждую из стеклянных полок – звяк! звяк! звяк! Он открыл глаза... Легкое колыхание ангельски-белого крыла на широком окне, белые ризы мадонны, паломанка...*
(Д. Рубина «Белая голубка Кордовы»).

(74) *Это я уже слышал в Берлине. «Звяк!» – упал мне под ноги брошенный сверху каким-то ребенком колокольчик.* (В. Панюшкин «Ветер с Востока» // «Столица», 1997).

(75) *Тошнота? Или просто – бац? – и полная тьма!*
(В. Набоков «Подлец»).

(76) – *Будем ждать, пока у Тяжлова произойдет этот «бац».* (Н. Леонов, А. Макеев «Гроссмейстер сыска»).

(77) *Маленький поднялся, застыдил и бросил в шляпу монетку. «Звяк!» – прозвенела монетка, да уже не так, как бескорыстный колокольчик в Амстердаме.*
(В. Панюшкин «Ветер с Востока» // «Столица», 1997).

(89) *В общем, он блажит, а я как бухом по голове. И тут, бац! Дошло до меня!* (Т. Соломатина «Акушер-ХА! Байки»).

(90) *Море, водичка, плюх, плях, рыбки, чайки, р-русалочки.* (Ю. Дружков (Постников) «Волшебная школа»).

Обозначим, что при рассмотрении функций знаков препинания восклицательный знак обычно характеризует определенный тип интонации, а также настроение и – прагматически – отношение автора к речи (экспрессивность, эмоциональность – удивление, восхищение, радость, испуг и пр.). В силу этого восклицательный знак, употребляемый после слов, выбранных нами для пристального анализа, утрачивает делимитативную функцию и главным образом отражает интонационную выразительность устной речи на письме, поэтому его присутствие в обсуждаемых синтаксических структурах (примеры 63, 66, 68, 71, 74, 77, 78, 85) будет интерпретироваться нами только в ракурсе экспрессивности.

Участники. В эксперименте приняли участие 30 русскоязычных испытуемых в возрасте от семнадцати до пятидесяти трех лет, являющихся носителями языка. Среди них 16 человек в возрасте 17 лет, учащихся выпускного класса старшей школы; 11 человек в возрасте от 18 до 35 лет, имеющих высшее образование; 3 человека в возрасте от 36 до 53 лет, как с высшим, так и со средним образованием.

Процедура. Испытуемым были предложены индивидуальные анкеты для заполнения. Участники должны были прочитать предложения и дать свои варианты замены глагольных междометий в первую очередь знаменательными частями речи либо, в случае возникновения затруднений, целыми высказываниями. Инструкция предлагала образцы замен, так что даже если человек не помнил терминологии, он мог сориентироваться в материале и действовать по аналогии. Задание к анкете было сформулировано следующим образом: «Прочитайте внимательно предложения. Замените слова *бац*, *плюх* и *звяк* по контексту существительным (например: *звон*, *выстрел*, *всплеск* и т. д.), глаголом (например: *ударил*, *звонит*

и т. д.) или наречием (например: *вдруг, неожиданно* и т. д.). Если, на ваш взгляд, в некоторых случаях заменить одним словом достаточно сложно, предложите подходящее по содержанию словосочетание» (ср. Канерва, Виймаранта 2018).

Результаты. Далее мы переходим к анализу результатов субститутивного теста и приводим примеры тех слов, которые испытуемые предлагали в качестве вариантов замены для *бац*, *плюх* и *звяк*. Для удобства мы сгруппируем материал по знакам препинания после рассматриваемых языковых единиц. В случае отсутствия знаков препинания типичной была замена *бац*, *плюх* и *звяк* глаголами, например (61а, 69а и 81а):

(61а) – *Винни, ты живой, Винни, скажи что-нибудь! Тот, приподнявшись, бац (ударил / стукнул / хлопнул / зарядил / треснул / двинул / шандарахнул) Пятачка промеж ушей: – На тебе!* (Коллекция анекдотов «Винни-Пух»).

(69а) *Влетела – птицей с морозного воздуха, впустив за собою запах зимы, лисий хвост волос разметался по воротнику дорогой шубы, черные глаза под черными дугами бровей сверкают, как о том в жесточких романсах поется надтреснутым голосом (а монетки-то звяк, звяк, звяк (звонят / звякают / тархтят / летят / угождают/ падают / брезжат / бряск / сылятся) в драную шапку: благослови вас боги, господа милостивые!)* (Е. Хаецкая «Синие стрекозы Вавилона» / «Прах»).

(81а) *А он умылся – и плюх (опустился / упал / плюхнулся / завалился / свалился / сел / бухнулся) на диван.* (Т.В. Хоботов «Основы построения алгоритмов». Глава 7. «Ма-а-аленький такой барабанчик» // «Трамвай», 1991).

В стимульных предложениях, в которых употреблялось двоечтие после *бац* и *звяк*, также предлагались глаголы в качестве эквивалентов (примеры 64а, 70а):

(64а) *Должны считать за счастье!.. А тот дернулся и бац (спросил / сказал / подумал / выдал / возразил / заплакал / подивился): – Почему же за счастье?* (И. Шмелев «Человек из ресторана»).

(70а) *Я хотел бы отдохнуть, Полежать или чихнуть, Но пружинки – звяк да звяк (сжались-разжались / скрипят / позвякивают / дребезжат / звенят / давят / зарытели): «Ох, не любим мы зевак!»* (В. Постников «Приключения Карандаша и Самоделкина»).

Испытуемые заменяли *плюх*, после которого использовалась запятая, глаголами в примере (62а), а в примере (90а) – существительными. Что касается *бац*, то его в примере (79а) заменяли как глаголами, так и существительными, и наречиями.

(62а) *Как стянул ее дед по лесенке на дебаркадер, тут же на бок – плюх (упала / перекосилась / шлёпнулась / плюхнулась / грохнулась / перевернулась), завалилась, подергалась четыремя, поискала немного – и кранты ей завилились.* (А. Иличевский «Бутылка» // «Зарубежные записки», 2008).

(90а) *Море, водичка, плюх (всплески / брызги / плескание / пляж / волны / плюханье), плях, рыбки, чайки, р-русалочки.* (Ю. Дружков (Постников). «Волшебная школа»).

(79а) *Дело в том, что любая война – это невероятная скукотень, и вдруг – бац (бой / наконец-то / быстро / неожиданно / выстрелы / атакуют / свершилось / событие / наступление), что-то происходит* (М. Калужский, Ю. Козырев «Правда хорошего снимка» // «Русский репортер», № 1, 2007).

Распространенные варианты замены *бац* при использовании тире после него в примерах (66а), (67а), (68а), (71а) и (72а) включали в себя существительные, кроме того часто предлагались также глаголы и наречия.

(66а) *Но Веселкин уже держал пистолет в руке и нажал на спуск: бац! бац! (хлопок / грохот / выстрел / выстрелил / вдруг / взрыв / попали / полетели) – две пули в сердце знатоку рукопашного боя.* (В. Черкасов «Черный ящик»).

(67а) *А потом, но опять же не вдруг, а через уточнения, дополнения – бац (мотор / камера!мотор! / наконец / неожиданно / снова / опять / команда режиссера / вмиг / незамедлительно / креативно) – начиналась съемка.* (Л. Гурченко «Аплодисменты»).

(68а) – *Срывает винтовку с плеча – бац! бац! (выстрел / снова / грохот / хлопок / щелчок / конец / выстрелил / убил) – добил...* (С. Бабаян «Господа офицеры»).

(71а) *Увесистый бульжник из ограждения клумбы в руке. Оглядываюсь по сторонам, БАЦ! (удар / хлопок / выстрел / звук битого стекла / валится / вдруг / падает) – крошево стекла на сиденье и частично на асфальт.* (О. Гладов «Любовь стратегического назначения»).

(72а) *Жду... И вдруг бац (звучит / донесся / слышу / неожиданно / звучит / раздается / зазвучал / прозвучал / слышится / откуда-то) – женский голос. От изумления обернулась.* (Э. Радзинский «Наш Декамерон»).

Для *плюх*, после которого стояло тире, типичными были существительные, в несколько в меньшей мере глаголы, реже наречия, например, (63а) и (78а). В примере (86а) для *звяк*, после которого употреблялось тире, в большинстве случаев предпочтение отдавалось существительным.

(63а) – *раздалось со всех сторон. Плюх! (всплеск / плескание / полоскание / неожиданно / взрыв / выстрел / удар / шлепок / стой) – раздалось совсем близко впереди.* (В. Бианки «Лесные были и небылицы»).

(78а) *И только было покатился по дорожке, – лиса его тихонечко, одними коготками, толк в канаву! Колобок – плюх! (прыгает / всплеск / вдруг / быстро / прыгнул / покатился / упал / нырнул / плюхнулся) – в воду.* (В. Бианки «Лесные были и небылицы»).

(86а) *В собственной хибаре на Раевского он различал каждый шорох, бряк-звяк (крики / ссоры / грохот / звон / шорох / шум / шум-гам / скрежет / бряцанье / постукивание / загрохотало) – это у соседей, это вентиль булькнул, это лифт, это телефон, а это – в дверь.* (А. Измайлов «Трюкач»).

В тех предложениях, в которых после *бац*, *плюх* и *звяк* использовался восклицательный знак, происходила замена существительными (например, 73а, 83а и 89а).

(73а) – и прыгает вниз, пересчитывая каждую из стеклянных полок – звяк! звяк! звяк (звон / бряск / прыг-скок / лягз / дребезжание / стук)! Он открыл глаза... Легкое колыхание ангельски-белого крыла на широком окне, белые ризы мадонны, паломан бланка... (Д. Рубина «Белая голубка Кордовы»).

(83а) Вахмурка вскочил, но опять поскользнулся и грохнулся на голубой лед. Плюх (удар / грохот / упал / прыгает / ударился / хлопок / падение / вскрики / перелом / треск)! Трах! (В. Постников «Приключения Вахмурки и Мухмурки»).

(89а) В общем, он блажит, а я как обухом по голове. И тут, бац (осенило / эврика! / удар / идея / понял / озарение! / прозрение / вдруг / мысль)! Дошло до меня! (Т. Соломатина «Акушер-ХА! Байки»).

В примерах (65а), (80а), (82а), (84а), (87а) и (88а) типичным было использование существительных для замены бац, плюх и звяк, после которых стояла точка или многоточие. Значительно реже использовались глаголы.

(65а) – Да так... такая воистину царская милость: излюбленный суд бессудной земле, и бац (умиротворение / финал/ конец / точка / звон / колокола / заплакал / приехали)... (Н. Лесков «Божедомы»).

(80а) Что это? Звяк... звяк... звяк... звяк... звяк (звон / звяканье / стук / страх / упал / звенит)... Он сел на кровати, с силой потер лицо, медленно приходя в себя. (Д. Рубина «Белая голубка Кордовы»).

(82а) Я просунул между прутьями бульжник и отпустил его в свободный полет. Раз... два... три... плюх (всплеск / полет / бульканье / упал / шлепнулся). Метров сорок – и вода. (А. Лазарчук «Все, способные держать оружие...»).

(84а) Вдруг: ... плюх (всплеск / удар / шум / звук / бахнулся)... Будто бросили бревно в реку. (С. Гусев-Оренбургский «Багровая книга. Погромы 1919-20 гг. на Украине»).

(87а) *Потом он аккуратно кладет ложечку на блюде – звяк (звон / звук стекла / звенит).* (Г. Грин «Кетополис – Киты и броненосцы»).

(88а) *Будильник летит в сторону мусорных баков. Бац (звон / треск / грохот / секунда / неожиданно / упал / сломался / звякнуло). Нет больше будильника.* (О. Гладов «Любовь стратегического назначения»).

Наиболее характерными были существительные как эквиваленты слова *бац*, после которого стоял вопросительный знак, в примере (75а).

(75а) *Тошнота? Или просто – бац (слабость / момент / секунда / потеря сознания / смерть / недомогание / удар / простуда / боль / успокоить / вдруг)? – и полная тьма!* (В. Набоков «Подлец»).

Занимательными были варианты замены *бац*, *плюх* и *звяк*, которые выделялись кавычками. В этих стимульных предложениях (74а), (76а), (77а) и (85а) испытуемые давали волю воображению и предлагали очень креативные варианты замены, которые не исчерпывались одним словом, а представляли собой фразы.

(74а) *Это я уже слышал в Берлине. «Звяк! (слышу звон / звук / зазвонил / зазвенело совсем рядом / послышался звук упавшего небольшого металлического предмета / раздался веселый звон / раздался звон / лови / звук упавшего предмета)» – упал мне под ноги брошенный сверху каким-то ребенком колокольчик.* (В. Панюшкин «Ветер с Востока» // «Столица», 1997).

(76а) – *Будем ждать, пока у Тяжлова произойдет этот «бац (сюрприз / непредсказуемый переломный момент / момент прозрения / поступок / неожиданный момент осознания / приступ / удар / срыв / инфаркт / момент / хлопок / переворот)».* (Н. Леонов, А. Макеев «Гроссмейстер сыска»).

(77а) *Маленький поднялся, застыдился и бросил в шляпу монетку. «Звяк! (громко прозвенела / звон / и вот тебе на / вдруг / не поймает / звонко / раздался плоский глухой звон / звонко пропела)» – прозвенела монетка, да уже не так, как бескорыстный*

колокольчик в Амстердаме. (В. Панюшкин «Ветер с Востока» // «Столица», 1997).

(85а) *Пруте было очень весело. Он подпрыгивал: «Плюх! Плюх (всплеск / подпрыгивает / брызги летели в разные стороны / не догонишь / шаг за шагом / я быстрее / раз, два, три подпрыгивает / высоко / передразнивал)! Плях!» Рядом бежал Веня Кашкин. (Ю. Дружков (Постников) «Приключения Карандаша и Самоделкина»).*

Далее мы провели количественный анализ распределения предпочтительности в выборе слов для замены *бац*, *плюх* и *звяк* в зависимости от морфологических признаков предложенных эквивалентов. Мы рассчитали коэффициент выбора глаголов, существительных или наречий для замены *бац*, *плюх* и *звяк* по таким случаям употребления пунктуации после них, как отсутствие знаков препинания, наличие двоеточия, запятой, тире, восклицательного знака, точки, многоточия и вопросительного знака. Таблица 5 (ср. Канерва, Виймаранта 2018) иллюстрирует зависимость между предпочтительностью определенных частей речи в качестве вариантов замены данных междометий в рассматриваемых синтаксических позициях и знаками препинания после них, где 1=100% предпочтительности.

Таблица 5 Зависимость между коэффициентом предпочтительности замены глагольных междометий глаголами, существительными или наречиями и знаками препинания после этих междометий

Знаки препинания	Междометия и предлагаемые способы их замены								
	бац			звяк			плюх		
	гл.	сущ.	нар.	гл.	сущ.	нар.	гл.	сущ.	нар.
нет знаков	0,97	0,03	0,00	0,93	0,07	0,00	1,00	0,00	0,00
двоеточие	0,80	0,03	0,17	0,93	0,07	0,00	—	—	—
запятая	0,13	0,40	0,47	—	—	—	0,45	0,50	0,05
тире	0,19	0,55	0,26	0,07	0,93	0,00	0,37	0,57	0,06

Знаки препинания	Междометия и предлагаемые способы их замены								
	бац			звяк			плюх		
	гл.	сущ.	нар.	гл.	сущ.	нар.	гл.	сущ.	нар.
восклицательный знак	0,16	0,57	0,27	0,07	0,93	0,00	0,20	0,77	0,03
точка	0,20	0,63	0,17	0,20	0,80	0,00	0,23	0,70	0,07
многоточие	0,13	0,70	0,17	0,27	0,73	0,00	0,07	0,83	0,10
вопросительный знак	0,10	0,77	0,13	—	—	—	—	—	—

Количественный анализ результатов эксперимента (Таблица 5) показывает, что сильная зависимость прослеживалась между отсутствием знаков препинания и использованием глаголов в качестве эквивалентов *бац*, *плюх* и *звяк* в стимульных предложениях. То же касается употребления двоеточия после *бац* и *звяк*, так как абсолютное большинство предложенных для замены вариантов причислялось к глаголам. Употребление знаков препинания конца предложения находилось в достаточно сильной зависимости от применения существительных в качестве вариантов замены для всех трех слов, особенно для *звяк* и *плюх* в случаях с восклицательным знаком, точкой и многоточием, а также касательно *бац* и вопросительного знака. Слабая зависимость между заменой *плюх* и *звяк* наречиями присутствовала в отношении всех знаков препинания, а также двоеточия, точки, многоточия и вопросительного знака после *бац*.

Обсуждение. Интерпретация функций *бац*, *плюх* и *звяк* в предложении участниками эксперимента частично зависит от понимания ими роли этих слов и сопутствующей им пунктуации. При подстановках могут быть задействованы и другие ассоциативные связи, что обычно является руководством к выбору слова-замены. Наиболее показательным является высокая частота употребление глаголов в качестве эквивалентов для замены анализируемых нами лексем, которые не были отделены никакими знаками препинания от частей предложений, следующих за ними (Таблица 5). В стимульных предложениях: (61а) *тот, приподнявшись, бац = ударил / стукнул / треснул*

*Пятачка промеж ушей; (69а) а монетки-то звяк, звяк, звяк = звенят / падают / сыпятся в драную шапку; (81а) он умылся – и плюх = плюхнулся / сел / бухнулся на диван – как глаголы, так и слова бац, плюх и звяк вполне естественным образом ведут себя в роли предикатов, управляя зависимыми словами. Род и число соответствующих глаголов выражается при помощи окончаний, а в отношении ЗГМ об этом можно судить, опираясь на существительные или местоимения, выступающие в функции подлежащих по отношению к ним. Близким к этому является функционирование ЗГМ, после которых используется двоеточие. В примерах: (64а) *А тот дернулся и бац = спросил / подумал: – Почему же за счастье?; Но пружинки – звяк да звяк = позвякивают / звенят: «Ох, не любим мы зевак!»* (70а) – бац и звяк также заменялись глаголами в функции сказуемого при соответствующем подлежащем, но при этом семантически они отклонялись от чистой имитации звуков в сторону указания на акт говорения.*

Запятые, как правило, интерпретируются как перечисляющие знаки препинания. Лексемы бац, плюх и звяк в их присутствии воспринимались в соответствующем ключе: (62а) *плюх = плюхнулась / упала, завалилась, подергалась четырьмя, поикала немного – и кранты ей завинтились – как однокоренные или близкие по семантике глаголы при последующих однородных сказуемых; (90а) море, водичка, плюх = всплески / брызги / плюханье, пляж, рыбки, чайки, р-русалочки – или как однокоренные или подходящие по контексту существительные, которые выступают в роли подлежащих / дополнений. Так как в примере (79а) вариантов того, к какой части предложения относится бац, могло быть несколько, то и вариантами замены были не только существительные, но и глаголы или наречия: *любая война – это невероятная скукотень, и вдруг – бац = бой / атакуют / наконец-то, что-то происходит.* Это свидетельствует о смысловой пластичности и функциональной гибкости анализируемых слов, которые могут легко приспосабливаться к разнообразным синтаксическим позициям внутри предложения.*

На замене исследуемых лексем, после которых употреблялось тире, следует остановиться подробнее, так как, на наш взгляд, не

только тот знак, который следовал за ними, играл роль в выборе эквивалентов, но и всё синтаксическое окружение целиком. Рассмотрим сначала варианты, которые предлагались для *бац*. В зависимости от интерпретации того, к какой части предложения относилось *бац* в стимульных предложениях (66а), (67а), (68а) и (71а), чаще всего его предлагалось заменить существительным (см. Таблица 5): *Веселкин [...] нажал на спуск: бац! бац! = выстрел – две пули в сердце знатоку рукопашного боя; [...] через уточнения, дополнения – бац = команда режиссера/ камера! мотор! – начиналась съемка; Срывает винтовку с плеча – бац! бац! = выстрел – добил; Оглядываюсь по сторонам, БАЦ! = удар / хлопок / выстрел – крошево стекла на сиденье и частично на асфальт*. Во всех этих случаях толкование *бац* проходит по принципу прямой речи, а само слово воспринимается как такое, которое цитирует акустическое событие либо ситуацию. В стимульных предложениях (66а), (68а), (71а) и (72а), *бац* также заменялось глаголом: [...] *бац! бац! = вылетели – две пули в сердце знатоку рукопашного боя; Веселкин [...] нажал на спуск: бац! бац! = выстрелил [...]; Срывает винтовку с плеча – бац! бац! = выстрелил – добил; [...] БАЦ! = валится / падает – крошево стекла на сиденье и частично на асфальт; И вдруг бац = звучит / донесся / слышу – женский голос*. Функциональная специфика *бац* проявляется в употреблении его в качестве предиката: *две пули вылетели, Веселкин выстрелил, крошево стекла падает, (я) слышу женский голос, женский голос звучит* и т. д. Тяготение *бац* в сторону адвербиальности, хоть и встречалось реже, но также присутствовало в предложениях (66а), (67а), (71а) и (72а): *Веселкин [...] нажал на спуск: бац! бац! = вдруг – две пули в сердце знатоку рукопашного боя; [...] через уточнения, дополнения – бац = вдруг / незамедлительно – начиналась съемка; Оглядываюсь по сторонам, БАЦ! = вдруг – крошево стекла на сиденье и частично на асфальт; И вдруг бац = неожиданно / откуда-то – женский голос*. Подобная тенденция прослеживалась для *плюх* в предложении (63а) и *звяк* – в (86а), где они также функционируют по принципу прямой речи, цитируя звуки: *Плюх! = всплеск – раздалось совсем близко впереди; он различал каждый шорох, бряк-звяк = шум / грохот – это у соседей*. В предложении (78а) употребление *плюх*

интерпретируется как сказуемое: *Колобок – плюх! = прыгает – в воду*. Значительно менее частотной является встречаемость проявления наречного признака у *плюх*, например (63а) и (78а): *Плюх! = неожиданно – раздалось совсем близко впереди; Колобок – плюх! = вдруг / быстро – в воду*.

Показательным является восприятие ЗГМ *бац*, *плюх* и *звяк*, за которыми следовали знаки препинания конца предложения, как таких, которые, прежде всего, употребляются в качестве эквивалентов звуков. Об этом свидетельствует преобладающая частота замены этих лексем, после которых употреблялся восклицательный знак, точка или многоточие, существительными (Таблица 5). Как правило, выбор производился в пользу однокоренного существительного или близкого по значению, но также описывающего акустическое событие: (73а) [...] *звяк! звяк! звяк = звон / лязг / дребезжание!*; (20а) *Звяк... звяк... звяк... звяк... звяк = звон / звяканье...;* (82а) *Раз... два... три... плюх = всплеск. Метров сорок – и вода;* (83а) [...] *поскользнулся и грохнулся на голубой лед. Плюх = грохот / падение!*; (84а) *Вдруг: ... плюх = всплеск / удар ... Будто бросили бревно в реку;* (87а) *Потом он аккуратно кладет ложечку на блюдце – звяк = звон.;* (88а) *Будильник летит в сторону мусорных баков. Бац = звон / треск / грохот. Нет больше будильника.* Для стимульных предложений, приведенных далее, вариантами замены *бац* были существительные, которые более абстрактно описывали происходящее: (65а) [...] *излюбленный суд бессудной земле, и бац = умиротворение / конец...;* (89а) [...] *И тут, бац = озарение/прозрение/эврика! Дошло до меня! Слово бац интерпретировалось похожим образом, когда после него стоял вопросительный знак: (75а) Тошнота? Или просто – бац = недомогание/смерть/? – и полная тьма!*, а именно: использовались существительные, описывающие возможный исход событий. Следует подчеркнуть, что абстрактное описание ситуации в вышеперечисленных случаях было зафиксировано только для *бац*, что может быть связано с частотой употребления этого слова в речи, а также шириной его семантики.

Наконец, обратим внимание на то, что *бац*, *плюх* и *звяк*, которые брались в кавычки, испытываемые предлагали заменить целыми высказываниями. Примечательно то, что подобные

вариации касались всех трех анализируемых слов. При этом для *звяк* использовались расширенные описания звуковых ощущений, связанных со звоном: (74а) [...] «*Звяк!* = слышу звон / зазвенело совсем рядом / послышался звук упавшего небольшого металлического предмета / раздался веселый звон» [...]; (77а) [...] «*Звяк!* = громко прозвенела / раздался плоский глухой звон / звонко пропела» – прозвенела монетка [...], а для *плюх* – детальные описания прыжков по лужам: (85а) [...] Он подпрыгивал: «*Плюх! Плюх* = брызги летели в разные стороны / не догонишь / шаг за шагом / я быстрее / раз, два, три подпрыгивает! *Плях!*». Тенденция к пониманию *бац* в более широком смысле, чем имитация звуков, а также к более абстрактной интерпретации его значения, прослеживалась в случае с кавычками: (76а) – Будем ждать, пока у Тяжлова произойдет этот «бац = непредсказуемый переломный момент / момент прозрения / неожиданный момент осознания / срыв».

Выводы. На основе анализа выборки из корпуса приходим к выводу, что ЗГМ синтаксически могут быть представлены отдельными предложениями, вставными или вводными конструкциями либо же могут и не быть отделены знаками препинания от основной части предложения. При этом более характерными для них являются обособленные позиции, чем синтаксически интегрированные, в соотношении приблизительно 3/1. Показательно то, что наиболее частотные единицы (>100 примеров из Корпуса: *бах, бац, бух, трах, тук, хлоп, хрясь, чик, щелк*) достаточно чисто демонстрируют этот срез (ср. знач. 70,7 к 29,3) и показывают более низкий количественный разброс (станд. отклонение 11,9), чем в среднем вся выборка.

Результаты субститутивного теста указывают на то, что отдельно от контекста ЗГМ несут семантическую нагрузку, которая эквивалентна звукоподражательным глаголам как совершенного, так и несовершенного вида, либо существительным, выступающим референтами ситуации, описываемой звукоподражанием, а также иногда могут иметь наречное употребление (ср. Канерва, Виймаранта 2018). Среди глаголов и существительных предложенные эквиваленты не всегда имели тот же корень, а часто подбирались по смыслу и функциям. Вопреки тому, что междометия являются

неизменяемыми словами, форма которых не отражает ни синтаксическую позицию, ни дейктические отношения, результаты нашего исследования показали, что в глазах носителей языка они способны выполнять функции сказуемого, подлежащего, дополнения, обстоятельства. Это может свидетельствовать о том, что как расстановка знаков препинания после ЗГМ происходит с учетом этих функций, так и понимание их роли в высказывании со стороны реципиента опосредствовано пунктуацией.

Из этого следует, что анализируемые нами лексемы могут иметь то же значение, что и однокоренные глаголы (*плюх – плюхнулся, звяк – звякнул*), а также обозначать другое действие, прямо или метафорически связанное со звуком, который они призваны имитировать. Возможность замены ЗГМ существительными в синтаксических позициях, когда различие между этими категориями колеблется, обусловлена тем, что по форме они могут совпадать с существительными мужского рода. Некоторые из них зафиксированы в словарях в качестве и междометий, и существительных, например, *бряк, звяк, скрип, стук* и т. д.

Применительно к нашим наблюдениям, пунктуационные модели с ЗГМ прежде всего подчиняются формально-грамматическому принципу пунктуации русского языка. Более того, вариативность знаков препинания в конструкциях с исследуемыми языковыми единицами не противоречит общим правилам пунктуации, а продиктована стремлением писателя донести до читателя смысловые оттенки, передаваемые этими языковыми единицами. В результате появляются ситуативные вариации. Обозначим, что при всем вышперечисленном языковые ситуации не всегда соотносятся со смысловой нагрузкой знаков препинания для выражения интенсивности звука. Падение бревна в воду явно громче, чем падение человека на лед или звук от прыжков по лужам, однако прямого соответствия нет. Наконец, авторская расстановка знаков препинания подчиняется, в конце концов, внутреннему голосу автора и не всегда однозначно воспринимается читателем.

4.3 СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ НЕКОТОРЫМИ СЛУЧАЯМИ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ ЗГМ

Часто, говоря о междометиях, подчеркивают, что они способны донести до адресата порой больше, чем целые высказывания и длинные слова. Также упоминается, что они обладают особой выразительностью, реферируя целостную ситуацию. При этом соотношение между экспрессивностью и грамматической обособленностью применительно к русским ЗГМ до сих пор почти не изучено. Данный раздел будет посвящен рассмотрению взаимосвязи между выразительностью русских слов типа *бац*, *плюх* и *звяк* и грамматической интеграцией этих языковых единиц. В самом широком смысле понятие выразительности относится к способности передавать эмоционально-волевые реакции, в особенности применительно к междометиям (Виноградов 1947: 568; Исаченко 1960: 508). Эту особенность признавал Е. Гоффман (Goffman 1981: 78–123), утверждая, что междометия выражают установки говорящих, произносятся в присутствии слушателей и адресованы им. Выразительность также имеет и более узкое употребление. Этот термин используется для описания явления, когда некоторые компоненты высказывания выдвигаются на передний план на фоне остальной части высказывания, прежде всего за счет морфологического и интонационного выделения. Поясним это следующим образом.

Морфологическую выразительность можно охарактеризовать как специфический тип словообразовательной морфологии, предполагающий повторение слов и редупликацию морфем, в том числе таким образом, что они могут отличаться одним звуком (Zwicky, Pullum 1987: 334–335). Простая морфология обозначает обычные продуктивные (или непродуктивные) правила словообразования и словоизменения, свойственные языку (*ibid.*: 332). Обратимся к примеру (91), из которого видно, что *трахнуть* является нейтральным, морфологически невыразительным словом, образование которого от *трах* относится к обычным продуктивным процессам в языке. При этом *тарарахнуть* из примера (92) отличается частичной редупликацией морфем по

отношению к *трахнуть* и благодаря этому несет яркую выразительную окраску. То же касается и *трах-бах-тарарах* из примера (93) по сравнению с морфологически невыразительным *трах кулаком по столу*.

(91) *Тогда я трахнул подвернувшимся табуретом по доскам театрального пола* (В. Катаев «Алмазный мой венец»).

(92) – *И полковник, широко и светло улыбнувшись, подмигнул Гирину. – Вот теперь вы тарарахнете! Я готов быть подопытным животным!* (И. Ефремов «Лезвие бритвы»).

(93) *Дремлю... Трах-бах-тарарах!!! Дум-дум-дум! Трах-бах-тарарах – это стучат в двери* (Т. Соломатина «Акушер-ХА! Байки»).

В языковых играх словами можно манипулировать для того, чтоб посредством экспрессивной морфологии создавать различные языковые формы (Sherzer 1975: 31). Значение языковой единицы часто остается без изменений, но само слово выдвигается на первый план, чтобы создать прагматический эффект. Морфологически выразительные единицы способны выделяться на фоне остальных, привлекая к себе внимание и выполняя экспрессивную функцию (Zwicky, Pullum 1987: 338). Такие слова также имеют тенденцию приобретать особые синтаксические свойства, в частности, становясь синтаксически независимыми (Dingemanse, Akita 2017; Kanerva 2018).

Что касается интонационной выразительности, то она может определяться как степень выдвижения одних элементов на передний план в сравнении с другими (Dingemanse, Akita 2017: 505). Интонационно маркированные элементы выделяются на фоне остальных элементов, привлекая к себе большее внимание (Navtánek 1964: 10). Они отличаются от других элементов, которые встроены в интонационную структуру высказывания и не маркированы подобным образом. В русском языке тремя наиболее типичными приемами просодического выделения являются фокусное ударение, восходящая интонация и паузы (Chernov et al. 2004: 151). Наше исследование фокусируется на

паузах в речи как на одном из приемов интонационного выделения.

Поясним вышесказанное на конкретных примерах, взятых из устного корпуса НКРЯ. По примеру (94) видно, что *шлеп* в словосочетании *об панель шлеп* не выдвигается на передний план на фоне остальной части этого выражения, в то время как в примере (95) *шлеп-шлеп* в словосочетании *вёслами/ шлѐп-шлѐп* обретает интонационную выразительность за счет предшествующей паузы, которая обозначена /:

(94) *Да я больше напугался/ просто об руль стукнулся и эта/ об панель шлеп//* (Разговоры во время празднования дня рождения на острове на Волге, 2002).

(95) *Возьмѐте байдарки/ и... вёслами/ шлѐп-шлѐп.* (Р. Качанов мл. и Э. Резник «Даун-хаус», к/ф, 2001).

Синтаксическая обособленность подтверждается паузацией и интонацией, качественно отделяя определенные языковые единицы от остальной части высказывания. Как мы помним, междометия и звукоподражания являются экспрессивными языковыми единицами, и если речь идет об описании действительности, но они отражают, а не описывают ее. По своей внутренней структуре слова типа *бац*, *плюх* и *звяк* сигнализируют информацию из другого семиотического измерения, хоть формально и могут быть охарактеризованы как члены предложения.

Существуют более ярко выраженные способы синтаксической интеграции ЗГМ русского языка. Грамматическая интеграция может зависеть от различных факторов, таких как синтаксическая позиция, наличие связи с другими объектами в высказывании и необязательность / взаимозаменяемость. Русские ЗГМ также могут занимать синтаксическую ячейку подлежащего, дополнения, обстоятельства или отдельной конструкции, в случае чего пунктуация отделяет их от остальной части предложения (Канерва, Виймаранта 2018), но уникальность их состоит в том, что они могут действовать как эквиваленты соответствующих глаголов и выполнять функцию глагольного сказуемого. В этом случае они не отделяются пунктуационно от основной конструкции и не выдвигаются на первый план с грамматической

точки зрения. Только когда они выступают в качестве сказуемых, их можно считать синтаксически интегрированными. Это их характерная черта, которая отличает русские слова типа *бац*, *плюх*, *звяк* от звукоподражаний в других языках (см. Kanerva 2018). Мы придерживаемся мнения, что функция сказуемого является единственной синтаксической позицией, в которой грамматическая интеграция эксплицитно выражена отсутствием знаков препинания, которые отделяли бы ЗГМ от остальной части предложения. Грамматическая интеграция также выражается в падежном управлении существительных, которые стоят после рассматриваемого ЗГМ и/или перед ним. В примере (96) из основного Корпуса НКРЯ местоимение *он* является подлежащим и стоит в именительном падеже; именная группа *свой картузик* управляется сказуемым *хлоп*, в результате чего *свой* и *картузик* стоят в винительном падеже.

(96) *А он в это время хлоп свой картузик опять и говорит... да ведь что же говорит-то!* (Н. Лесков «Воительница», текст читает Ф. Раневская, 1963).

В Разделе 4.2 обсуждалось, что как междометия, так и звукоподражания могут быть синтаксически обособленными и формировать вводные и вставные конструкции, которые на более общем уровне входят в состав понятия «парентетические внесения». Хотя традиционно считается, что парентетические конструкции отделены от основной конструкции пунктуацией и интонацией (Hoffmann 1998: 300), ряд исследований, однако, предполагает, что интонация является ненадежным критерием для идентификации парентетических компонентов (Wichmann 2001: 186, Espinal 1991: 734). Более того, «прагматически изолированные парентетические конструкции, такие как выкрики или междометия, просодически изолированы, независимо от их синтаксического оформления» (Güliz, Çöltekin 2015: 287). Следует заметить, что соотношения между паузами и знаками препинания нельзя рассматривать как взаимозависимые (Bolinger 1989: 18). Таким образом, соотношение синтаксической независимости и интонационной выразительности не следует воспринимать как само собой разумеющееся, оно требует отдельного изучения.

Итак, в этой главе речь пойдет о выразительности на просодическом и морфологическом уровнях. Еще раз обозначим, что обсуждаться будут следующие проявления выразительности: 1) интонационная выдвинутость, наличие пауз в речи; 2) морфологическая выразительность в том случае, когда речь идет о повторении или редупликации морфем. Соотношение этих двух видов выразительности будет проверено на основе констатации синтаксической независимости: 1) образование отдельных предложений словами типа *бац*, *плюх* и *звяк*; 2) формирование частей предложения, отделенных знаками препинания от основной его части. В этом разделе выдвигается следующая гипотеза: если слова типа *хлоп*, *бах* и *щелк* отделены знаками препинания от основной части предложения на письме, то они также отделяются паузами в речи и содержат повторяющиеся или редуцированные морфемы.

Материал. Материал для анализа был собран в 2018 году с использованием устного корпуса НКРЯ, который содержит записи публичных выступлений, частных бесед, стенограммы российских художественных фильмов. В этом корпусе доступны также лексические, морфологические и семантические запросы. Все высказывания в нем снабжены просодической разметкой, отмечаются также паузы в речи. Эта особенность была основной причиной, по которой устный корпус был выбран для текущего исследования. Учитывая, что объем устного корпуса заметно меньше основного корпуса НКРЯ, был произведен поиск всех междометий, чтобы выяснить, какие из них присутствуют в нем. Это дало 3 272 документа с 490 018 вхождениями. С помощью Грамматического словаря русского языка Зализняка (Зализняк 1977) и Большого толкового словаря русского языка под ред. Кузнецова (Кузнецов 1998) была получена выборка из 15 ЗГМ из общего числа слов, отмеченных как междометия в устном корпусе НКРЯ. Важно уточнить, что *хлоп* не упоминается у Зализняка (Зализняк 1977), а Кузнецов (1998) характеризует его как междометие и предикатив в сопровождении соответствующих акустических ощущений. В итоге список состоял из следующих единиц: *бах*, *бац*, *бряк*, *бух*, *кап*, *скрип*, *топ*, *трах*, *тук*, *тяп*, *хлоп*, *хлоп*, *чик*, *чмок*, *щелк*.

Далее был произведен поиск по каждому из выделенных слов в отдельности в устном корпусе НКРЯ. Выяснилось, что *скрип*, *тяп* и *кап* не являлись в нем междометиями (слово *скрип* было существительным во всех результатах поиска, *кап* – сокращением или именем собственным, а *тяп* использовалось в составе выражения *тяп-ляп*). Наконец, подкорпус настоящего исследования составили 203 примера из Корпуса с использованием 12 ЗГМ (*бах*, *бац*, *бряк*, *бух*, *топ*, *трах*, *тук*, *хлоп*, *хлоп*, *чик*, *чмок*, *щелк*).

Во всех использованных примерах знаки препинания отсутствовали. Для того чтобы приступить к анализу данных, специалисту по русскому языку, не знакомому с темой данной работы, было предложено расставить знаки препинания, где это необходимо, в соответствии с грамматическими принципами русской пунктуации. Другой лингвист, также носитель русского языка, специализирующийся на русском языке, который не был знаком с целями исследования и был из другого учреждения, проверил расстановку знаков препинания. Полученный набор данных был проанализирован на присутствие интонационной и морфологической выразительности, а также синтаксической независимости.

В приведенных ниже примерах используется просодическая разметка из Корпуса, где пауза в речи обозначается / или //. ЗГМ, составляющие отдельное предложение или конструкцию (т. е. без остального предложения, но со знаками препинания с обеих сторон), считалось синтаксически независимым. Повторение ЗГМ (например, *щелк-щелк*) и редупликация морфем (например, *ба-бах*, *трах-тарарах*) рассматривались нами как способы передачи выразительности на уровне слова. Отделение ЗГМ от основной конструкции паузами с обеих сторон указывает, с нашей точки зрения, на интонационную выразительность. Приведенные ниже высказывания иллюстрируют, как ЗГМ проявляют эти характеристики и как эти характеристики соотносятся между собой в отобранных высказываниях:

(97) – *Я ни в коей мере не хочу,/ простите...
– Щелк/ щелк/ щелк.* (Дискуссия о русском языке в эфире телепередачи «Процесс», 2001).

(98) *И как это вы говорили тогда? Трах и об землю!*
(Г. Раппапорт, Е. Петров «Воздушный извозчик», к/ф, 1943).

(99) *А она вынет бластер,/ бах,/ и в тебе дырка
насквозь* (П. Арсенов, К. Булычев «Гостя из будущего»,
к/ф, 1984).

Примеры (97–99) демонстрируют соотношение между синтаксическим, просодическим и морфологическим выделением анализируемых языковых единиц. В примере (97) ЗГМ отделяется от основной конструкции знаками препинания с обеих сторон; в речи оно также отделяется паузами и повторяется трижды. Пример (98) показывает отсутствие означенных признаков. ЗГМ выполняет предикативную функцию, для его отделения от остальной части предложения не используются знаки препинания, здесь отсутствуют паузы и морфемы не повторяются. Пример (99) показывает, что ЗГМ вставлено в высказывание и выделено парными знаками препинания, а также отделяется паузами, но при этом не имеет признаков морфологической выразительности.

Метод: таблица кросс-табуляции. В качестве методов мы использовали статистический анализ данных выборки, полученной нами из устного корпуса НКРЯ. Нашей целью было определить статистически, верно ли мы подметили тенденцию возможной взаимосвязи между морфологической и просодической выразительностью и синтаксической обособленностью. Статистическая программа SPSS Statistics24 использовалась для анализа данных, состоящих из специально подготовленных 203 примеров из Корпуса, относительно наличия / отсутствия вышеперечисленных признаков. Само собой разумеется, что анализируемые переменные в зависимости от наличия или отсутствия признака образуют восемь возможных комбинаций (1:1:1, 1:1:2, 1:2:1, 1:2:2, 2: 1:1, 2:1:2, 2:2:1, 2:2:2), где «1» означает отсутствие признака, а «2» – наличие. Для начала мы использовали метод составления таблицы кросс-табуляции, чтоб посмотреть количественное распределение примеров из выборки в пределах каждой из восьми комбинаций, выделенных выше.

Результаты. В таблице кросс-табуляции приведены результаты анализа частоты появления каждой комбинации в выборке (Таблица 6). Цифры относятся к количеству примеров из Корпуса, демонстрирующих наличие / отсутствие изучаемых признаков.

Таблица 6 Соотношение между интонационной выразительностью, морфологической выразительностью и синтаксической независимостью ЗГМ (таблица кросс-табуляции)

		Отсутствие морфологической выразительности	Присутствие морфологической выразительности	Всего
Синтаксическая интеграция	Отсутствие интонационной выразительности	43	7	50
	Процентное соотношение	21,2%	3,4%	24,6%
	Присутствие интонационной выразительности	1	1	2
	Процентное соотношение	0,5%	0,5%	1,0%
Синтаксическая обособленность	Отсутствие интонационной выразительности	28	6	34
	Процентное соотношение	13,8%	3,0%	16,7%
	Присутствие интонационной выразительности	56	61	117
	Процентное соотношение	27,6%	30,0%	57,6%
Всего		128	75	203
Процентное соотношение		63,1%	36,9%	100%

Цифровые показатели в Таблице 6 свидетельствуют, что 151 языковая единица из 203 была синтаксически обособленной, 119 из 203 были интонационно выдвинутыми, а 128 из 203 –

морфологически невыразительными. Из этой таблицы также видно, что сочетание 1:1:1 (нет интонационного выделения, нет синтаксической обособленности, нет морфологической выразительности) встречается в 43 случаях из 203 (в 21,2% всех высказываний), а сочетание 2:2:2 (интонационное выделение, синтаксическая независимость, морфологическая выразительность) в 61 случаях (30,0%). Вместе эти два сочетания из восьми возможных составляют 51,2% всех предложений с ЗГМ. Эти результаты показывают, что все три переменные встречаются вместе с высокой частотой (>50%), т. е. эти две комбинации (1:1:1 и 2:2:2) очень часты по сравнению с остальными шестью комбинациями.

Метод: логлинейная статистическая модель. Важно сказать, что таблица кросс-табуляции использовалась, поскольку с ее помощью удобно исследовать корреляцию между двумя категориальными переменными. Что касается анализа зависимостей между тремя категориальными переменными, то трудно получить точные статистические данные о том, какая из шести сопутствующих переменных неочевидным образом соотносится с остальными. Логлинейная статистическая модель позволяет это сделать. Используя данный метод, можно определить, какой компонент модели следует сохранить для нахождения лучшего объяснения данным. Как уже упоминалось, логлинейная статистическая модель используется для анализа того, какие корреляции являются значимыми, а какие сопутствующие переменные не коррелируют между собой.

Результаты. Статистическая программа SPSS Statistics24 использовалась для построения логлинейной статистической модели. Ее параметры свидетельствовали о высокой степени зависимости между тремя переменными: коэффициент корреляции Пирсона составил 0,901. Стандартизованные остатки данных находились между -0,265 и +0,322; такой небольшой разрыв между ними также указывает на то, что эта статистическая модель работает. Хотя корреляция между синтаксической независимостью и экспрессивной морфологией была существенно ниже ($p=0,662$), базовый класс показывает убедительную зависимость ($0,901 \leq p \leq 0,902$) между всеми тремя переменными (интонационным выделением, синтаксической независимостью и

экспрессивной морфологией). Эти результаты свидетельствуют о том, что, хотя синтаксически независимые ЗГМ не обязательно имеют повторяющиеся слоги либо же повторяющиеся ЗГМ не всегда отделены знаками препинания от основной части предложения, все три параметра с высокой вероятностью встречаются вместе. Другими словами, существует высокая корреляция между интонационным выделением на первый план, синтаксической независимостью и экспрессивной морфологией. Это основной вывод, который можно сделать из самой модели.

Следующим шагом было использование описательной статистики с целью детально проанализировать, как именно все эти показатели соотносятся в модели, т. е. какие из них являются важными, а какие не имеют решающего влияния на качество модели. Перекрестная таблица отсутствия / наличия каждого признака в двух из трех переменных выявила скрытые зависимости и пролила свет на причины, по которым все три статистически значимых фактора часто встречаются вместе, но синтаксис и морфология определяются моделью как переменные, которые в меньшей степени коррелируют между собой.

Результаты проведенного статистического анализа могут быть представлены в лингвистическом плане следующим образом:

1) 77,5% всех синтаксически независимых ЗГМ были также интонационно выразительными, а 96,2% всех синтаксически интегрированных не были интонационно выразительными; 98,3% всех интонационно выделенных ЗГМ были синтаксически независимыми, а 59,5% интонационно невыделенных не были синтаксически независимыми.

2) 84,5 % всех интонационно невыделенных единиц были морфологически неэкспрессивными, а 52,1 % интонационно выделенных были также экспрессивными; 55,5% морфологически неэкспрессивных не выделялись интонационно, а 82,7% морфологически экспрессивных были также интонационно выразительными.

3) 84,6% всех синтаксически интегрированных являются морфологически невыразительными, но при этом 44,4% синтаксически независимых являются морфологически выразительными, 89,3% морфологически выразительных единиц

являются синтаксически обособленными, а 34,4% неэкспрессивных являются самостоятельными.

Если результаты (1) и (2) иллюстрируют четкие зависимости между интонацией и синтаксисом, а также интонацией и морфологией, то, напротив, результат 3 показывает, что синтаксис и морфология плохо коррелируют между собой.

Обсуждение. Приступим к обсуждению результатов, полученных от сочетания обоих методов. На основе описательного статистического анализа (см. Таблица 6) можно сделать следующее наблюдение: если ЗГМ морфологически экспрессивно, то оно с высокой вероятностью будет интонационно выделено, и наоборот (>80% в обоих случаях). Подобное лингвистическое поведение исследуемых нами слов можно продемонстрировать на примере предложения из использованной в качестве материала выборки из Корпуса: *И вдруг... я услышала тот самый тихий свист и осторожное постукивание: / тук, / тук, / тук-тук* (И. Масленников, Ю. Дунский и В. Фрид «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», к/ф1979); *Первый раз его для смеху казнили, / чтобы он ощущениями смог поделиться с остальными китайскими писателями. А второй раз – хлюп, / и всё* (Р. Качанов мл. и Э. Резник «Даун-хаус», к/ф, 2001).

Еще одно наблюдение относится к тому, что, если ЗГМ интонационно выделено, то оно, скорее всего, также будет синтаксически самостоятельным, и наоборот (>90% и >75% соответственно). Например: *Месяц назад ей дают «Лучшую ведущую», / потом / – бац! – / от неё уходит Зубов* (Д. Дьяченко, Л. Барац, Р. Хаит и С. Петрейков. «День радио», к/ф, 2008); *Потом ба́-бах об землю – всё/, мне плохо,/ мне всё,/ а/ оказывается/, я же верующий/, да-да-да!* (О призвании священнослужителя, разговор, 2012).

Наконец, если ЗГМ морфологически экспрессивно, то оно, скорее всего, будет синтаксически самостоятельным (≈90%): *Третий день [изображает биение сердца] – бух-бух-бух, бух-бух-бух* (Н. Губенко «Из жизни отдыхающих», к/ф, 1980), однако синтаксически независимое ЗГМ не обязательно будет морфологически выразительным (<50%): *А на двор на*

постояльц/ – хлоп! – / въезжает троешник (Н. Лесков «Воительница», текст читает Ф. Раневская, 1963).

Далее обсудим необычное грамматическое поведение ЗГМ русского языка. С грамматической точки зрения эти языковые единицы могут быть как синтаксически интегрированными, так и обособленными. Эти слова также могут встраиваться в структуру предложения, брать на себя функцию глагольного сказуемого и таким образом выступать в качестве члена предложения. Они также могут быть синтаксически независимыми, формировать отдельное предложение или синтаксически обособленную часть основного предложения, такую как вводная или вставная конструкция. Такие особенности, как отсутствие словообразовательных и флективных морфем и лаконичная форма, позволяют им быть достаточно свободными в структуре предложения, тем самым гарантируя им большую степень синтаксической независимости. Другими словами, они синтаксически подвижны, могут стоять в начале, конце или середине предложения, и их можно опустить без изменений смысла высказывания. Глагольный корень, в свою очередь, позволяет им функционировать в качестве сказуемых и становиться синтаксически интегрированными.

Выразительность этих слов также проявляется двояко. В одних случаях ЗГМ могут интонационно выдвигаться на первый план на фоне остального предложения, проявляя просодическую выразительность. Она может возникать в комбинации с морфологической выразительностью, характерным проявлением которой является редупликация морфем. В других случаях экспрессивная морфология необязательно проявляется, так же как могут отсутствовать и паузы в речи, интонационно отделяющие данные слова от остального предложения. Все это заставило нас попробовать проверить наблюдения при помощи методов математической статистики.

Заранее известно, что каждый из вышперечисленных признаков (синтаксическая обособленность, морфологическая выразительность и интонационная выразительность) могут либо присутствовать, либо отсутствовать в предложениях с ЗГМ. С точки зрения статистики эти характеристики являются переменными, и каждая из них дает две сопутствующие

переменные, которые указывают на присутствие или отсутствие вышеуказанных характеристик. Говоря более подробно, рассматриваемые языковые единицы могут быть синтаксически интегрированными или независимыми, морфологически выразительными или не иметь экспрессивных морфологических маркеров, интонационно выдвигаться на передний план или не выделяться при помощи интонации.

Выводы. Два статистических метода, которые мы применили в этом исследовании, позволили нам проверить взаимосвязь между всеми сопутствующими переменными. Данные, полученные на основе устного корпуса НКРЯ, были проанализированы, а результаты этого анализа представлены в Таблице 6, иллюстрирующей, как часто каждая переменная по отдельности, а также их комбинации встречаются в выборке. Для определения взаимозависимости между сопутствующими переменными была построена логлинейная статистическая модель, которая определила, какие из них имеют значимые корреляции. Модель показала, что интонационно выразительные ЗГМ зачастую являются морфологически выразительными, и наоборот. Было установлено, что синтаксически обособленные единицы, как правило, являются интонационно выразительными, и наоборот. Морфологически выразительные единицы обычно синтаксически независимы. Однако не все слова, которые проявляют синтаксическую самостоятельность, также будут морфологически выразительными. Это вопрос, в котором стоит разобраться при помощи качественных методов анализа, поскольку математический подход слишком упрощает вариативность исходного материала.

Ранее в научной литературе часто выражалось мнение о том, что причиной вариативного грамматического поведения является языковая омонимия между междометно-звукоподражательными и глагольными признаками исследуемых слов (Прокопович 1965: 76–78; Карцевский 1984: 131; Чеснокова 1991: 187–188; Серeda 2005: 84–91). Примененный нами точный метод оценки данных позволил показать, что экспрессивность ЗГМ и их грамматическая интеграция в языковую систему находятся в обратной зависимости. На наш взгляд, подобное языковое поведение данных слов объясняется их сложной природой, а именно,

разнообразием того, какие оттенки значения они могут выражать. В зависимости от того, какой признак (звукоподражательный, глагольный или междометный) больше проявляется в каждом контексте, исследуемые нами языковые единицы приобретают большую или меньшую степень синтаксической независимости, просодического выделения и морфологической выразительности. Возможно, существуют и другие формальные способы ввода междометий, но для нашего исследования именно эти стали оптимальными, позволившими обработать исходный материал по строгим, верифицированным экспертами критериям.

Результаты нашего многосоставного подхода также косвенно указывают на то, что при расстановке знаков препинания интонационный принцип русской пунктуации не является ведущим (см. теорию и принципы русской пунктуации). Об этом свидетельствует существенная по процентным показателям несоотнесенность между некоторыми случаями интонационной и грамматической независимости. Точнее говоря, 40,5% интонационно невыразительных единиц из проанализированной нами выборки были синтаксически независимыми. Во всяком случае, данные результаты, несколько противореча интуиции, все же подтверждают гибкость и зыбкость роли звукоподражаний в составе речи.

4.4 ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЗГМ

В данном разделе выдвигается предположение, что носители русского языка могут использовать эти слова из прагматических соображений. Как и любые единицы с расплывчатой семантикой, они также позволяют говорящим подразумевать больше, чем те хотели бы открыто заявить. Семантические сдвиги и расширения, о которых говорилось в Разделе 4.1, привели к тому, что слова типа *бах*, *плюх* и *звяк* не только отображают звуки природы, но и могут обозначать действия или его характеристики вплоть до того, что восприятие динамически протекающих событий в качестве внезапных может указывать на когнитивное состояние говорящего. С прагматической точки зрения, это помогает говорящим добиваться большего эффекта от собственного высказывания. В тех случаях, когда говорящий хочет лишь

намекнуть на содержание высказывания, непосредственно не называя самого события, использование ЗГМ может быть весьма кстати. Этот эффект достигается за счет того, что обсуждаемые языковые единицы семантически комплексны в том плане, что могут передавать различные оттенки значения.

Когда дело доходит до использования ЗГМ для передачи всевозможных семантических импликаций, прагматическая мотивация подталкивает носителей языка к употреблению их в речи. В подобных высказываниях данные языковые единицы функционально сближаются с междометиями. Для того чтобы понять, что подразумевает говорящий, используя их, приходится обращаться к контексту. В то время как значение общепринятых звукоподражаний относительно хорошо известно всем носителям языка и доступно вне контекста, интерпретация значения междометий вне окружения затруднительна. Важным является то, что слова типа *бах*, *плюх* и *звяк*, вмещающие прагматические импликации, обязаны обладать необходимым уровнем условности для того, чтобы передавать эти оттенки значения. Этот аргумент свидетельствует о большей степени проявления междометных свойств данных языковых единиц. Согласно Уилкинсу (Wilkins 1992: 129), длина высказывания (то есть количество морфем, содержащихся в высказывании) обратно пропорциональна количеству информации, которую можно получить из контекста. Междометия чувствительны к контексту своего употребления и могут быть проинтерпретированы только в связи с ним (Спенса 2000: 35).

Материал и метод. В этом разделе в качестве материала для анализа используется общий список из 80 языковых единиц, составленный по словарям и другим источникам (Зализняк 2010; Ефремова 2000; Середа 2005; Nikitina 2012; Кор Шаин 2008 со ссылкой на Прокопович 1982) из Таблицы 2. Мы использовали результаты поиска в основном корпусе НКРЯ (2018) по 40 словам из списка (см. количество примеров в Корпусе по каждому слову на Рисунке 4), выдача содержит 3873 предложений. Мы также опирались на результаты поиска по устному корпусу НКРЯ (2018) по 12 словам (см. Раздел 4.3), выдача насчитывает 203 предложения. В дополнение к этому мы провели новый поиск по обоим корпусам НКРЯ (2022) с целью подбора иллюстративного

материала для нашего исследования. В этом разделе также приводятся примеры из корпуса «Один речевой день», который предлагает ориентироваться при поиске по прагматическим маркерам, используемым в повседневном общении; поиск по ОРД (2022) выдал 25 контекстов с интересующими нас языковыми единицами из списка.

Обсуждение результатов. Перейдем к обсуждению особенностей функционирования ЗГМ в речи. Первая их функция, на которой мы остановимся, – это квазиреферентная функция (ср. Kanerva 2019). Ее суть состоит в том, что исследуемые слова репрезентируют разнообразные акустические явления, а также могут указывать на действие, которое послужило причиной их возникновения. Эта функция оказывается наиболее характерной для ЗГМ, так как семантически они прежде всего имитируют природные звуки и только потом проходят лексикализацию. Впрочем, трудно утверждать категорически, происходит ли такое с каждым отдельно взятым носителем языка на протяжении становления его языковой способности или все же мы говорим всегда только о диахроническом плане языка, а индивидуальный идиолект произведен от него. С одной стороны, ЗГМ стремятся к иконизации акустических явлений при помощи доступных фонемных средств, но, с другой стороны, при этом они являются конвенционализированными словами, которые имеют относительно стабильный фонетический состав, что делает их узнаваемыми большинством, если не всеми носителями языка. Ниже мы приводим примеры из основного корпуса НКРЯ, которые наглядно показывают, как слова *хлоп* (100) и *хрясь* (101) при помощи своего фонетического облика воспроизводят внеязыковые звучания, а именно удары.

(100) *У меня в ушах... звенит. Уймись. Хлоп... Хлоп... – колотилась оконная рама (М. Дяченко, С. Дяченко «Привратник»).*

(101) – *Тут второй разбегается... хрясь! – сапогом – хрясь! (Д. Каралис «Автопортрет»).*

Оконная рама может колотиться со звуком *хлоп... хлоп...*, что показывает, что есть ветер, что рама не закреплена, что она совершает колебательные движения, ударяясь не стеклом, а

деревянной частью о деревянную же раму. Как написано дальше в тексте, *Жалобно вскрикивало стекло*, т. е. здесь уже автор обходится без звукоподражания, хотя и продолжает описывать саундскейп, который, по художественному замыслу, должен показать, что на душе у персонажа тревожно. В следующем примере описывается сцена запихивания пьяного человека в машину, сопровождаемая несколькими глагольными междометиями, обозначающими разнообразные моменты события. Автор отмечает, что передаваемая им речь принадлежит простому человеку, бывалому рассказчику, так что междометия – ее примета.

В корпусе «Один речевой день» мы также нашли контексты, иллюстрирующие выполнение звукоизобразительной функции словами, которые мы выбрали в качестве объекта нашего пристального внимания. Приведем некоторые наиболее характерные иллюстрации. В примере (102) *бабах* изображает удар в дерево, который одновременно относится и к звуку, и к действию. Использование этого слова экономит языковые средства, делает высказывание короче и создает впечатление ускорения происходящего в сторону кульминации рассказа. Употребление *бабах* в комбинации с использованием просторечий *валяться в отключке*, т. е. «лежать без сознания», и диминутивов *в стороночку* вместо «в сторону», *кабанчик* вместо «кабан» также создает комический эффект. Подобное явление наблюдается и в примере (103), где *бах* и *бах-бах-бах* имитируют выстрелы, но из контекста видно, что говорящий, похоже, дурачится. Комичность высказывания также проявляется в использовании недостаточно грамотного выражения *огненной лазер* вместо грамматически правильного *огненный лазер*, диминутива *зомбиков*, а также *пуу* (звук пролетающей пули, см., например, *Пролетели пули, огласив окрестности знакомыми пуу... пуу... пуу...* (К. Симонов)).

(102) ... на неё несется с безумной скоростью / лиса такая *Н в стороночку отошла // кабан с размаху об дерево бабах ! [...] плашмя на спину // и валяется в отключке // [...] лиса к нему подбегает / кабанчик / кабанчик / ты как ? [...] а кабан такой / глазами *Н //

(103) ... *осторожно / там провод // @ стреляем ! [...]
бах ! лазерь ! у меня лазерь ... [...] у меня огненной лазерь
// [...] от зомбиков // [...] пииу ! бах-бах-бах ! @ уж лучше
фонариков.*

Кроме способности имитировать звуки внеязыковой действительности, ЗГМ также достаточно часто выполняют аффективную функцию в дискурсе. Подобное языковое поведение вызвано способностью этих слов отображать звуки и стоящие за ними динамически протекающие процессы, которые естественным образом могут иметь определенное влияние на свидетеля этих событий, вызывая у него целый ряд эмоциональных реакций. Эти же эмоции говорящий стремится передать слушателю, стараясь донести до него свои переживания (Капегва 2019). Проиллюстрируем эту функцию при помощи следующих примеров из НКРЯ:

(104) *Жили мирно, / сосуществовали, / и вдруг – / бац!
/ – в тюрьму посадили* (интервью фонду
«Общественное мнение», 2004).

(105) *Не успели мы замочить в корыте портянки и
бельё – бац! – гости к нам* (В. Астафьев «Обертон»).

Функцией ЗГМ здесь является не имитация звуков, а указание на эмоциональное состояние говорящего. Эти языковые единицы подвергаются процессу прагматикализации, т. е. выцветания исходного лексического значения в сторону выполнения определенных дискурсивных функций. В частности, *бах* и *бац* сигнализируют о том, говорящий шокирован (104) или удивлен (105) происходящим. Наиболее ярко способность отображать эмоции прослеживается у часто употребляемых единиц, таких как *бах*, *бац*, *бух*, *трах*, *тук*, *хлоп* или *щелк* (Рисунок 4), семантика которых охватывает резкие, отрывистые звуки, особенно удары и хлопки. Ниже мы приводим примеры из основного корпуса НКРЯ, в которых функционирование *трах*, *хлоп* и *щелк* является результатом смещения значения этих слов в сторону выражения когнитивных и эмотивных состояний говорящего, таких как удивление и радость (106–107) или досада (108).

(106) *Но заметь, в жизни никогда не бывают одни несчастья. Неудачи, неудачи, потом – трах! – удача* (А. Кузнецов «Артист миманса»).

(107) *Хлоп – деньги повалили, но для других ты неинтересен* (В. Дудинцев «Белые одежды»).

(108) *Что ж это со мной делается? Я попал, влип, щелк, и все. – Господи!* (М. Козаков «Актерская книга»).

Выполнение аффективной функции ЗГМ не является характерной чертой исключительно письменной речи. В повседневном общении носители русского языка также используют ЗГМ для выражения эмоций. Сходное языковое поведение можно проследить в примерах из разговорного корпуса «Один речевой день», в которых *бац* по всей видимости указывает на удивление (109–111). Поскольку выбрано именно междометие *бац*, то можно поверить, что случившееся действительно было ударом для говорящего, лично задело его, в отличие от *бух*, которое сигнализирует о неожиданности или внезапности происшествия в примере (112):

(109) ... *потом я ... до меня / до меня начинает доходить / / ну я помню / что я обогреватель точно ночью не включала // такая бегом на кухню // бац / смотрю две горелки горят //*

(110) ... *минут тридцать до поворота до Никольского\$ мы ехали вот километров () тридцать сорок // # угу # вот она вроде едет / но ... но ... не то чтоб там бац и всё / встал // @ ну всё-таки едет //*

(111) ... *потом смотрю / бац / все оказывается меня / ждут //*

(112) *и (...) и потом у меня температура сорок / бух //*

По нашим наблюдениям, указывать на эмоциональные реакции говорящего могут и другие, менее частотные ЗГМ, так как они изображают стремительно протекающие события. Следовательно, оттенок неожиданности с опорой на контекст могут развивать даже такие языковые единицы, в значении которых заложена имитация природных звуков. В примерах (113, 114) из основного корпуса НКРЯ *плюх* и *фук* подверглись процессу

семантического выцветания своего основного значения, а именно, перешли от номинации звуковых эффектов, связанных с расплескиванием или с выдуванием воздуха, к выражению психоэмоциональной реакции удивления, возникающей в ответ на событие, воспринимаемое как неожиданное:

(113) *Те же румяные розочки, рюшечки, плюш. Плех!.. Местная артисточка* (С. Васильева «Триптих с тремя неизвестными» // «Октябрь», 2001).

(114) *Вот бы, думаю, весь мир в меня влюбился! А тут – фук! – слышу голос* (Д. Емец «Таня Гроттер и колодец Посейдона», 2004).

В примере (113) речь идет об испытываемом отвращении к признакам мещанства, вызывающим физиологическую реакцию отторжения, а в следующем (114) – о возникновении настороженности в связи с долетевшим звуком голоса.

Третья функция, которую могут выполнять ЗГМ, заключается в привлечении внимания слушателя. Основным критерием для определения этой функции является выделение из контекста свидетельств того, что эти слова помогают установить или поддерживать коммуникативный контакт. Пример (115) из основного корпуса НКРЯ – высказывание, сопутствующее интервью с известным физиком. Основная цель комментария журналиста состоит в том, чтоб утешить читателя, который порой может быть незнаком с тонкостями ядерного синтеза, который можно просто обозначить междометием *хлоп*, т. е. события происходят якобы как в сказке. Такие упрощения способствуют большей вовлеченности читателя в содержание текста и показывают, что автор и читатель обладают одинаковым уровнем знаний, что подтверждается и названием статьи:

(115) *Вообще, насколько я понимаю, физики только и делают, что следят за рождением и распадом частиц. Стукнули протон в протон – хлоп! – энергия превратилась в кварк* (А. Торгашев, В. Рубаков «Какие бозоны нужны народу» // Русский репортер, 2012).

При рассмотрении примера (115) из НКРЯ, когда речь идет не только об имитации звука, указании на действие или восприятию события как неожиданного, можно рассуждать о желании

говорящего вовлечь слушателя и повлиять на него. Использование глагольного междометия здесь является факультативным, так как вся информация о протекающем действии и о возникающих звуках уже содержится в самом высказывании. Подобная иллюстративность усиливает эмоциональное воздействие на реципиента. Такое употребление акцентируют внимание на событиях и воздействуют на читателя, вовлекая его в происходящее.

(116) – *Мы-то плачем, у Гроба Господня, а они с мечами... да с бечами... – хлесть-хлесть! И выстегнули* (И. Шмелев «Лето Господне»).

(117) *Как ушла Нюрка, он сразу полетел за крольчатами, а про Витю подумал: мал, дескать. И вот теперь – бряк! – валялся в крапиве* (Ю. Коваль «Выстрел»).

В примере (116) речь идет о том, как в ожидании схождения благодатного огня в Иерусалиме турки выбивают у рассказчицы глаз. В примере (117) сбитый мальчиком ястреб, охотившийся на крольчат, падает с неба.

Пример (118) из корпуса «Один речевой день» создает впечатление, что употребление *она бум глаза* вместо нейтрального *открыла глаза* было продиктовано желанием подействовать на слушателя. В предложении уже эксплицитно присутствует информация, что ни о каком звуковом событии речь не идет и, казалось бы, употребление ЗГМ не обязательно, даже неуместно, тем не менее оно присутствует в высказывании. Из контекста также видно, что говорящий не стремится выразить свое удивление тем, что кто-то проснулся, а, скорее, старается вызвать у слушателя сопереживающее отношение к тому, что фотография не была сделана. За счет междометия создается впечатление, что закрытые веки образуют как бы единое целое, которое лопается при приближении говорящего и является для него нежелательной неожиданностью:

(118) *я подошла она бум глаза ! [...] а не успела сфоткать её как она смотрела [...] нет я хотела чтобы спящая //*

В некоторых случаях можно обнаружить даже поэтическую функцию междометий, как в примере (119) из НКРЯ. В этом примере ЗГМ *паф* придает тексту большую эстетическую привлекательность. Оно лишь формально кажется звукоподражанием, частично воспроизводя звуковой образ. В контекстном употреблении слушатель интуитивно улавливает более глубокие художественные импликации, так как о реальном дыме речь не идет:

(119) *Рачинский, когда-то словесно «поровиший» меня за декадентские образы, фыркает дымом на юркости Шпетта: – «Паф, паф!» – вылетают из уст его клубы* (А. Белый «Между двумя революциями»).

К этому примеру мы можем добавить подобные контексты из основного корпуса НКРЯ, в которых ЗГМ используются для реализации стилистических приемов. В частности, *судьба отечества* олицетворяется в примере (120), стуча в окно, подобно живому существу. Важно то, что сам стилистический прием реализуется уже в основном предложении, а *тук! тук! тук!* в свою очередь усиливает образность, придавая высказыванию большую иллюстративность. В примере (121) правосудие и финансы метафорически разбиваются вдребезги, а *трах*, с одной стороны, замещает собой глагольную форму, а с другой – создает поэтический эффект.

(120) *...так вот щеголю-королю не спалось, ибо в окошко, в венецийское окно опочивальни – тук! тук! тук! – стучала судьба его отечества, останки которого спешно шел перепрятывать испуганный подрастающими негодьями, чуть не обнаруживший чрезмерным созерцательным пылом свою ненужность и непринадлежность здешним местам одногербник, земляк и тезка короля...* (А. Эппель «Не убоишься страха ночного»).

(121) *Вдребезги правосудие. Трах! – в кусочки финансы* (А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции»).

«Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий» Шляховой (Шляхова 2004: 122) также содержит контексты, иллюстрирующие случаи метафорического употребления исследуемых нами слов. В примере (122) *Пиф!*

Паф!, конвенционально означающее звук выстрела, употребляется для обозначения кокетливых, игривых взглядов в связи с фразеологизмом «стрелять глазами», т. е. флиртовать. В этом случае происходит перенесение признаков отрывистых выстрелов на взгляды, направленные на конкретную цель:

(122) *Глазенки так и стреляют! Пиф! Паф!*
Поздравляю: вы победили! Мы сражены! (А. Чехов «Аптекарьша»).

Металингвистическая функция встречается нечасто, но прослеживается, когда ЗГМ используются для имитации самого подражания звукам с целью создания нового языкового эффекта. Скажем, междометие *фук*, согласно НКРЯ, в XIX в. означало пустоту, пшик:

(123) – *А коли ступил, так – не погневайся, батюшка, – фук!..* (М. Загоскин «Русские в начале осмнадцатого столетия»).

(124) *Забыли начальники, так же как и тебя, Искендер. Обои нам фук дали!* (А. Бестужев-Марлинский «Мулла-Нур»).

(125) – *Толкуют: просвещенье, просвещенье, а это просвещенье – фук!* (Н. Гоголь «Мертвые души»).

В XX в. междометие может имитировать звук выдыхания воздуха, перемещения шашек по доске, а также быстро наступающую пустоту в результате исчезновения предметов, например пропития денег или потери ценностей:

(126) *Трахнул я по бумажке, и весь его порошок – фук!*
(И. Шмелев «Человек из ресторана»).

(127) – *Взял и пропил: и нет тебе – «фук»; и – возьму; и опять же – пропью* (А. Белый «Московский чудак»).

(128) *«Фук-фук», – отрывисто сказал он с сердцем, как извозчик на пешехода.* (А. Грин «Алые паруса»).

(129) *Как в народной версии шашек: фук-фук-фук, пропустил момент, когда должен был есть, отдай фигуру, забудь о ней, считай, что ее на доске не было.*
(А. Архангельский «1962: послание к Тимофею»).

(130) *Что, крупка? Фонарики – фук! – и скрылись.*
(В. Шишков «Угрюм-река»).

В новейшее время междометие используется также для обозначения быстрого выпускания, движения воздуха или пропажи, как в примере (131) или ниже:

(131) – *она надувает левую щеку и хлопает по ней ребром ладони: – Фук!* (М. Вишневецкая «Вышел месяц из тумана»).

(132) *Они в дым превратятся, в фук, в вонь, а оно стоять будет.* (В. Распутин «Дочь Ивана, мать Ивана» // «Наш современник»).

Обратившись к словарю фоносемантических аномалий Шляховой (Шляхова 2004), находим и другие примеры, которые, на наш взгляд, указывают на металингвистическое употребление данных слов, например, при переносе основного значения слова *бум* (монотонные удары) на монотонную речь: *Сидим на лекциях, а эта наша как метроном – бум-бум-бум, бум-бум-бум. Все спят, а как экзамен сдавать?* Далее в словарной статье указывается, что выражение *ни бум-бум* указывает на интеллектуальное бессилие, отсутствие понимания, когда речь идет о человеке, мало соображающем в чем-то. Подобное употребление обнаруживается в корпусе «Один речевой день», когда номинация невнятной или неразборчивой человеческой речи переносится на неспособность к артикуляции любого осмысленного высказывания, как в примере (133).

(133) *а когда ст... сталкиваешься со старшим поколением / я же тоже / они приезжают к нам на автобусах // и никто ни бум-бум / ничего ни по-английски / ничего никак не могут с ним понять пожилые // # *Н наши родственники //*

Еще одним примером из словаря русских фоносемантических аномалий С.С. Шляховой (Шляхова 2004: 150) является употребление *трень-брень* для обозначения нищеты, убогости (по данным диалектологических экспедиций). Подобное перенесение значения вполне могло произойти по аналогии со звуками, издаваемыми пустой кухонной утварью, в домашнем хозяйстве со скудными средствами для существования, а также

вследствие преуменьшения эффекта от несерьезной игры на музыкальном инструменте: *Так он-эть живет безо всякого мал-малю добра, трень-брень, голоштанник* (Усть-Уролка, Чердынский район); *Погляди-ко в доме-то, трень-брень – ниче и нету* (Воскресенск, Карагайский район).

Наконец, некоторые ЗГМ могут быть «идеофоническими», т. е. обозначать идею, выраженную звуком. Суть этой функции заключается в том, что эти слова в некоторых контекстах призваны вызывать яркие сенсорные образы. В основном корпусе НКРЯ обнаруживается пример (134), где звук каблуков, цокающих по полу, вызывает в воображении облик привлекательной молодой девушки. Можно добавить и другие контексты из основного корпуса НКРЯ, в которых ЗГМ вызывают яркие, живые образы в воображении читателя или слушателя. В частности, *плюх* вызывает ассоциацию с погружением в вечность в примере (135), а *тук*, хоть и указывает на сердцебиение, но также рисует образ человека, замершего от испуга, в примере (136):

(134) *Представляется такой приятный белокурый образ: пухленькие щечки, чулки не синие, а с кружавчиками, видными в разрезе юбки. Цок-цок, доброе утро, мальчики!* (А. Матвеева «Обстоятельство времени»).

(135) *Лежишь в полубессознательном состоянии и падаешь в полубессознательном состоянии; ни удивления, ни страха, поэтому и не концентрируешься, не сжимаешься вся, а плюх – и сливаешься с вечностью!* (Е. Гордеева и В. Гордеев «Не все мы умрем»).

(136) *А у самого сердце – тук! – тихонько в гнезде повернулось и пошло вниз* (Е. Замятин «Север»).

Выводы. В этой главе мы выделили такие прагматические функции ЗГМ, как квазиреферентная, эмотивная, фатическая, поэтическая и даже метаязыковая. Следует упомянуть, что сложность описания прагматических функций этих языковых единиц, то есть их воздействия на адресата речи, связана с тем, что очень часто прагматические маркеры употребляются спонтанно, а их значение остается неосознанным, на уровне общего подсознания. Пренебрежение словоизменительной морфологией

и часто прозрачное звукоподражательное значение создают иллюзию простоты, приписываемой словам типа *бац*, *плюх* и *звяк*. В этом разделе мы постарались показать контекстуальную сложность данных языковых знаков при наложении прагматических импликаций. Мы двигались от более очевидных функций, таких как изображение звуков природы или указание на действие, связанное с этим звуком, к выражению разнообразных когнитивных реакций говорящего. Наиболее неуловимые нюансы, на наш взгляд, относятся к способности этих слов притягивать внимание слушателя, вовлекая его в дискурс, поэтически стилизовать высказывание, в том числе указывая метафорически на искомое содержание речи, а также имитировать исходное подражание звукам окружающей действительности, чтобы генерировать совсем новое значение. Наконец, исследуемые нами языковые единицы могут быть идеофоничными, в частности, они могут вызывать в сознании реципиента живые подвижные образы, которым свойственны не только звуковые, но и другие доступные восприятию характеристики, в том числе осязательные, а также световая яркость, пространственное передвижение, возможно, даже запах, цвет или вкус.

Однако на практике разделить эти функции очень сложно. Анализ примеров и даже привлечение расширенного контекста употребления не дают возможности однозначно истолковывать словоупотребление. Замысел автора, а также вложенное им в междометие значение, возможно, привычное ему, а возможно, и примененное в авторской манере, не помогают выбрать единственно возможное решение.

4.5 СЕМАНТИЧЕСКАЯ УЗНАВАЕМОСТЬ ЗГМ

В данном разделе мы хотим рассмотреть особый тип отношений между формой и значением у ЗГМ, основанный на непосредственном подражании естественным звукам, что, в общем-то, типично для всех ономотопей. Задача состоит в том, чтоб найти ответ на вопрос, можно ли уловить значение звукоподражательных слов без каких-либо предварительных знаний о языке. Обычно считается, что звукоподражания

имитируют звуки окружающей среды. Предыдущие исследования с использованием идеофонов, проводившиеся с носителями разных языков, показали, что связать форму и значение незнакомых слов вполне возможно. Например, носители голландского языка смогли угадать значение слов-стимулов из японского, корейского, сиву и эве с точностью выше уровня случайного совпадения, не зная этих языков (Dingemanse et al. 2016). Точно так же в другой работе (Iwasaki et al. 2007) было обнаружено, что носители английского языка без знаний японского приписывали некоторым японским идеофонам, в частности изображающим смех, то же значение, что и носители японского.

В исследовании с младенцами, которые еще не научились говорить, с помощью методики отслеживания взгляда было установлено, что звукоподражательные слова (англ. *too*, *baa*) в сравнении с соответствующими конвенциональными словами (англ. *cow* 'корова', *sheep* 'овца') имеют преимущество при обработке языкового сигнала (Laing 2017). В качестве стимульного материала использовались в основном звукоподражания, производимые одушевленными объектами. Было также установлено, что трехлетние дети лучше усваивали новые глаголы, когда они содержали идеофоны (Imai et al. 2008).

Значение неизвестных неидеофонических слов также можно успешно угадать по тому, как эти слова звучат. В исследовании, проведенном на описательных словах, относящихся к общей лексике японского языка (*mushi* 'червь', *tako* 'воздушный змей'), было показано, что англоязычные участники без знаний японского языка смогли выбрать для пар антонимов в японском языке соответствующие антонимичные пары из английского с вероятностью выше случайной (Tsuru, Fries 1933). Кроме того, в другом исследовании (Brown et al. 1955) было обнаружено, что одноязычные носители английского языка сопоставляли пары антонимов, представленные им на хинди, чешском и китайском языках, с соответствующими парами на английском языке с точностью выше случайной для каждого языка. Были проведены и другие исследования с аналогичными результатами на англоговорящих участниках с использованием таких типологически разных языков, как японский и хорватский

(Maltzman et al. 1956), хинди и китайский (Weiss 1963), иврит, японский и китайский (Brackbill, Little 1957).

В сочетании с русским языком исследовались английский (Сергеева 2002), китайский (Кравцова 2007), корейский (Кривошеева 2019), японский (Кривошеева 2011; 2014 а,б) и много других языков. Было показано, что ассоциации работают, звукопоэтические образы считываются и фоносемантические свойства идентифицируются применительно к значительной части материала. М.С. Власов и Т. Одончимэг (2014) показали, что когда участники эксперимента, носители монгольского и русского языков, вербализовали звуки естественного происхождения на своих языках, то в их ономотопеях наблюдались как фоносемантические универсалии, так и специфические для каждого языка уникалии.

В то время как в упомянутых выше исследованиях использовались языки, которые существенно отличаются друг от друга, нам известна исследовательская работа на проверку распознавания семантики настоящих звукоподражательных слов в ассоциативном эксперименте среди носителей родственных языков, финского и венгерского (Leskinen 1998). Участники, носители финского языка без знаний венгерского, а также носители венгерского без знаний финского, смогли легко угадать значение звукоподражаний, издаваемых одушевленными объектами, в языке, которым они не владели (фин. *bää-bää* и венг. *be-e-e* – «блеяние барана», фин. *röh-röh* и венг. *röf-röf* – «хрюканье свиньи»). При этом у участников были преимущественно неверные ассоциации со звукоподражаниями, издаваемыми неодушевленными объектами (венг. *tyhú*, фин. *viuh* – «звук хлыста»), или со словами, изображающими звуки человеческого тела (венг. *trr*, фин. *niisk* – «сморкание»).

В данной главе речь пойдет о том, способны ли отдельные звукоподражательные слова вызывать ассоциации с соответствующими акустическими событиями, когда слушатель не знает языка. В частности, будет обсуждаться чувствительность наивных слушателей, носителей финского языка, к подражательной звуковой символике, естественным образом встречающейся в русских звукоподражательных словах (*бац*, *плюх* и *звяк*). Важным является то, что звукоподражательные

слова в финском и русском языках существенно отличаются друг от друга. В исследовании Й. Виймаранта и др. (2016) рассматривались слова, обычно используемые носителями финского и русского языков для обозначения звуков, относящихся к воде. Участники должны были подобрать настоящие звукоподражательные слова из своего родного языка в ответ на видеозаписи, связанные с водой. Было обнаружено, что слова, отображающие каждый конкретный звук, связанный с водой, сильно различаются по фонологической структуре, частоте употребления и оттенкам семантики в языковых парах.

Материал и метод: ассоциативный эксперимент. В качестве стимульного материала использовались 50 ЗГМ русского языка, которые имитируют звуки и могут указывать на действие, их сопровождающее: *ам, апчи, бах, бац, бом, брень, бряк, бултых, буль-буль, бух, вжик, грох, динь-динь, дон, звяк, кап, ляп, ом-ом, пиф-паф, плюх, порх, пых, свись, скрип, тик-так, топ-топ, трах, тресь, ту-ту, тук-тук, ух-ух, фью-фью, хлесть, хлоп, хлобысь, хрусть, хлоп, цвирк, чирк, чих, цок-цок, чебурах, чмок, чух-чух, шарах, шварк, шлеп, шмяк, шу-шу, щелк.* Значение этих слов определялось при помощи толковых словарей Ефремовой (Ефремова 2000) и Шляховой (Шляхова 2004), а также выверялось по Корпусу (<https://ruscorpora.ru>) и примерам из литературы (см. Приложение 2).

В первом эксперименте мы оценивали типы ассоциаций, которые возникают у носителей другого языка, когда они слышат звукоподражательные слова на незнакомом для них языке, в данном случае – русском. Нашей целью было проверить, можно ли сделать адекватные предположения о семантике русских ЗГМ, не зная языка. Для этого мы провели ассоциативный эксперимент. Этот метод позволяет проверить, можно ли догадаться о значении неизвестных слов, когда количество потенциальных ассоциаций безгранично и нет никаких других источников информации, кроме того, как звучит само слово. Основная идея данного метода состоит в том, что ответы, предлагаемые испытуемыми, состоят в ассоциативной связи со смыслом стимульных слов. Результаты тестов такого типа отражают сознательное или подсознательное понимание участниками эксперимента общего смыслового ядра между

стимульными словами и словами, которые они генерируют в ответ.

Участники. В эксперименте приняли участие 23 студента (1 м., 22 ж., средний возраст 25,57 года, стандартное отклонение 6,19). Все они обозначили в анкете, что являются носителями финского языка, ранее не изучали русский язык и не знают его. Участие было добровольным.

Процедура проведения. Была сделана запись всех пятидесяти слов в произвольном порядке, произнесенных носителем русского языка, который также владеет финским языком как иностранным. Каждый участник прослушал одну и ту же запись. Каждое слово подавалось с номером по порядку (от 1 до 50) на финском языке, номер совпадал с номерами в анкете для ответов. После паузы примерно в одну секунду слово повторялось. После каждого повтора слова была пауза примерно 12 секунд, в течение которой участники записывали свои ассоциации.

Эксперимент проводился в виде группового тестирования в начале лекции. Участников проинструктировали, что они услышат русские слова, которые используются для имитации естественных звуков. Их попросили записать свои ассоциации с возможным источником звуков, изображенных каждым словом из звукозаписи. Участникам было предложено написать только одну ассоциацию для каждого слова во время паузы между ними. В инструкции предлагались такие возможные источники звуков, как материальные объекты, стихии (вода, воздух или металл) или события типа падения или удара. В качестве примеров были приведены два типичных финских звукоподражательных слова, обозначающих всплеск (*pläts*) и лопание, например, воздушного шара (*poks*).

Результаты. Анализ типов ответов. Ассоциации оценивались как искомые, адекватные, соответствующие замыслу, если они совпадали с теми значениями слов, которые были указаны в словарях. Ответ считался точным, если какой-либо из ключевых аспектов их семантики упоминался в ассоциации, данной респондентом. В частности, ассоциация считалась искомой, если участником употреблялось слово «вода», «жидкость», «всплеск» и т. д. в связи с такими словами, как, например, *хлоп*, *ляп*, *бултых*. Для таких слов, как *хлоп* или *бряк*,

ассоциация считалась адекватной замыслу, если в ней использовались слова «ударить» или «сломать». Некоторые ответы были более подробными, чем другие. Например, ассоциации с *хрусь* формулировались не только через упоминание чего-то «деревянного» или «сухого», но и вмещали расширенные фразы типа «кусать хлеб», «сгребать листья», «пробираться через заросли». Все эти они считались соответствующими замыслу, так как упомянутые объекты были сухими и могли хрустеть. Что касается конкретных объектов, таких как поезд (*чух-чух, ту-ту*) или часы (*тик-так*), а также звуков человеческого тела, таких как чихание (*апчи, чих*) или прием пищи (*ом-ом, ам*), то они должны были быть названы однозначно. Подсчет пропущенных ответов проводился отдельно. Ассоциации 10 респондентов оценивались независимо двумя экспертами. Коэффициент согласия между ними составил 0,77, что подтвердило высокую степень согласованности мнений. Остальные ассоциации проверялись дополнительно одним исследователем.

В дальнейшем ответы были проанализированы с целью выявления закономерностей в формировании ассоциаций со стимульными словами. Во-первых, все адекватные нашему замыслу ответы были в целом отнесены к типу под названием «совпадающие», так как они по определению совпадали с общепринятой семантикой слов-стимулов. Далее, при проверке отклоняющихся от нашего замысла ответов мы заметили, что для многих слов встречались повторяющиеся ассоциации, которые не совпадали с установленной семантикой этих слов, но имели общий источник звука для каждого из таких слов. Например, участники часто связывали *кап* со стуком копыт или подков, используя такие выражения, как «копыта», «топот лошади», «стук копыт». Слово *звяк* часто ассоциировалось с электричеством, и использовались такие выражения, как «электрический шок» или «электрическая волна». Со словом *трах* возникали ассоциации с волочением, а с *грох* – со звуками, издаваемыми человеческим телом. Таким образом, если ответы такого типа встречались у 3 и более участников и относились либо к одному и тому же источнику звука, либо к одному и тому же семантическому полю, то они считались неслучайными и

помечались как «несовпадающие», поскольку не совпадали с общепринятой семантикой слов-стимулов. Стоит подчеркнуть, что хотя ответы и не совпадали с семантикой этих слов в русском языке, они все же следовали определенным закономерностям. К третьему типу ответов были отнесены все те ответы, которые не демонстрировали общих закономерностей в возникновении ассоциаций, а также все пропущенные ответы. Этому типу ответов была дана характеристика «случайных». Важно подчеркнуть, что пропущенные ответы включали все случаи, когда респонденты ничего не писали, и они также были включены в группу «случайных» ответов.

Иерархическая кластеризация и распределение типов ответов по кластерам. После разделения ассоциаций с каждым словом-стимулом на три группы (совпадающие, несовпадающие и случайные) был проведен кластерный анализ с использованием кластерного пакета (версия 2.1.0; Maechler et al. 2019) для статистического программного обеспечения R (версия 3.6.3; R Core Team 2020). Визуализация была выполнена с помощью пакета factextra (версия 1.0.6; Kassambra, Mundt 2019). Чтобы увидеть, можно ли распределить слова-стимулы по разным кластерам на основе количества данных респондентами типов ответов (совпадающих, несовпадающих и случайных), мы использовали иерархическую кластеризацию. Матрица различий была рассчитана с использованием евклидова метода, а распределение по кластерам было произведено с помощью метода минимальной дисперсии Уорда (D2). Перед анализом данные масштабировались и центрировались. Статистика Хопкинса находилась на уровне 0,818. Это означало, что набор данных был в значительной степени кластеризуемым.

Содержание каждого из образовавшихся кластеров представлено на Рисунке 5. Дендрограмма иллюстрирует, как распределились стимульные слова по 4 кластерами, выделенным в результате анализа.

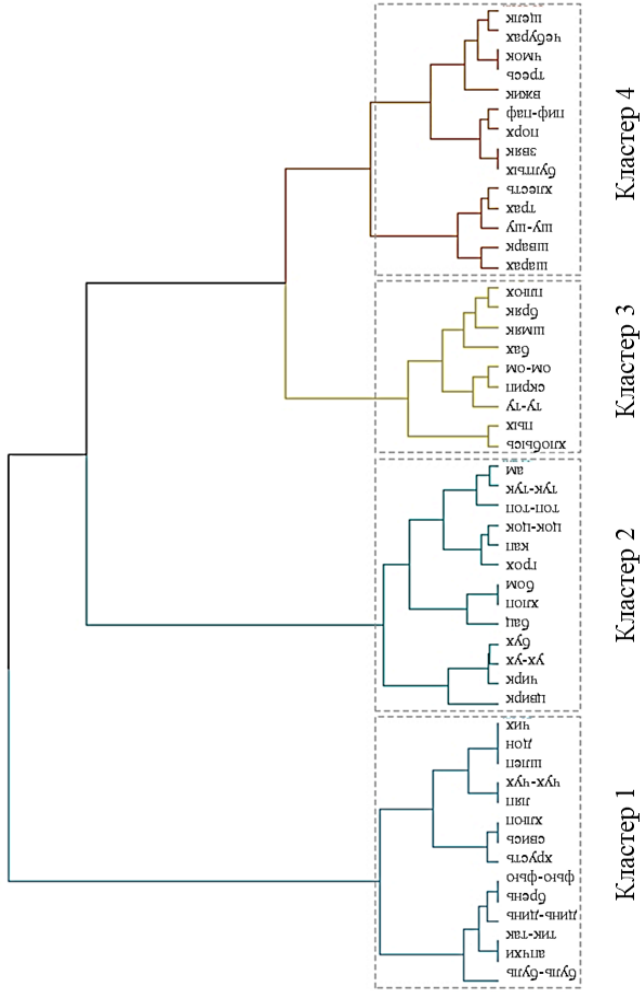

Рисунок 5 Дендрограмма для 4 кластеров

Перед тем как перейти к обсуждению результатов, следует обратить внимание на то, какие типы ответов преобладали в каждом из выделенных кластеров. В Таблице 7 приводится среднее значение и стандартное отклонение для совпадающих, несовпадающих и случайных ответов, предоставленных 23 участниками для слов в каждом из четырех кластеров (стандартное отклонение приводится в скобках; столбцы суммируются до 23, так как участников было 23).

Таблица 7 Содержание кластеров по типам ответов для слов-стимулов из каждого из них.

Типы ответов	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Совпадающие	17,93 (3,00)	2,61 (3,01)	8,78 (1,72)	2,14 (1,29)
Несовпадающие	0,00 (0,00)	14,69 (3,40)	3,78 (2,54)	3,50 (3,20)
Случайные	5,07 (3,00)	5,69 (2,43)	10,44 (2,88)	17,36 (2,82)

Кластер 1 состоял из 14 слов (*буль-буль, апчхи, тик-так, динь-динь, брень, фью-фью, хрусть, свись, хлюп, ляп, чух-чух, шлеп, дон, чих*), которые вызвали много совпадающих ответов, ни одного несовпадающего ответа и мало случайных ответов. Например, в этом кластере часть приведенных на финском языке ассоциаций из общей лексики отсылала к звукоподражаниям финского языка, которые по фонетическому составу напоминают русские ЗГМ. В частности, ассоциации с *хлюп* и *буль-буль* вмещали такие выражения, как фин. *vesi pulppuaa* ‘вода булькает’, *pulppuinen* ‘бульканье’, которые фонетически сходны с финскими звукоподражаниями *plup* или *pulp* ‘бульк’. Русское звукоподражание *хрусть*, по всей видимости, связывалось с фин. *rapina/rutina* ‘шорох’, так как испытуемые часто отвечали *kuiiva(t) lehdet/leipä* ‘сухие листья/хлеб’, а также *raps* или *ruti-ruti*, которые также относятся к треску или хрусту.

Кластер 2 состоял из 13 слов (*цвирк, чирк, ух-ух, бух, бац, хлоп, бом, грох, кап, цок-цок, топ-топ, тук-тук, ам*), которые вызвали сравнительно большое количество несовпадающих ассоциаций. В этом кластере встречались ассоциации, которые указывали на межъязыковое сходство в звучании слов, которые в двух языках

имели разное значение. Например, ассоциации с *kap* не имели ничего общего с капанием, а, скорее всего, были связаны с фин. *kor* ‘стук’, так как респонденты употребляли в качестве ответов такие слова, как *korina*, *korahdus* и *korutus* – все это существительные, обозначающие стук.

Кластер 3 состоял из 9 слов (*хлобысь, пых, ту-ту, скрип, ом-ом, бах, шмяк, бряк, плюх*), которые вызвали значительное количество как совпадающих, так и случайных ответов в сравнении с низким количеством несовпадающих ассоциаций. Много интересных параллелей можно найти в этом кластере. Например, с одной стороны, слово *скрип* ассоциировалось с фин. *kriik*, которое имеет аналогичную семантику, так как были такие ответы, как фин. *joku jarruttaa tiukasti* ‘кто-то резко/сильно тормозит’, *oven saranan narina* ‘скрип дверных петель’ и *liitu liitutaullulla* ‘скрип мелом по доске’. С другой стороны, были такие ответы, как фин. *raapaisu / repeäminen* ‘царапанье’ и *raapia* ‘царапать’, которые намекают на связь с фин. *raps*, отображающим царапанье, семантика которого отличается от значения слова *скрип* в русском языке.

Наконец, кластер 4 состоял из 9 слов (*шарах, шварк, шу-шу, трах, хлесть, бултых, звяк, порх, пиф-паф, вжик, тресь, чмок, чебурах, щелк*), которые вызывали большое количество случайных ответов, в то время как других типов ответов было значительно меньше. В частности, среднее значение для случайных ответов было самым высоким, для совпадающих ответов среднее значение было самым низким, а для несовпадающих ответов – вторым по величине.

Обсуждение результатов. Значение слов из кластера 1 участники могли очень точно определить (среднее знач. для совпадающих ответов = 17,93). Существование этого кластера предполагало чувствительность респондентов, совершенно не знакомых с русским языком, к имитационному звуковому символизму ономастопей. Формирование этого кластера предполагает наличие неких способствующих интерпретации сигналов, которые помогали участникам генерировать ассоциации, которые могут совпадать с уже установленными в русском языке источниками звуков для этих слов. Мы считаем, что стимульные слова из этого кластера посредством своей формы

давали какие-то подсказки участникам эксперимента. Эти подсказки и помогли респондентам без каких-либо предварительных знаний языка сопоставить звучание слов-стимулов с той семантической областью, которую мы представляли себе изначально. Предположительно, участники ассоциировали тестируемые лексемы из русского языка с близкими по семантике звукоподражаниями из финского или других языков, например: рус. *буль-буль* – с фин. *puli-puli, plup, pulp*; *хрусть* – с фин. *raps, ruti-ruti, kräts*; *анчхи* и *чих* – с фин. *ätšii*; *тик-так* – с фин. *tik tak*, англ. *tik-tak*; *динь-динь* – с фин. *pim pim*, англ. *ding-dong*; *бом* и *дон* – с фин. *pot* или англ. *ding-dong*; *брень* – с фин. *rämp*; *свись* и *фью-фью* – с фин. *viuh*; *шлеп* и *хлоп* – с фин. *pläts*; *чух-чух* – с фин. *tsuku tsuku*; *ляп* – с фин. *pläts* или *läiskis*, англ. *slap*.

Со словами из кластера 2 у испытуемых возникали ассоциации с другими объектами, но не такими, которые бы соответствовали нашему замыслу об установленной семантике слов-стимулов (среднее значение для несоответствующих ответов = 14,69). Например, *бац* часто ассоциировалось с водой, *хлоп* и *бом* – с прыжками, *кап* – со стуком копыт, *цок-цок* – с ножницами, *тон-тон* – со стуком, а *тук-тук* – с тракторами, поездами и другими транспортными средствами. Этот кластер указывает на существование факторов, которые мешали наивным слушателям угадывать искомый смысл русских звукоподражаний. Возможно, это происходило потому, что устойчивые финские звукоподражания, сходные по звучанию с русскими словами, давали именно такие подсказки участникам эксперимента. Например, рус. *бац* ассоциировалось с фин. *pläts*, обозначающим всплески воды; *хлоп* и *бом* – с фин. *hop-lop*, обозначающим прыжки; *кап* – с фин. *koroti-kor*, обозначающим стук копыт; *тон-тон* – с фин. *kor kor*, обозначающее стук в дверь, и т. п.

Наличие как совпадающих (среднее знач. = 8,78), так и случайных ответов (среднее знач. = 10,44), а также небольшого количества несоответствующих ответов (среднее знач. 3,78) в кластере 3 говорило о том, что форма слов-стимулов из этого кластера давала смешанные подсказки относительно потенциального значения тестируемых ЗГМ. К примеру, у некоторых участников были совпадающие с нашим замыслом

предположения, а у некоторых были общие ассоциации с другими объектами. Остальные ответы не следовали четкому шаблону, т. е. относились к случайным ответам. Например, *ту-ту* приписывалось как поездам, так и автомобилям; *ом* связывалось как с приемом пищи, так и с медитацией; *бах* – как с ударами, так и с фырканьем. Это говорило о наличии смешанных сигналов, влияющих на возникновение ассоциаций. Примечательно, что фин. *tööt tööt* может относиться как к гудкам паровоза, так и к сигналу автомобиля. Существует также общеизвестное междометие *ом*, которое произносится при медитации. Заметим, что так же ведут себя и дети, лишь начинающие овладевать звукоподражаниями: они экстраполируют значения на множество ситуаций, имеющих пусть даже отдаленное подобие исходной.

Наконец, в кластере 4 было наибольшее количество случайных ответов среди всех кластеров (среднее знач. = 17,36). Для респондентов эти слова представляли серьезные трудности в том, чтоб связать их звуковое выражение с некоторой потенциальной семантической областью. Выделение этого кластера указывает на отсутствие легко определяемых сигналов для достижения этой цели. Поскольку не было четких закономерностей в ассоциациях, данных для этого кластера, мы не можем делать выводы о таком сходстве между языками, так как на основе случайных ответов не представляется возможным определить какой-либо конкретный тип сигналов, зашифрованных в звуковой оболочке слова-стимула.

Результаты ассоциативного эксперимента показали, что без каких-либо знаний языка угадать общую семантику некоторых ЗГМ, произнесенных вне контекста, оказывается возможным. Мы полагаем, что фонетический облик звукоподражательных слов способен в некоторых случаях передавать информацию о значении слова, однако сама форма слова воспринимается сквозь призму представлений о звукоподражаниях родного языка. Именно поэтому совпадающие значения дают положительный результат, а несовпадающие – отрицательный. Если же никаких прямых ассоциаций не возникает, к тому же и звуковой облик не вполне идентифицируется, то результат стремится к нулю. Как в очередной раз подтвердил эксперимент, ассоциативные тесты

имеют ряд ограничений, поскольку мы не тестируем заранее языковые способности участников. Если бы мы собрали информацию обо всех знакомых им языках, о качестве распознавания ими звуков естественных языков, об их музыкальных способностях, возможно, мы могли бы более тонко интерпретировать полученные данные.

Метод: парадигма «визуального мира». В следующем эксперименте, который будет описан ниже, мы использовали парадигму «визуального мира» (Trueswell, Tanenhaus 2004; Федорова 2008), чтобы оценить, насколько естественно проходит процесс угадывания семантики неизвестных слов звукоподражательного характера на основе слуховых и визуальных ощущений. Ситуации общения, в которых произносятся слова, сложно представить без экстралингвистического контекста. Картинка, иллюстрирующая семантику слов-стимулов, визуально отражает контекст. Исследования движений глаз поставляют экспериментальные данные в реальном времени, что более сопоставимо с естественными условиями воспроизведения слов при обмене информацией. Эта методология обычно используется для точного изучения когнитивных процессов, связанных с восприятием речи. Эксперименты с «визуальным миром» позволяют оценить, как слушатели воспринимают и понимают выражения. Сцены, представленные на дисплее, обычно содержат объекты, упомянутые либо в задании (Allopenna et al. 1998), либо в описывающих события предложениях (Altmann, Kamide 2007).

В типичном дизайне парадигмы «визуального мира» участникам показывают изображения 2 по 2. У испытуемых есть небольшой промежуток времени, чтобы рассмотреть картинки, после чего звучит слово или высказывание. Пока участники смотрят на визуальные стимулы, движения их глаз записываются для дальнейшего анализа механизмов обработки информации, участвующих в восприятии этих объектов. Доступность внеязыкового референта на экране вызывает активацию понятийной и лексической идентификации объектов, что, в свою очередь, видно из паттернов движения глаз. Например, в классическом исследовании участникам было показано целевое изображение вместе с двумя фонологическими конкурентами и

отвлекающим изображением – дистрактором (Allopenna et al. 1998). Результаты показали, что после того, как слово-стимул прозвучало в предложении, участники также смотрели на два фонологических конкурента. Этот эксперимент продемонстрировал, что фиксация взгляда на изображениях запускается лексической активацией, но при этом фонологическая активация также участвует в направлении движений глаз, когда звучит слово-стимул.

В более поздних исследованиях было обнаружено, что не только фонологическая, но и другая информация вызывает зрительную фиксацию на определенных изображениях. Например, в исследовании с использованием парадигмы «визуального мира» при появлении семантически связанных объектов на одном дисплее с целевым объектом *trumpet* ‘труба’ наблюдалась повышенная вероятность фиксации на семантически связанном объекте *piano* ‘фортепиано’ в сравнении с дистрактором *hammer* ‘молоток’, который никак не был связан с целевым объектом (Huettig, Altmann 2005). Кроме того, в другом исследовании (Huettig, Altmann 2007) было продемонстрировано, что участники с большей вероятностью смотрели на визуально похожий объект «кабель», когда слышали целевое слово «змея», даже если дисплей включал целевой объект, а участники имели пятисекундный отрезок времени для визуального ознакомления с дисплеем еще до того, как слово звучало. Результаты подобных экспериментов показывают, что, когда участники слышат звуковой стимул, различные типы информации активируют ее когнитивную обработку, направляя фиксации на определенные объекты, которые демонстрируются на дисплее.

Материал. Звуковые стимулы, т. е. аудиозаписи каждого из 50 слов-стимулов, были такими же, как и в ассоциативном эксперименте, описанном ранее. В текущем исследовании нас интересовало, смогут ли участники распознать источник звука, отображаемого звукоподражательными словами. Поскольку использование фонологических конкурентов мешало бы распознаванию правильного изображения, мы использовали семантически и визуально похожие объекты в качестве конкурентов к целевому изображению. Семантические

конкуренты были подобраны, исходя из реальной ситуативной связи между объектами.

Картинки были подобраны из банка изображений Papunet.net (<https://kuvatyokalu.papunet.net>). Было отобрано 50 картинок, с которыми можно связать стимульные ЗГМ (целевые изображения); 50 картинок, изображающих предметы, связанные семантически с целевыми изображениями (семантические конкуренты); 50 картинок, изображающих предметы, визуально напоминающие целевые изображения (визуальные конкуренты); 50 картинок с изображением объектов, не имеющих ничего общего с целевыми изображениями (дистракторы). В результате получилось 50 наборов изображений 2 по 2. Ни один из конкурентов или дистракторов не отображал объекты, которые могли бы издавать звуки, похожие на те, которые издают предметы на целевом изображении. Ни одна из картинок не использовалась дважды. Каждая четверка изображений включала в себя картинку с общей цветовой гаммой: все четыре картинки были черно-белыми или цветными. Изображения были отредактированы, чтобы снизить насыщенность и унифицировать цветовую гамму. Были внесены небольшие изменения, чтобы убедиться, что изображения не содержат текста или цифр, а визуальные конкуренты и целевые изображения были максимально похожи друг на друга. Все стимульные четверки изображений представлены в Приложении 3 (конечный вариант отбора).

Рассмотрим пример стимульного экрана. Семантику слова *хлоп* словарь Ефремовой (Ефремова 2000) описывает как «звук, возникающий при хлопании», *хлопание* в свою очередь связывается с *хлопать*, т. е. «издавать звуки всплеска (о воде, жиже, грязи и т. п.)». В качестве целевого изображения мы выбрали мальчика, который хлопает водой на девочку. Семантический конкурент к целевому изображению должен был иметь с ним реальную семантическую связь, т. е. функционально приписываться целевому изображению или появляться в тех же жизненных ситуациях или контекстах. В результате мы выбрали пляж, а именно песчаную дюну и пляжный зонтик, так как они обычно ассоциируются с плесканием в воде. При этом на картинке не было ни волн, ни воды, чтобы исключить ассоциации со

всплесками. В качестве визуального конкурента мы выбрали мальчика и девочку на занятии балетом с тем же цветом волос, что и дети на целевом изображении. Предполагалось, что контрольное изображение, дистрактор, никак не будет связано ни с одним из трех других изображений с точки зрения семантического, визуального или фонологического сходства, а также оно должно было быть достаточно статичным. Мы выбрали джинсы (Рисунок 6).

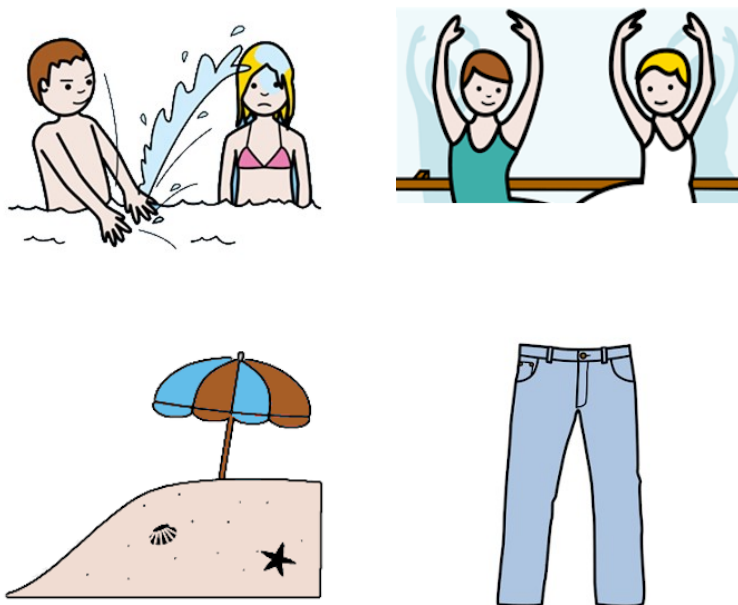

Рисунок 6 Пример стимулирующего экрана

Примечание. Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *хлюп*, отображающего всплески воды; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao/ARASAAC (А, Б и Г), Sclera (В); А, Б и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA.

Чтобы убедиться, что изображения семантически связаны с целевыми изображениями, а визуальные и контрольные изображения – нет, 30 участников (19 ж., 11м., средний возраст 43,60 года, стандартное отклонение 14,36) оценили воспринимаемое сходство пар изображений на веб-сайте Webgorol. В опрос было включено 150 пар картинок (каждое целевое изображение представлялось в паре с семантически сходной, визуально похожей и контрольной картинкой соответственно). Задание состояло в том, чтобы оценить смысловую связь между парами картинок по 7-балльной шкале Лайкерта (Ликерта), где цифра 1 означала полное отсутствие связи, а 7 указывала на сильную семантическую связь. Внутрикласовая корреляция между оценщиками составила ICC (interclass correlation coefficient) = 0,568. Все контрольные изображения имели средний рейтинг ниже 4, что указывало на то, что они были подобраны успешно.

Некоторые изображения не соответствовали требованиям к уровню зафиксированной семантической связи: 5 картинок из числа семантических конкурентов имели среднюю оценку ниже 4 (ниже средней семантической связи), а 7 визуально похожих картинок имели среднюю оценку выше 4 (выше средней семантической связи). Был проведен поиск новых изображений для замены этих 12 картинок, которые имели либо слишком низкий, либо слишком высокий рейтинг для семантического и визуального сходства соответственно. Сформированные новые пары изображений были оценены 50 участниками (12 ж., средний возраст 39,40 лет, стандартное отклонение 8,46), которые не принимали участия в предыдущем оценивании (ICC = 0,462). В итоге после замены все семантические изображения-конкуренты имели средний балл выше 4, а визуальные конкуренты – ниже 4. Средние семантические рейтинги составили 5,77 (CO = 0,70), 2,38 (CO = 0,66) и 1,90 (CO = 0,52) для семантически связанного, визуально похожего и контрольного изображения соответственно.

В итоге стимульный материал для проведения эксперимента парадигмы «визуального мира» состоял из четверок изображений, расположенных в сетке 2 на 2 по центру экрана (всего 50 наборов картинок). Размеры изображений были

отредактированы до разрешения 400*400 и 10,6 градусов угла обзора. Порядок изображений был predetermined с использованием дизайна латинского квадрата, чтобы уравновесить различные комбинации порядка из размещения.

Участники. В исследовании приняли участие 27 совершеннолетних носителей финского языка (26 ж., 1 м., средний возраст 23,83 года, стандартное отклонение 4,83). Они были студентами и получили учебные баллы за участие. У всех участников финский язык был L1, и никто из них ранее не изучал русский. Все участники имели нормальное или скорректированное до нормального зрение и не имели нарушений слуха. Участие было добровольным.

Оборудование. Движения глаз записывались с помощью EyeLink 1000 (SR Research, Канада) с частотой 1000 Гц. Просмотр был бинокулярным, но регистрировались только движения правого глаза. Картинка и звук выводились на 24-дюймовый монитор BenQ XL2411 с разрешением 1920*1080 пикселей и частотой обновления 144 Гц.

Процедура проведения эксперимента. В эксперименте участникам сообщалось, что они услышат слова русского языка, которые используются для имитации естественных звуков. Также говорилось, что они увидят четыре изображения на каждом экране, и их задача состоит в том, чтобы внимательно прослушать слово, а затем посмотреть на картинку, которая, по их мнению, изображает произнесенное слово. Участники сидели примерно в 60 см от экрана. Для стабилизации головы использовалась подставка для подбородка и лба.

Калибровка по девяти точкам считалась успешной, если средняя ошибка не превышала 0,50 градуса. Однако для одного участника калибровка привела к средней ошибке 0,85 градуса, но поскольку проверка визуальных данных показала удовлетворительную точность дифференциации фиксаций взгляда на разных картинках, мы включили эти данные в анализ. Перед каждым испытанием от участника требовалось зафиксировать взгляд на точке в центре экрана, после чего появлялись четверки изображений. Каждое слово-стимул начинало звучать через 2000 мс от появления соответствующих наборов из четырех стимульных картинок. После звучания слова-

стимула четверка изображений оставалась на экране еще 3500 мс. После этого данное испытание заканчивалось и начиналось следующее и т. д. Всего было 1350 испытаний (50 стимульных слов и четверок изображений к ним * 27 участников).

Результаты. Согласно основному замыслу эксперимента такого типа, во время каждого испытания при слуховом восприятии слова-стимула обрывки информации, зашифрованные в звуковой оболочке этого слова, активировали движение глаз в направлении зон интереса (картинок, входящих в четверки изображений к каждому слову). Кроме фонетических сигналов, воспринимаемых на слух, другие виды информации также имели значительное влияние на паттерны движений глаз, такие как визуальное сходство между объектами в четверке изображений, их семантическая близость или наличие дистрактора. Эта информация должна была конкурировать с информацией на целевом изображении, мешая испытуемым опознать денотат на основе сходства «форма=значение» для каждого слова-стимула. Таким образом, после того как стимульное слово переставало звучать, испытуемые направляли свой взгляд на зоны интереса (картинки) в четверках изображений в разной последовательности при активации когнитивных процессов под влиянием всякого рода информации (фонетической, визуальной, семантической и т. д.), например, могли посмотреть на одно изображение, потом на другое, вернуться к первому, перейти к зрительной инспекции следующего и т. д. Для того чтобы определить четкие схемы движений глаз для каждого стимульного слова внутри каждого из четырех кластеров, необходим статистический анализ данных и построение статистических моделей.

Статистическая подготовка данных. Предварительная обработка данных была выполнена с использованием пакета программного обеспечения для статической программы R VWPRe (версия 1.2.3, Porretta et al. 2016). Часть данных, которая составила 2,21%, отмечалась как «за кадром» или «потеря отслеживания». Во всех 1350 испытаниях было сохранено более 75% данных, которые были включены в анализ. Мы рассчитали пропорции взглядов, которые были направлены внутрь каждой из четырех зон интереса (картинку из четверок изображений) и за пределы

каждой из них, используя интервалы 40 мс. Пропорции были преобразованы в эмпирические логиты (показатели распределения данных). Данные были смоделированы, начиная с 200 мс от начала звучания слова, чтобы учесть время для программирования саккады (стремительного движения глаз в одном направлении; Fischer 1992). Временные ряды (т. е. статистический материал, собранный в определенный промежуток времени, свидетельствующий о значении параметра) были проанализированы с помощью программы R, версия 4.0.3 (R Core Team 2020), с использованием обобщенного аддитивного смешанного моделирования (метода, позволяющего выявить причину появления определенных значений параметра; mgcv, версии 1.31–31; Wood 2011). Визуализации были выполнены с помощью пакета itsadug (версия 2.3, van Rij et al. 2017).

Статистический анализ данных. Мы смоделировали эмпирические логиты фиксации (остановок взгляда) на целевой картинке в зависимости от времени по четырем кластерам, чтобы проверить различия между этими кластерами. Для параметрических коэффициентов (показателей корреляции по каждому кластеру) кластер 1 выступал в качестве базиса. Напомним, что на основе результата ассоциативного эксперимента этот кластер показал наибольшее количество ассоциаций, совпадающих с искомым значением стимульных слов. Так как этот кластер был определен как базис, с ним модель сравнивала параметры остальных трех кластеров. Кроме того, простые случайные пересечения события (т. е. комбинация участника и слова-стимула) были включены в модель, что позволило получить уникальные пересечения для каждого временного ряда. Сглаживание факторов было включено для участников и слов-стимулов с течением времени. Для взвешивания модели использовалась обратная оценка эмпирической логит-дисперсии. Чтобы компенсировать автокорреляцию (т. е. зависимость между собой величин одного ряда), мы сначала построили одну модель, потом извлекли ρ из этой модели (0,285) и выбрали новую модель, включающую ρ . Итоговая модель представлена в Таблице 8.

Таблица 8 Обобщенная аддитивная смешанная модель эмпирических логитов просмотра целевой картинки в зависимости от времени по кластерам

Примечание. ЭСС (Edf) = эффективные степени свободы (effective degrees of freedom), Ref. df = эталонные степени свободы. В верхней части таблицы представлены параметрические коэффициенты, а в нижней части — объекты сглаживания и случайные эффекты. Для параметрических коэффициентов кластер 1 является базисом.

Параметрические коэффициенты (Parametric Coefficients)	Размер эффекта (Estimate)	Станд. ошибка (Standard Error — SE)	t-стат.	p-значение (уровень значимости)
Пересечения (Intercepts)	1,5447	0,2291	6,743	< 0,0001
Кластер 2	-1,0412	0,3021	-3,447	0,0006
Кластер 3	-0,3300	0,3357	-0,983	0,3256
Кластер 4	-1,4895	0,2935	-5,075	< 0,0001
Условия объектов сглаживания (Smooth terms)	ЭСС (Edf)	Ref. df	F-значение	p-значение
Объект сглаживания: время, кластер 1	5,163	5,623	16,316	< 0,0001
Объект сглаживания: время, кластер 2	5,479	5,957	6,619	< 0,0001
Объект сглаживания: время, кластер 3	6,106	6,605	10,688	< 0,0001
Объект сглаживания: время, кластер 4	3,575	3,883	5,629	0,0002
Случайные эффекты: время, участник	189,108	242,000	307,207	<0,0001
Случайные эффекты: время, слово-стимул	357,338	446,000	386,737	< 0,0001
Случайные эффекты: событие	1263,749	1346,000	37,891	< 0,0001

Параметрические коэффициенты из Таблицы 8 показывают, что кластер 2, в котором по результатам ассоциативного теста было наибольшее количество несовпадающих ответов, и кластер 4, в котором было наибольшее количество случайных ответов, значительно отличаются от кластера 1, в котором преобладали совпадающие ответы. А именно, с прохождением времени от начала каждого испытания для слов из кластера 1 пропорции фиксации взглядов на целевом изображении были существенно выше, чем для слов из кластера 2 ($p=0,0006$) и кластера 4 ($p<0,0001$). При этом разница между кластером 1 и кластером 3, в

котором было близкое количество совпадающих и случайных ответов, не была статистически значимой ($p=0,3256$), так как принято считать, что показатель статистической значимости находится на уровне $p<0,05$. Мы приходим к выводу, что динамика распознавания целевых изображений для слов-стимулов из разных кластеров протекала по-разному.

Далее рассмотрим, как именно происходило распознавание целевых денотатов, представленных на целевых изображениях для слов-стимулов, в реальном времени. Условия объектов сглаживания по времени выявили статистически значимые различия между кривыми роста пропорций фиксации взгляда на целевых изображениях для стимульных слов из четырех разных кластеров. Пропорции взглядов на целевое изображение для каждого кластера представлены как функция времени на Рисунке 7.

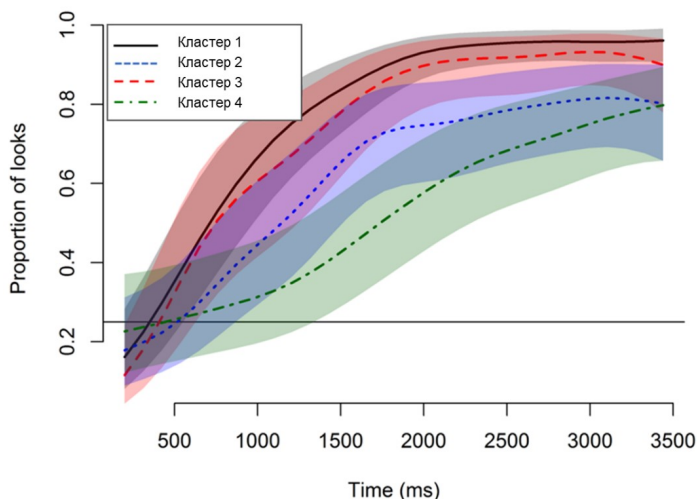

Рисунок 7 Пропорции фиксации к цели для четырех кластеров в зависимости от времени. Горизонтальная линия обозначает уровень случайного совпадения

Примечание. Горизонтальная линия на уровне 0,25 — уровень случайного совпадения. Цветные линии — среднее значение для каждого кластера. Оттененные цветом области — доверительный интервал на уровне 0,95.

Во-первых, из Рисунка 7 видно, что вероятность фиксации на целевом изображении превышает уровень случайного совпадения (25%, исходя из количества картинок в стимульных четверках изображений) для каждого кластера. На Рисунке 7 уровень случайного совпадения представлен горизонтальной линией, а оценочные кривые пропорций взглядов на целевом изображении поднимаются выше этого уровня во всех кластерах, начиная с 1300 мс от начала испытаний. Кривые иллюстрируют динамику когнитивной обработки информации, предоставляемой тем, как слово-стимул звучит, а также процесс распознавания целевых денотатов. Например, в кластере 1 (среднее значение показано сплошной черной линией, а 95-процентный доверительный интервал обозначен серым цветом) пропорции взглядов на целевом изображении возрастали с прохождением времени испытания, пока не достигли максимума. Это означает, что участники после того, как звучало слово, посещали разные зоны интереса, т.е. осматривали разные картинки из четверок изображений, но достаточно быстро идентифицировали целевой денотат и больше не фиксировали взгляд ни на каких других объектах. Средняя пропорция фиксации взглядов на целевом изображении в этом кластере достигла 0,8 уже в раннем временном окне (≈ 1300 мс) и продолжала возрастать. Динамика распознавания семантики слов-стимулов была другой для кластера 2 (среднее значение показано пунктирной синей линией, а 95-процентный доверительный интервал обозначен голубым цветом). В нем средние пропорции взглядов на целевое изображение достигли уровня 0,7 приблизительно в середине испытания (≈ 1600 мс) и значительным образом больше не возрастали. Кривая пропорций фиксации на целевом изображении для кластера 4 возрастала по отдельному сценарию (среднее значение показано штрихпунктирной зеленой линией, а 95-процентный доверительный интервал обозначен салатным цветом). Пропорции взглядов, направленных на целевой денотат, равномерно увеличивались с течением времени, и только под конец испытания достигли среднего уровня около 0,7 (≈ 3500 мс). Это означает, что другие зоны интереса также продолжали осматриваться, хоть и в существенно меньшей мере. Наиболее интересные результаты можно было наблюдать в отношении

распознавания семантики слов-стимулов из кластера 3 (среднее значение показано пунктирной красной линией, а 95-процентный доверительный интервал обозначен розовым цветом). Динамика направленности взглядов на целевой денотат следовала той же схеме, что и в кластере 1. Другими словами, испытуемые достаточно быстро опознавали целевое изображение и очень мало отвлекались взглядом на другие (средняя пропорция 0,8 была достигнута через ≈ 1500 мс от начала испытания).

Рассмотрим более детально, чем именно кластеры отличались друг от друга. Оценочные кривые различий между кластерами представлены на Рисунке 8. На временной шкале статистически значимые области, где кластеры отличаются друг от друга, выделены красным цветом.

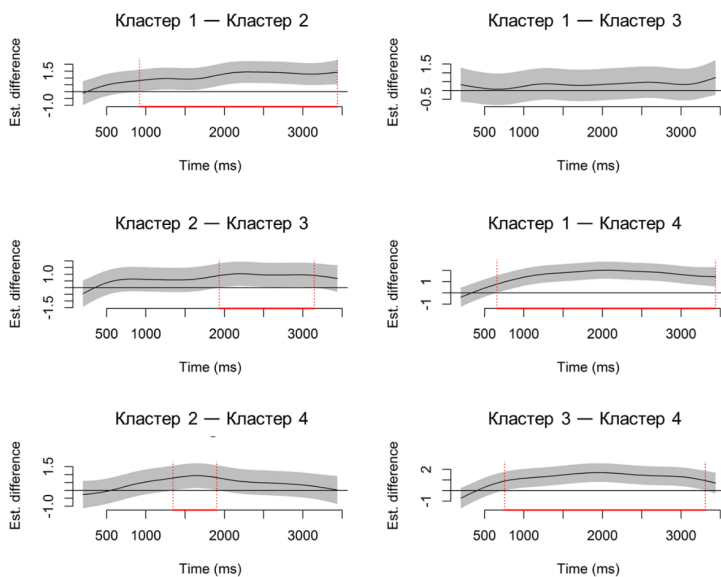

Рисунок 8 Попарное сравнение различий между четырьмя кластерами в зависимости от фиксации на целевом изображении и от времени

Из Рисунка 8 видно, что кластеры 1 и 2 отличались друг от друга, начиная с 920 мс от начала звучания слова-стимула и до конца испытания, а кластеры 1 и 4 – начиная с 658 мс и до конца

испытания. Примечательно то, что кластеры 1 и 3 статистически не отличались друг от друга ни в один промежуток времени. Об этом же мы говорили ранее. Кластер 2 отличался от кластера 3 в промежутке 1935–3145 мс, а от кластера 4 в промежутке 1345–1902 мс. Наконец, кластер 3 отличался от кластера 4 во временном промежутке 756–3309 мс.

Обсуждение результатов. В данном эксперименте мы использовали парадигму «визуального мира» и определили, что испытуемые останавливались взглядом на целевом изображении и таким образом распознавали его выше уровня случайного совпадения даже без предварительного знания языка для слов из всех четырех кластеров, обнаруженных в ходе ассоциативного эксперимента. При этом кластеры разнились между собой, а в кластере 1, который показал наибольшее количество совпадающих ответов в ассоциативном эксперименте, наблюдалась самая высокая пропорция фиксации взглядов на целевом изображении. В то время как кластер 1 показал довольно ожидаемое поведение в отношении пропорции взглядов, самые интригующие наблюдения касались кластера 3, в котором присутствовало много как совпадающих, так и случайных ассоциаций со словами-стимулами (см. Таблицу 7). Что касается эксперимента по отслеживанию взгляда, внеязыковая информация о семантике слов-стимулов, т. е. целевые изображения, иллюстрирующие интересующие нас акустические события, позволила участникам успешно идентифицировать целевое изображение даже при наличии трех отвлекающих изображений. Другими словами, эта информация предоставила подсказки, сыгравшие важную роль в раскрытии семантики слов-стимулов, приблизив результаты для кластера 3 к результатам кластера 1, слова из которого ассоциировались с их искомыми значениями. Это, по-видимому, основная причина, по которой два рассматриваемых кластера не имели статистически значимых различий между собой в любой промежуток времени в эксперименте по отслеживанию взгляда.

Все четыре кластера имели статистически значимую вероятность того, что испытуемые зафиксируют взгляд на целевом изображении. При этом кластер 2 с наибольшим количеством несовпадающих ассоциаций и кластер 4 с большим

количеством случайных ассоциаций отличались от кластеров 1 и 3, описанных выше. В частности, пропорция взглядов на цель была заметно ниже в кластере 2 по сравнению с кластером 1, а в кластере 4 пропорция взглядов была наиболее низкой в сравнении с остальными кластерами, но все же выше уровня случайного совпадения. Другими словами, при наличии экстралингвистических подсказок о семантике слов слушатели смогли успешно связать то, как звучат незнакомые им слова из чужого языка, и их значением.

Следует обратить внимание, что не абсолютно все слова были распознаны в эксперименте по отслеживанию взгляда, а 45 из 50. Проверка показала, что в отношении трех слов из кластера 2 (*грох*, *хлоп* и *ух-ух*) и двух слов из кластера 4 (*чебурах* и *звяк*) вероятность фиксации на целевом изображении невозможно было отличить от изображений-конкурентов или дистрактора в любой момент проведения испытания. Вполне возможно, что это связано с визуальными стимулами, предъявленными участникам.

Выводы. В данной главе мы описали исследование того, могут ли носители другого языка без каких-либо предварительных знаний русского распознать семантику ЗГМ этого языка. Для проверки соответствия формы и значения использовались два типа методов. Ассоциативный эксперимент показал, что у испытуемых возникают точные ассоциации с источниками звуков, изображаемых воспринимаемыми на слух словами-стимулами. Дальнейший анализ показал, что у участников, носителей финского языка, ранее не изучавших русский язык, возникали три типа ассоциаций с русскими звукоподражательными словами. К первой группе относились ассоциации, совпадающие с общепринятой семантикой этих слов. Ко второй группе были отнесены такие ассоциации, которые не совпадали с общепринятой семантикой, закрепленной в словарях, но были похожими между собой и следовали определенным закономерностям. Например, со словом *звяк* у многих испытуемых возникали общие ассоциации с электрическим разрядом. К третьей группе мы отнесли случайные, неповторяющиеся ассоциации, а также пропущенные ответы. Далее было решено применить методику, которая позволяет исследовать когнитивные процессы с высокой точностью в

режиме реального времени. Именно поэтому во втором эксперименте была использована парадигма «визуального мира» (т. е. тот метод, когда реакция испытуемого на аудиальные стимулы контролируется через движения его глаз, см., например, Sekerina et al. 2016), что было частью психолингвистического эксперимента по отслеживанию взгляда. Этот подход позволил подробно рассмотреть, как происходит сопоставление вербальных стимулов с соответствующей семантической областью. Результаты исследования показывают, что неизвестные звукоподражательные слова могут вызывать адекватные замыслу экспериментатора семантические ассоциации у носителей другого языка, когда количество вариантов ответов для источника рассматриваемого звука практически не ограничено. Когда доступна другая информация о возможной семантике незнакомого слова (например, целевое изображение), показатели успешного распознавания семантики слов существенно увеличивались. Испытуемые определяли целевое изображение выше уровня случайного совпадения для 45 слов из 50.

Мы считаем, что движущей силой этого процесса выступает межъязыковой звуковой символизм. Несмотря на то что среди звукоподражательных слов русского языка, на первый взгляд, очень мало слов, которые явно напоминают их финские аналоги (рус. *апчихи, чух-чух, фью-фью* и *тик-так*; фин. *atsii, tsuku-tsuku, viuh-viuh* и *tik-tak* соответственно), внимательное изучение стимульных слов и ассоциаций, генерируемых участниками, все же помогает выявить случаи более тонких межъязыковых соответствий между формой и значением звукоподражаний в этих языках. Например, рус. *буль-буль* и фин. *puli-puli, plup, pulp; хрусть – raps, ruti-ruti, kräts; динь-динь, бом, дон – pim pim, pim rom, rom; ляп – pläts; скрип – krük; ту-ту – tööt tööt*. Межъязыковое сходство для потенциально похожих ассоциаций, вероятно, является фактором более высокой производительности, а если прибавить фонетическую аппроксимацию и неразличение фонологически не значимых звуков, то объясняются и многие другие результаты.

Несмотря на то что наши результаты показывают, что между восприятием ономатопей в русском и финском языках есть сходство, а опыт звуковосприятия позволяет строить гипотезы о

значении неизвестных звукоподражательных слов, точно определить механизм отождествления звукоподражания на данный момент достаточно сложно. Понятно, что если на стимульной картинке нет изображения, порождающего звук, то оно отбрасывается, а между оставшимися выбирается то, которое либо ближе по аудитивному сходству со знакомыми стимулами языка, либо ориентируется на обычный звуковой символизм, например на плавный звук Л, передающий скольжение, льющуюся воду, взрывные звуки П и Т, связанные со столкновением и быстрым движением, фрикативные звуки Ж и Ш, связанные с жужжанием и шипением (см. многочисленные эксперименты по фоносемантике).

Как длительный языковой контакт между русским и финским языками мог привести некоторое межъязыковое сходство в звукоподражаниях в этих двух языках, так и фонемы, имеющиеся в любом конкретном языке, могут использоваться для построения звукоподражательных слов, которые весьма успешно отображают естественные звуки. Противоречие наступает, например, тогда, когда утка по-фински говорит *kvaak-kvaak* (а не *кря-кря*), в то время как по-русски так говорит лягушка.

Несмотря на убедительные доказательства того, что звукоподражания в разных языках имеют существенные различия, универсальные элементы в них также, вероятно, присутствуют. В более широком плане символика звука, считающаяся носителями финского языка при восприятии слов русского языка на слух, может быть частью универсальной звуковой символики, проявляющейся в сходстве между формой и значением подобных слов во многих языках. Звуковому символизму под силу предложить жизнеспособное объяснение факторам, управляющим процессом семантического распознавания незнакомых звукоподражательных слов носителями других языков. Наши результаты в целом подтверждают предположение о том, что звукоподражания содержат фонемы в таких сочетаниях, что звуки, производимые референтами, могут быть успешно распознаны даже без знания конкретного языка, особенно на основе визуальной поддержки звуковых стимулов.

4.6 ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗГМ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассмотрим, как именно используются ЗГМ в таком типе текста, как современная детская литература, написанная женщинами. Исследуя употребление этих языковых единиц в тексте, мы можем теперь более внимательно оценить применимую по отношению к ним пунктуацию. Как единицы письменной речи, они могут иметь свои особенности употребления. В силу того, что детская речь зачастую считается более примитивной, чем взрослая, то в ней чаще ищут звукоподражания. К звукоподражаниям обращаются и в том случае, когда анализируют особенности детской литературы (Маринченко, Васильева 2020; Соколова 2015; Wang 2022). В большинстве доступных нам исследовательских работ, посвященных звукоподражательным словам в детской литературе, классифицируются типы контекстов с их использованием. Во многих работах изучались способы передачи идеофонов в оригинальном тексте и его переводах (Балясный 2019; Бредихин, Борисова 2020; Ермакова, Прокофьева 2020; Graham 2010; Lathey 2016: 103–122; Pischedda 2022). Этот подход, вероятно, способен подчеркнуть, какую важную роль играет контекст, но одновременно и то, как по-разному проявляется у представителей разных культур стремление наиболее точно передать звукоподражание на другом языке.

Мы осознаем, что школьными учителями не рекомендуется использование звукоизобразительных средств, так как их появление в речи расценивается как неграмотная замена «нормальным» способам выражения. С позиции школьной методики считается, что происходящее следует изображать именно путем использования подлежащего, сказуемого и зависимых от них слов. Даже междометия не всегда достаточно хороши, во всяком случае, они, по мнению педагогов, «засоряют» речь, если употребляются слишком часто. В методике звукоподражания рекомендуется употреблять при общении с малышами, а развитому словарному запасу должны соответствовать развитые морфология и синтаксис. Тем не менее в обыденной речи искомые единицы достаточно часты.

Мы осознаем, что ГЗМ являются открытым классом, поэтому особенно интересно рассмотреть, как будут вести себя в письменном и устном дискурсе потенциальные новообразованные единицы, проанализировать их характерные черты и сочетаемость с другими словами, а также раскрыть механизм пополнения русского языка подобными единицами. Нам предстоит показать, каким образом складываются обстоятельства, способствующие появлению ЗГМ в детской литературе. Особенно интересным является то, что ввиду различий между устной и письменной речью ЗГМ имеют определенные особенности не только в фонетике, но и в пунктуации.

Материал и метод. Для того чтобы собрать материал исследования, мы обратились к книгам современных авторов-женщин, пишущих по-русски для детей. Это книги Юлии Симбирской, Анастасии Орловой, Маши Рупасовой и Анны Анисимовой, созданные в последнее десятилетие, как в стихах, так и в прозе (см. Канерва, Протасова 2022). Мы выбрали все ЗГМ, которые нам встретились, с некоторым запасом, чтобы сравнить их с другими междометиями, которые используются теми же авторами. Выбор пал на этих писательниц потому, что субъективно они кажутся нам одними из лучших авторов и могут сказать свое неповторимое слово в детской литературе. Они знают, как привлечь внимание малыша к читаемому тексту. Мы рассмотрим, в каких контекстах используются ЗГМ в современных книгах детских авторов, какие функции эти языковые единицы выполняют, каково соотношение конвенциональных и авторских вариантов, а также какими пунктуационными знаками выделяются исследуемые слова. Перейдем к анализу примеров из произведений каждого автора по очереди.

Обсуждение результатов. В книгах **Юлии Симбирской** встречаются общепринятые междометные высказывания, которые имеют отношение к звукам, производимым как человеком, так и животными: *А-а-ау-у-у-у! О! О-го-го. Ой! Ой-й-й-ой-й-й! Ой-ой-ой! О-хо-хо. Эй. Э-ге-гей! А-а-апчи! А-а-а. Ы-ы-ы-ы! Брысь! Кыш! Хм. Ага. Угу. Мда. Тьфу. Тьфу-тьфу-тьфу. Фу. Уф... Тсс! Ку-ку. Хрю. Шшшшш! Жжжжжжжжжжжж. Кря-я-я! Кря-кря. Ням-ням. Ух ты! Та-дам! Йо-хо-хо! Хо-хо-хо! Ха-ха-ха. Хе-*

хе. Э-ге-гей! Бр-р! Гон-гон-гон. С ними связаны традиционные способы оформления — часты точки, многоточия, восклицательные знаки, присутствуют удвоения, утроения, а также растяжения при помощи повторов или дефисного соединения. Симбирская применяет разнообразные варианты отражения смеха, отвращения, раздумий и много другого, свободно используя различные вариации. Это важно потому, что так определяется, как взрослый читает книгу ребенку. Хотя, следует заметить, чтение вслух у большинства родителей далеко от идеала, так как многие ставят неверные ударения (даже если они и обозначены, как в некоторых книгах Симбирской), не интонируют, не выделяют просодией значимые части предложения, не имитируют разные голоса, не дополняют речь взаимодействием с ребенком или не сопровождают ее жестами, как следовало бы делать. Тем не менее дети узнают, что именно данное междометие означает, так как это становится доступным из контекста, в котором значение проявляется.

В остальных случаях роль звукоподражаний менее однозначна. *Над пирогом вьётся парок — ммм!* Здесь *ммм!*, вероятно, означает, что чем-то вкусно пахнет, можно даже представить себе, как присутствующие вдыхают запах носом и закрывают глаза, предвкушая, что скоро будут есть пирог. Несколько случаев употребления *Оп!*: *В чашке оставался ровно один глоток горячего шоколада. Оп — и пусто.* Звукоподражание указывает на то, что остаток был выпит быстро, залпом, одним глотком, с опрокидыванием чашки. В следующем примере отражается стремительное движение, шелест страниц, удар твердыми сторонами обложки о поверхность: *...папа открыл сборник сказок прямо посередине. Оп!* То же ЗГМ *Оп!* вполне может относиться к неуловимому по времени превращению, волшебство занимает меньше мгновения, а результат его можно увидеть и почувствовать: [Все ждали чуда:] *Оп! И третий медведь в натуральную величину предстал перед собравшимися. Опля* обычно означает начало некоторого события, переход в иное состояние: — *У нас будет маскарад! Опля!* — *морская свинка поправила разноцветную маску обезьяны.*

— *У-у-у-ух!* — взлетела Букашка и рассмеялась от щекотки в животе. Подъем произошел так внезапно, что дух захватило. Они

показали лягушке языки: бе-бе-бе! И быстренько зарылись в одуванчик. Детская дразнилка с высовыванием языков, которая часто сопровождается прикладыванием ладоней к бокам головы и наклонами головы из стороны в сторону. Ха-ха-ха! – засмеялась Роза – Смех отличный подарок! Имитация смеха превращается в нечто почти материальное, становясь подарком в форме хорошего настроения.

[Мушка и Букашка, увидев Яблоко, хотят его съесть, но там живет Червяк, который уже его ест, и они предлагают есть вместе] *Червяк подумал и согласился. – Хрум! Хрум-хрум!* При подобном описании у нас не остается сомнения в том, что все участники события начали с удовольствием поглощать очень вкусное и сочное яблоко. *В небе звёзды сияют, а ветер люльки качает: кач-кач-кач.* Это также является традиционным звукоподражанием, возврат к которому демонстрирует преемственность в употреблении ЗГМ.

Снаружи шёл дождь: кап-кап-кап-кап, шлёп-шлёп-шлёп. Разные звукоподражания иллюстрируют разные стадии этого процесса: сначала дождевая капля откуда-то появляется, например с крыши, и мы сориентированы на отдельные звуки, скажем, когда капли бьют по окну или по перилам, а вторая часть – это уже попадание по наполненному водой месту: по луже, по бочке с водой.

– *Кхе-кхе!* – *прищуривалась Календула.* По искусственному покашливанию, прикрывающему истинные намерения, читатель ощущает, что хитрая фея что-то замышляет. – *Пф!* – *фыркала Календула.* Героиня пренебрежительно поворачивает голову чуть в сторону, приподнимая плечи, и слегка нахмуривается.

Звук движения воздуха, ассоциируемый с *ф*, есть и в другом случае: *Ветер сначала растерялся, застеснялся, но потом осторожно дунул – ф-фу.* В то же время сочетание с *ю* связано с более высокой частотой звука: – *Актрисой в театре каждый может работать, а я служу билетёром! Фьють.* – *Морская свинка почти всегда заканчивала фразу свистом.* Тут предлагается интерпретировать междометие как свист, а обычно оно означает быстрое исчезновение.

Подцепив крышку ногтем – *кляц!* – *Календула выбирала из содержимого что-то очень похожее на сушёную мушку дрозифилу*

и тоже отправляла в таз. Вероятно, у волшебницы длинные ногти, а крышка тяжелая, металлическая или стеклянная, в противном случае не было бы такого звука. «Шшш-ссс, шшш-ссс», – еле слышно свистели крылья. Это была сова. Скорее всего, двухтактное звукоподражание соответствует двум фазам взмаха крылом во время полета: вверх-вниз. Этот звук характеризуется как свист, но достаточно тихий, еле слышный.

Цап – и охоту можно считать удачной. Очевидно, была ловко поймана добыча. Описывать акт подробно не пристало, есть неприятные подробности, а звукоподражание заменяет их, оставляя нам возможность додумать кровожадные детали. Быстрая поимка отображается и в другом случае: *Так что я подожду, и как только звезда прилетит, я её цап!*

Обыденное ЗГМ *вжик*, кажется, ассоциируют обычно с пилой, но здесь близкое значение – говорится про точилку для карандашей: *Я изобрету такую штуку, которая вжик-вжик...* Многие писатели употребляют слово *вжух*, хотя оно трактуется неоднозначно, в отличие от более известных звукоподражаний. – *Давненько я не увеличивалась, – говорила Календула, листая на крыльце волшебный справочник. – Ужасно интересно превратиться в великана – вжух, и у тебя уже не нос, а носище, не руки, а ручищи, не ноги, а ножищи. И вся ты такая колдунья! Засмеёшься, а вместо хи-хи-хи – БАМ-БАМ-БАМ!* Стремительное превращение из маленького в большое обозначено ЗГМ. Увеличение сопровождается и изменением голоса, когда вместо легкого хихиканья возникают тяжеловесные звонкие удары, к тому же обозначенные крупным шрифтом. Присутствие аугментативов (увеличительных суффиксов) усиливает этот эффект. – *Мамочка, давай покатаемся с горки? Там ветер свистит в ушах и лыжи сами едут – вжух!* Кажется, что скорость стремительно увеличивается и все происходит молниеносно.

Вариант *бамс* в жизни, возможно, встречается даже чаще, потому что это слово обозначает, скорее, не звук, а сам мягкий пружинистый удар при падении. Однако в другой книге это именно довольно сильный по своей природе звук лопнувшего шара: *...потом он забыл о происшествии и весь день играл с*

воздушным шаром, пока тот не наткнулся на кипарисовую макушку и не лопнул – бамс!

Скрип-скрип-скрип – половицы под лапами пели свою обычную песню... Не просто перемещение героя по полу, а такое, которое находит отклик у половиц, и можно себе представить, например, старый дом, который отголосками звуков и скрипами много раз реагировал на приходящих.

Кха-кха! Зачем вы уменьшили медведей? Кха! – *поперхнувшись от неожиданности, спросила Календула.* Это не совсем обычное, но легко трактуемое подражание звуку, производимому человеческим телом, которое отличается и от кашля, и от смеха. В прямом смысле человек может поперхнуться, когда вода или еда попали не в то горло или вместе с ними заглатывается воздух, а в переносном смысле оно может означать, что человек не ожидал, что что-то произойдет или будет сказано. – *Кто крям? Кхм-кхм,* – *спросила она, откашлявшись.* *Кхм* – достаточно традиционное звукоподражание для откашливания, как бы недо-кх(а). Известно, что *м* в междометиях, обозначающих антропологические звуки, связано с закрытым ртом, как и *у*. *Крям* – искаженное «там», произносимое соевой спросонья. Или, в другой книге, оно встречается в более сложном варианте: – *Как твои стихи? – Пишутся, кхам-кх,* – *папа Латин откашлялся,* где откашливание призвано показать, что на самом деле процесс написания стихов идет, может быть, не очень гладко и говорить об этом не хочется.

...одна калоша шлёпнулась прямо в зелёную жижу и болото тут же её проглотило – хлюп! ЗГМ обычно соответствует значению соприкосновения с водой, но, как правило, это небольшое количество воды, а здесь зеленая жижа – тина, в которой калоша не сразу тонет, а медленно погружается, еще и с причмокиванием, со звуком засасывания.

Мёдом пахло так, что даже во рту стало сладко, воздух гудел и дрожал – у-у-у-у-у!.. Это отряд пчёл вылетел собрать пыльцу со скромных лесных цветов. Обычно песенкам пчел приписывают иное звукоподражание, но нетипичный подход обрисовывает картину более ярко: пчелы летают роем друг за другом, а потом висают над цветами.

[Медведи чихают по очереди:] – *Чхо-хох-хох-хох!* – *Бхо-бху-бу-бу!* [Фея никогда не слышала такого странного чиха:] – *Чихать надо вот так – чи-чих!* [бельчонок чихает:] – *Пчихи! Да это ведь обыкновенное какао!* Привычное звукоподражание *апчихи!* разделяется на части, переосмысливается, становится предметом обсуждения персонажей, характеризует фигуру каждого из них и разные манеры: грузность, хрупкость, изящество. В последнем случае бельчонок – маленькое существо – еще не произносит все слово целиком, а чихает от неожиданности или потому, что порошок щекочет ноздри.

Нетрадиционный вариант ква-ква: [Лягушки:] – Да мы тут, куак! – Что вам надо? Куак? – Куак-куак! [Лягушата покидают корабль:] Бульк! Бульк! Бульк! Бульк! Ку-а-а-а! Ку-а-а! При этом бульк указывает на погружение в воду.

Хлоп! И задвинуло ящик комода. Чтобы закрыть ящик, пришлось его, по всей видимости, задвинуть с силой. Кто там внутри, какая сила действовала – не сообщается, но скорее всего, кто-то живой: – *Бу-бу-бу,* – *послышалось из комода.* Более резкие звуки издают лопающиеся предметы: [Магазин хлопушек] «*Оп-хлоп!*»; – *Бах-бух-бабах!* – *взорвались хлопушки.* Быстрое закрывание и открывание, сопровождающееся стуком сталкивающихся поверхностей: *Щёлк – и теперь можно хвастаться, что у тебя есть фотография со звездой.* И в другом варианте: *Щёлк зубами – и сна как не бывало.*

Непонятное существо, производящее страшное рычание: *...а в это время из чащи раздался рык – ГР-Р-Р-Р-Р!* Звук плача в случае с *Даже на день рождения некого позвать. Ы-Ы-Ы-Ы!* указывает на грусть и отчаяние героя.

Разные варианты написания передают звуковые шумы и музыку по радио: – Чш-ш-ш-ш-кряк-чп, а я еду, а я еду за мечтами, – запела радиостанция. – Чшшш-прррр-ля-ля-ля – отозвалась радиостанция. – Трррр-ля-ля – пропела радиостанция. Разнообразно передаются музыкальные звуки: [простенькая мелодия] *ля-ля-ля-турлю-лю-люм;* [лимонадная зазывалка] *Тренди-бренди-паровоз!* Пузырьки щекочут нос!; [Припев:] *Тирлим-тирлим-ля-ля!* Здесь встречаются и традиционные, и авторские сочетания букв. [Маленький тритон напевает:] «Я дракон, я дракон, ля-ля-ля», что создает контраст между жутким

образом дракона и нежной песенкой. Менее мелодично, но все же общепринято: – Динь-дилень – пропел колокольчик. Сочетание различных инструментов: Оркестр грянул: та-та-та! Оркестр грянул: бу-бу-бу! В кларнет, в валторну и в трубу. [Музыка из трубы:] – Ту-ту-ру-ру! Ру-ру-ра-ра! Пу-пу-пу-пу-у-у!

В кухне при приготовлении блюд естественным образом раздается много всевозможных звуков: что-то кипит, жарится, что-то нарезают, насыпают и пр. В данном случае: [Повар готовит:] *Буль-буль! Пиш-и-пиш-и!* В обычном значении *иши* – «соблюдайте тишину», но в книге: *Котёнок выпустил коготки и зашипел: – Ш-и-и! Дерево разозлило! Оно плохое!* или: – *У меня ничего не получается! Ш-и-и! – снова зашипел Котёнок и распушил хвост.* Шипящие сердитые кошки – тоже вполне обычное явление.

Подводя итог рассмотрению, обозначим, что автор использует как традиционные звукоподражания, так и варьирует их, а также (реже) приписывает ЗГМ не вполне тривиальные, но понимаемые из текста значения. Отвечая на наш вопрос о причинах появления ЗГМ в своих текстах, Юлия Симбирская сообщила: «Наверное, все звукоподражания, если возникают, то по требованию контекста, т. е. с ними лучше, чем без них». Это важное добавление: стремление к гармонии, взаимодействие с читателями, ритмическая структура текста вынуждают использовать емкие по значению и выразительные по форме слова.

Анастасия Орлова хорошо известна своей серией книг о грузовике и прицепе. Они специально построены таким образом, чтобы их можно было разыгрывать вместе с ребенком (на игрушках или собственным телом), многократно повторять строчки, пропевать их, возвращаться и добавлять свое. Дизайнеры используют шрифт таким образом, чтобы подчеркнуть внезапность события, громкость голоса, полифонию или последовательность голосов, радость или грусть при помощи формы, цвета, расположения букв. Обратим внимание на выборку примеров из серии книг о приключениях грузовика и прицепа «Это грузовик, а это прицеп», «Грузовик и прицеп едут в командировку», «Грузовик и прицеп. Дорожная азбука» и «Грузовик, прицеп и новогодняя елка» (с пропусками):

(137) Грузовик я ямку: Бабах! И прицеп в ямку: Бабах!
Грузовик по луже: Плюх! ...опять лужа, а под лужей
ямка. Грузовик: Плюх-БаБах! А впереди... снова лужа! А
под лужей... грязь! Грузовик: Плюх-вж... вж-застрыл!
Вж... вж... Жжжжжж – никак! Вжжжжжжж!
Вжжжжжжж! – забуксовал!

(138) И плачет прицеп: Кап-кап! И дождь вместе с ним
плачет: Кап-кап!

(139) А бабушка переходит дорогу медленно-медленно:
шарк-шарк, шарк-шарк. [...] Джип тормозит, шины
визжат: вввввввв вввввв зззззззззззззззззз! [...] Би-
бибибибибибибибибиби! – вопит грузовик.

(140) Скрррр! – дверь в гараж скрипнула. Гав! гав! гав! –
собака залаяла.

(141) Грузовик выгрузил кирпичи: Бум! Бум! Бум! Бум!
Прицеп выгрузил гравий: Чики-Чики-Чики-Так!

(142) Грузовик выгрузил арбузы: Тын! тын! тын!

(143) И в грузовик шины: Пум! Пум! Пум! И в прицеп
шины: Пам! Пам! Пам!

(144) Пам-пам-пам – прыгают с обрыва резиновые
шины.

(145) Уф! Поднялись в гору! Ох! Спустились с горы!

(146) – Би-би! – говорит ей грузовик, а машинка на
него и не глядит. [...] – Уй! – взвыл прицеп.

(147) Грузовик им: Би-би! А гуси: Га-га-га! и разошлись.
[...] Грузовик им: Би-би! А куры: Кудах-тах-тах! и
разбежались.

(148) Чирик! Чирик! – птицы хором поют. Би-бик! Би-
бик! – подпекает грузовик.

(149) А на мойке – вжик! – поливается грузовик из
шланга холодной водой от кабины до самых колёс. Ух,
хорошо! А теперь пора подкрепиться! Брррр! – бурчит
у грузовика в бензобаке. Совсем пусто в животе. Едет
грузовик на заправку. А на заправке – Мммммм! –
какой вкусный бензин!

(150) *Дождь говорит: Кап-кап! А дворники по стеклу: Ших-ших! А дождь поливает: Хлюп-хлюп! А дворники в ответ: Вжик-вжик!*

(151) – *У-ау! – зевает прицеп. [...] А на улице – брр! Вот это мороз. [...] А навстречу... снегоборочная машина – цоп-цоп-цоп! – лапами снег загребают.*

(152) *Что это за быстрый звук вдалеке? Пыр-пыр-пыр-пыр-пыр-пыр! А быстрый звук приближается: ПЫР-ПЫР-ПЫР-ПЫР-ПЫР! Ух ты! Да это вертолет! [...] А снег – фух! – разлетелся во все стороны! И в грузовик с прицепом – пумс! – что-то упало. [...] М-м-м-м-м, как пахнет вкусно...*

(153) *А ёлка – кач-кач – в прицепе. И красная тряпочка – кач-кач – над дорогой.*

(154) *А на обочине... фура. Стоит несчастная, совсем продрогла. Тыр-тыр-пш... Тр-тр-пши... – не заводится.*

(155) *Фых-фых-фых! – накачал колесо тягачу.*

(156) *У-у-у-у-у! – страшно гудит двигатель грузовика.*

(157) – *А-а-а-а-а! – кричит грузовик. – О-о-о-о-о-о! – кричит прицеп. [...] Ой-ой-ой! – одно колесо съехало с дороги и потащило их правее, правее. А потом – бах! и темнота.*

(158) – *Шшшшш... – шипит рация в ответ.*

(159) *И грузовик – бумс! – встал на колёса... [...] Чик-чик! – подсоединила фура к аккумулятору проводки... [...] Ууур-р-р-р! – завёлся мотор у грузовика, и грузовик очнулся.*

(170) *[Удары новогодних часов: 12 раз] Бам! Взрываются салюты! Бабах! Бабах! Бабах!*

(171) *Рекс машины презирает – все и каждую облает: – Ав-ав-ав! Развёл тут пыль! – Р-Р-Р! – в ответ автомобиль.*

(172) *Цок! – лошадка впереди. Скрип! – тележка позади.*

(173) *Только сел шофёр за руль – слышит сзади: буль-буль-буль! И подумал: «Верно! Это же цистерна!»*

ЗГМ здесь присутствуют в избытке, можно даже сказать, что им отводится основная роль. Много вариативных и традиционных звукоподражаний. Также можно найти и собственные инновации, например, связанные с арбузами и шинами. Есть удачные находки, например, при обозначении торможения или запуска мотора. Интересна разница в движении дворников на ветровом стекле по сухой (*ших*) и мокрой (*вжих*) поверхности. *Вжих* также характеризует процесс мойки машины. В то же время дождь поливает, как и у предыдущего автора, *кап-кап*, однако и при помощи *хлоп-хлоп*, а ранее было *шлеп-шлеп*, в то время как *хлоп* указывало на погружение в болото. Очень понятны звуки вертолета, разлетающегося снега, снегоуборочной машины и накачивания колес. Некоторые ономастопеи обозначают разные вещи, как *брр* – звук пустого бензобака, а также дрожи от холода. В последнем примере с грязью наблюдается превращение глагола в ЗГМ.

Подводя итог, можно отметить, что избыточное употребление звукоподражаний может быть как стилистическим, так и педагогическим приемом, особенно в книгах для малышей, а удачное оформление поможет использовать книги и для первого чтения, поскольку заставляет разбираться со шрифтами и их расположением на странице.

По сравнению с другими авторами **Маша Рупасова** употребляет значительно меньше ономастопей, и они преимущественно конвенциональные, типа *ого-го*, *кис-кис*. В других звукоподражаниях просматривается та же семантика *ф* и *п*, что и у других писателей. У нее можно найти употребление звукоподражательных слов для имитации звуков ходьбы или падения: *По дороге В парк, В парк, Мы ногами Шарк, Шарк...; Топ-топ, топ-топ, Шёл Весёлый Мамин клоп. Но внезапно Клоп Сел на попу – Хлоп!* или однокоренных существительных в том же значении *Раздаются звуки – Топоты и туки*; для отображения природных шумов: *В потолок она стучит: Туки-туки-бум*; [О рыбах:] *И на небо – Буль-буль-буль – Мы уплыли От бабуль*; криков животных: *Как у бабушки рука Превратилась*

в гусака И сказала: – Га-га-га!; звуков, производимых людьми: Что такое? Фу-фу-фу! – Папа дремлет на шкафу!; Апчи! Апчи! – Мне купили Чепухи – Капель и таблеток Для сопливых Деток; Вот бы шмякнуться в сугроб, Отдохнуть немного Чтоб. Оп! Занимательным становится употребление выражений, имитирующих нежное обращение к детям: Ой да люли-разлюли, Будет кушать кисели.... В книгах Рупасовой также встречаются ух в значении промелькивающего движения на большой скорости и плюх в значении погружения в воду: И баранка мимо – Ух! И с обрыва в реку – Плюх!

Примечателен случай, когда звукоподражание вводится для рифмы: Тут лежат По одиночке Разлученные носочки И поют: – Пара-па-па-рам, Нам пора, Пора По парам. Также встречается творческое употребление необычных выражений: Наши пони, Трим-пам-пони.

Один случай заслуживает особого внимания: Тут комарик – Бдыщ! – Врезался в окно. Бдыщ достаточно новое ЗГМ для обозначения удара на скорости, ведущего за собой расплющивание, или неожиданного поворота события. В Национальном корпусе русского языка присутствует только один случай употребления этого звукоподражания:

(174) [D. Priest (nick)] Взять любой комикс там только и идет – бдыщ-бдыщ, хуяк-хуяк, тры-тры... бугага, я убью тебя (вставьте имя любого супергероя), тры-тры, обломайся (вставьте имя любого суперзлодея)! Бдыщ-бдыщ, хуяк-хуяк, тратата-тратата. Ну скажем так, здесь экин-сцен не только мало, но они и длятся преступно короткое время. (Форум: Железный Человек, Iron Man, 2008).

Поиск по интернету предоставляет аналогичные контексты. В речи молодежи бдыщ встречается, по нашим наблюдениям, достаточно часто. То, что подобные модные слова редко включаются в тексты для детей, свидетельствует о том, что авторы все-таки стремятся научить своих читателей «узаконенному» спектру звукоподражаний.

Анна Анисимова пишет так, чтоб игровое чтение книг совместно с детьми стало естественным дополнением к процессу чтения. Стиль письма способствует тому, чтобы все особенности

останавливать слишком быстро бегущую палку — якобы лошадь. Звук *хрр-хрыц!* указывает на то, что собака пытается перегрызть палку. *Фух* — вздох облегчения, который издает незнакомая тетя. *Пф!* — так фыркает папа. Пробивание точек в шрифте азбуки Брайля звучит следующим образом: *Так! Так! Так-так! Так-так-так!* В отличие от стандартного языка, здесь встречаются дифтонги. *Опа!* — когда забираются наверх на горку. *Вжух!* — когда слетают вниз с горы. Это последнее междометие мы обнаружили у всех авторов, в то время как в НКРЯ оно встречается лишь единожды.

Происходит игра со звуками: из суффикса *-чк-* образуется песенка *Чки-чку-чка!*, как бы песня птицы овсянки, мама с дочкой *чкают* и *чкуют*, а настоящие овсянки *тирькают*: *ти-ти-ти-тирь*, *ти-ти-ти-тирь*. Таким образом, можно наблюдать, как изобретенные звукоподражания превращаются в окказиональные глаголы. Из существительного производится ЗГМ: буйки тихонько качаются *буйк-буйк*. Переосмысливается стук сердца (от *ёкает*): *Ёк-ёк!* От радости визжат на два голоса: *И-и-и!* *И-и-и!* Понятное, но новообразованное слово — девочка *пумкает* (т. е. бьет по надутой резиновой ватрушке ногами, представляя себе, что это кит): *Пум!* *Пум!* Тема речи китов развивается: *У-у!* *И-у!* *Вы-у!* *Ми-у!* *А-у!* *Ы-у!* *Ы-у!* *Ву-у!* — предполагается выражение разных эмоций на китовом языке. Заметно, что вариативности больше в гласных, чем в согласных, но выбор все-таки ограничен небольшим набором звуков.

Выводы. Обсуждая прагматическую сторону употребления ЗГМ, следует ответить на вопрос, почему из всех доступных языковых средств, которые находятся в распоряжении говорящего, выбор останавливается именно на морфологически простых, но вместе с тем и многофункциональных знаках тройственной природы (звукоизобразительность, эмоциональная окрашенность, разностороннее отражение целостного события или ситуации), которые настраивают взрослых на игровую форму взаимодействия с ребенком.

На наш взгляд, ЗГМ призваны обогащать не только словарь ребенка, но и стимулировать его когнитивную способность. При помощи этих слов ребенок узнает о том, что о некоторых вещах можно говорить, используя слово-знак, а сам знак можно

видоизменять, необязательно склоняя или спрягая. От глаголов и существительных можно образовывать ЗГМ и наоборот. Раскрывая потенциал этого знака, ребенок узнает, что с ним можно играть, проявлять творчество, произносить по-разному, сопровождать мимикой и жестами. Все это прививает любовь к родному языку.

5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При всем разнообразии общепринятых способов описания звуков (коварный каркающий звук, удивительный звон, металлический скрежет, пронзительный свист, раскатистый гром), существуют и такие, которые компактно обозначают чувственный опыт. К ним относятся звукоизобразительные языковые единицы. Не все звуки поддаются описанию, не все оттенки естественных звуков могут быть эквивалентно переданы в речи. Между природными звуками и их отражением в дискурсе находятся фильтры: с одной стороны, система ограничений слухового восприятия, а с другой – фонетическая система конкретного языка (ср. Калужникова 2009; O'Reilly 2005). Задается конвенциональный стандарт, условный договор относительно функций определенного набора фонем при передаче тех или иных внешних звуков. В процессе овладения языком ребенок переходит от нерасчлененного восприятия всего саундскейпа к идентификации отдельных значимых аудиосигналов, попыткам воспроизвести их, а также к усвоению обыденных форм передачи известных ситуаций звукопроизводства. Звукоподражательные единицы, такие как звуковые эффекты, подражания голосам животных, явлениям природы и т. д., могут нести не только смысловую нагрузку, но и передавать эмоциональное состояние говорящего, его настроение через интонацию и другие модальные характеристики. Например, шум дождя может передать грусть, а крик птицы – выразить радость, беспокойство или страх. Эти модальные характеристики способны попутно оказывать значительное влияние на восприятие сообщения.

В данной диссертационной работе рассматриваются языковые формы, статус которых неоднозначно оценивался в научной литературе. К ним относятся лексемы типа *бац*, *плюх* и *звяк*, которые мы характеризуем как ЗГМ. До настоящего времени

продолжаются дискуссии о языковом статусе этих единиц, хоть и было предложено множество объяснений их невероятной пластичности и приспособляемости к разнообразным речевым ситуациям. Частеречная диффузность этих языковых единиц и их способность проявлять дифференциальные признаки звукоподражаний, глаголов и междометий в разных контекстах объяснялась с точки зрения омонимии, синкретичности или же многозначности.

В связи с проведенным исследованием мы затрагивали идею арбитранности звукоподражаний как свойства языка, заключающегося в том, что звуковая форма слова не имеет непосредственного отношения к его значению. Другими словами, звуки, которые образуют слова, выбираются произвольно и на самом деле не отражают никаких смысловых свойств предметов или явлений, которые они обозначают. Любое ЗГМ звучит так, потому что был выбран такой звуковой образ для обозначения этого явления в русском языке. Однако в другом языке это явление может быть обозначено иным, но в чем-то схожим звуковым образом, который отличается от русского звукоподражания. Арбитранность звукоподражаний является одним из ключевых свойств языка и позволяет говорящим и слушающим легко согласовывать значения слов между собой, независимо от их звуковой формы, хотя существуют исключения из этого правила, например, в случаях, когда звукоподражание используется в языке для создания определенного эффекта звуковой подражательности, как происходит в поэзии, фольклоре или звуковых имитациях.

В большинстве исследовательских работ используются примеры из художественной литературы XIX–XX веков, на основе которой построены основные русские грамматики. На страницы художественной литературы и СМИ попадают в первую очередь конвенциональные и авторские случаи словоупотребления, а живая разговорная речь – во вторую. Кроме того, при транскрибировании реальной речи звукоподражания могут опускаться, поскольку они обладают разной степенью конвенциональной условности. Исторически закрепленные за определенными звукоподражаниями буквенные символы могут входить в состав словарей, однако они также разнятся от индивида

к индивиду. Несомненно, что большинство носителей русского языка не встречались в своем речевом обиходе со всеми приведенными в словарях звукоподражаниями, не готовы признать их частью языка и/или согласиться с их трактовками. Напротив, они вполне могут предложить другие, собственные варианты звукоподражаний для наименования определенных естественных звуков, как показывают многие эксперименты. На базе исходных значений, построенных на основе звуков реального мира, возникают значения вторичные, метафорические.

ЗГМ можно рассматривать на шкале в зависимости от их близости либо к звукоподражаниям, либо к глаголам или же междометиям. Вероятно, слова подобного типа не полностью лишены эмоциональной окраски, хотя передача эмоций не является их основной функцией. Поскольку эти языковые единицы почти всегда вариативны, а часто и индивидуальны, т. е. не входят в устойчивый лексикон языка, их неожиданное появление в тексте обычно производит особый эффект. Можно заметить, что семиотическая сторона ЗГМ, несмотря на ее очевидность, редко становилась предметом целенаправленного изучения, разве что в поэтике художественной литературы, так что не стоило бы пренебрегать этим аспектом исследования.

В разных классификациях междометий учитывается устройство окружающего мира, данного человеку в ощущении, источник, в том числе природный или искусственный (отдельно – человек), способ производства, характер и длительность звука, гораздо реже сообщается о восприятии звуков человеком, их эмоциональной окрашенности и дополнительных коннотациях. При оценке и разграничении функций следует различать собственно человеческие звуки, отражающие прежде всего эмоции, и прочие фонации. Междометия состоят из согласных, необычных звуков без гласных, причем мы можем предполагать, что степень участия губ в их произнесении разная и что произнесение сопровождается жестами: передергиванием и/или подъемом плеч, трясением головы (см., например, Крейдлин 2002; Курашкина 2007; Иоансян, Дронов 2020). Жесты совместно с междометиями имеются в мультимедийном корпусе русской речи, где можно проследить различия в их употреблении на протяжении почти ста лет, сопоставляя материал для людей

разного возраста, происхождения и образования (см. Гришина 2017, а также материалы конференций памяти Е.А. Гришиной «Слово и жест», проводимые в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН). На наш взгляд, разговорные и визуальные данные могли бы дополнить этот корпус, как делает А. Котов. Некоторые междометия способны принимать уменьшительно-ласкательные суффиксы и после них – окончания множественного числа, например, *охохонюшки*, *баиньки*, *агушеньки*. От многих, но не всех междометий могут образовываться глаголы.

Обозначим, что, скорее всего, ментальные образы внеязыковых акустических событий, воплощенные в ЗГМ, вмещают в себя не только сами представления о звуках, но и доступные другим органам осязания параметры этих событий в соответствии с тем, что восприятие информации из одной модальности не происходит в изоляции от других органов восприятия. В результате эти достаточно короткие и на первый взгляд простые слова вызывают в восприятии яркие образы, в которых накладываются друг на друга слуховые, кинестетические, визуальные и другие типы ощущений.

Пристальное рассмотрение функционирования ЗГМ в контекстах из Национального корпуса русского языка указывает на их способность выражать разные оттенки значения в зависимости от речевой ситуации. В ходе комплексного анализа этих форм мы приходим к выводу, что они характеризуются тесной связью со звуком, но при этом обладают яркой эмоциональностью и способностью указывать на когнитивное состояние говорящего. При этом им не чуждо употребление в качестве предикатов с целым набором возможных глагольных значений, таких как вид, переходность, время, лицо и число, которые проявляются через синтаксические связи с другими словами в предложении. В определенных контекстах они также могут проявлять междометные свойства, указывая на когнитивные установки отправителя языкового сигнала. Способность сочетать в себе звукоподражательные, междометные и глагольные признаки позволяет им быть либо синтаксически независимыми, либо интегрированными в зависимости от контекста и намерения говорящего. При этом более

характерными для них являются обособленные позиции, чем синтаксически интегрированные.

Результаты субститутивного теста приоткрывают завесу того, как реципиенты, носители русского языка, расшифровывают значение и функции этих слов в предложениях. Предложенные варианты замены указывают на то, что восприятие категориального значения слов типа *бац*, *плюх* и *звяк* проходит в тесной взаимосвязи с их окружением и даже знаками препинания, при помощи которых они отделяются от остальной части предложения. В частности, в синтаксически обособленных позициях они зачастую интерпретируются как звукоподражания, иконически изображающие акустические события, с которыми они связаны. В синтаксически интегрированных позициях им приписывается предикативность и способность указывать на действие, связанное с соответствующим звуком. Статистический анализ выборки из устного корпуса указывает на то, что грамматическая интеграция ЗГМ находится в обратной зависимости от интонационной и морфологической выразительности.

Прозрачное звукоподражательное значение создает иллюзию простоты, приписываемой словам типа *бац*, *плюх* и *звяк*. Контекстуальная сложность данных языковых знаков проявляется при наложении прагматических импликаций. В других работах высказывалось такое наблюдение, что для звукоподражаний вполне естественно появление в ситуациях для наглядной демонстрации ощущений, возникающих под воздействием чувственного восприятия, а также в ситуациях описательного употребления этих слов, когда о событии сообщается, а значение туманно и контекстно-зависимо в силу дополнительных импликаций, которые вкладывает говорящий (Sasamoto, Jackson 2016). В нашем анализе мы определили такие неуловимые нюансы, которые, на наш взгляд, относятся к способности этих слов привлекать внимание слушателя, включая его в дискурс, поэтически стилизовать высказывание, в том числе указывая метафорически на искомое содержание речи, а также имитировать исходное подражание звукам окружающей действительности, чтобы генерировать совсем новое значение. Наконец, исследуемые нами языковые единицы способны

вызывать в сознании реципиента живые подвижные образы, которым свойственны не только звуковые, но и другие доступные восприятию характеристики, в том числе осязательные, а также световая яркость, пространственное передвижение, возможно, даже запах, цвет или вкус.

Результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента показали, что реципиенты, носители финского языка, которые никогда не изучали русского, чувствительны к звукоизобразительному потенциалу рассматриваемых слов. Опираясь только на то, как эти слова звучат, участники эксперимента предложили ассоциации, совпадающие с искомым значением ЗГМ. Когда информация, поступающая от восприятия слова на слух, дополнялась зрительной информацией о возможном источнике звука, имитируемого звукоподражанием, показатели успешного распознавания семантики слов существенно увеличивались. Когнитивная обработка этих сигналов наивными слушателями во многом напоминала поведение детей при овладении языком. Ранее было подмечено, что дети значительным образом полагаются на символику звука, заложенную в звукоподражательных словах, для того, чтобы связать внеязыковое акустическое событие с соответствующей лексической формой (см. Laing 2017). Кроме того, в ходе этого исследования были обнаружены тонкие соответствия между звукоподражаниями в русском и финском, так как, по всей видимости, проходила экстраполяция значения знакомого звукоподражательного слова из родного языка на ситуации в чужом языке даже на основе с трудом уловимого фонетического сходства между ними. Дети, лишь начинающие овладевать звукоподражаниями, также прибегают к переносу значения на множество ситуаций, имеющих порой совсем отдаленное подобие исходной.

Наконец, мы провели анализ функций ЗГМ в детской литературе, используя для этого тексты четырех современных авторов. Многозначность вполне сочетается с простотой и многофункциональностью, открывая широкие возможности для творческого употребления этих слов. Предпочтительность использования звукоподражательных единиц по отношению к другим изобразительным средствам выражения, по всей

видимости, обусловлена игровым характером общения взрослого и ребенка. Звукоподражания призваны обогатить не только словарный запас ребенка, но и облегчить когнитивную обработку их значения. Ребенок узнает, что даже такие простые слова можно использовать творчески, опираясь в общении на мимику и жесты. Уже на столь ранних этапах происходит знакомство с игровым потенциалом языка, прививается любовь к нему.

Основной вывод, который можно сделать из этой диссертации, состоит в том, что ЗГМ – это комплексные языковые единицы, сочетающие звукоподражательные, глагольные и междометные свойства. Знаковые характеристики этих слов экстраполируются на их семантику, морфосинтаксическое поведение и прагматику употребления. Эти слова остаются фонетически необычными и часто выносятся на передний план при помощи просодии, что можно рассматривать как пример интонационной выразительности. Семантически ЗГМ отображают акустические события. Они имеют довольно простую морфологическую структуру, так как в большинстве своем односложны, состоят из корневых морфем и могут быть распознаны носителями других языков. Для этого класса слов характерна морфологическая выразительность, т. е. они часто состоят из повторяющихся морфем. Подобно обычным звукоподражаниям, такие слова, как *бац*, *плюх* и *звяк* синтаксически независимы: они образуют либо обособленные конструкции, либо самостоятельные предложения. В этом случае знаки препинания отделяют их от основной части предложения.

Такие слова, как *бац*, *плюх* и *звяк*, которые мы отобрали в качестве представителей ЗГМ в силу их репрезентативности, т. е. фонологического сходства с другими словами из этого класса, а также присущей каждому из них своеобразности звукового состава, могут быть синтаксически интегрированными, выступая в функции сказуемого, подобно обычным глаголам, и тогда исчезает необходимость отделять их знаками препинания от остальной части предложения. Случаи интонационного выделения, такие как паузы в речи, стали редкостью, как и морфологическая выразительность. Тем не менее действие, на которое они указывают, нередко воспринимается как неожиданное, что роднит их с междометиями.

Следует отметить еще одну характеристику ЗГМ: они не только указывают на эмоциональное состояние или отношение говорящего, но, по-видимому, способны выполнять и другие прагматические функции в дискурсе. Эти функции варьируются от подразумевания произведенного эффекта, о чем прямо заявлено, до привлечения внимания слушателя, поэтизации высказывания, создания нового значения, выходящего за рамки существующего звукоподражательного. Эти слова не только семантически выразительны, но и интересны в интонационном, морфологическом и синтаксическом отношении.

Некоторые из конвенциональных языковых единиц, таких как существительные и глаголы, до сих пор проявляют признаки звукоподражаний, от которых они произошли. Также возможно создание склоняемых и спрягаемых единиц от неизменяемых звукоподражаний. Мы расцениваем это явление как омонимию между такими словами, как *бац*, *плюх* и *звяк*, и представителями других классов слов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что вопреки распространенному восприятию ЗГМ как примитивных и незамысловатых в силу их морфологической неразвитости, многозначности и синтаксической подвижности, они в действительности являются лингвистически весьма сложными знаками.

С точки зрения семантики: 1) эти слова отображают естественные шумы; 2) указывают на действие, возникающее в связи с этими звуками; 3) в некоторых контекстах выражают эмоциональное состояние говорящего, его отношение к ситуации.

С точки зрения морфологии: 1) эти слова являются примерами омонимии и многозначности; 2) построение из корневых морфем не лишает отдельные группы слов возможности выражать глубинные оттенки значения; 3) отсутствие словообразовательных морфем не препятствует использованию других средств морфологической выразительности.

С точки зрения синтаксиса и пунктуации: 1) синтаксические свойства и пунктуационное оформление связаны с семантикой этих слов; 2) знаки препинания выступают маркерами синтаксических функций этих слов, особенно в случаях омонимии и полисемии; 3) противоречия в расстановке знаков препинания

не случайны, они сигнализируют о присутствии разных морфологических характеристик этих слов, т. е. отдельные слова в каждом конкретном случае могут принадлежать к разным грамматическим классам.

С точки зрения фонологии и просодии существует взаимосвязь: 1) между фонетическим выражением этих слов и их значением; 2) между интонационным оформлением, морфологическим выражением и синтаксическим поведением.

С точки зрения прагматики: 1) полисемия этих слов позволяет им выполнять прагматические функции; 2) эти слова выполняют такие прагматические функции в дискурсе, как квазиреферентная, эмоциональная, фатическая, поэтическая и металингвистическая, а также идеофоническая.

Нам представляется, что одной из трудно фиксируемых черт звукоподражаний является их мимолетность, окказиональность, свойственные узусу. Именно поэтому одним из направлений будущих исследований может стать сбор данных разговорной речи. В настоящее время редко проводится сопоставление связи между разными проявлениями выразительности русских ЗГМ и жестов.

Было бы также полезно попробовать узнать, как могут выражать носители языка различия между близкими звуками, например, разбивающегося стекла (<https://soundeff.ru/zvuk-bjushhegosja-stekla/?ysclid=198rdlm660391006925>), вызванными разными причинами: могут ли они передать тонкие нюансы фонетическими средствами человеческого языка.

Есть несколько теоретических вопросов, оставшихся без ответа. Первый — следует ли включать крики животных в классификацию ЗГМ. Непроизвольные звуки, производимые человеческим телом, можно прагматически отличить от криков животных. Последние также обладают иллокутивной силой, т. е. животные издают звуки, чтобы предупредить, выразить боль, поощрить и т. д. (ср. Austin 1962; Searle 1969; Searle, Vanderveken 1985). Другой проблемный вопрос заключается в том, обладают ли такие слова, как *бац*, *плюх* и *звяк*, иллокутивной силой. Некоторые исследователи (Wierzbicka 2003: 288) настаивают на том, что они лишены каких-либо характеристик речевых актов. Другие утверждают, что они обладают такими чертами, как

способность выражать сильные чувства (Карцевский 1984) и выполнять пропозициональную функцию (Wilkins 1992: 119). На наш взгляд, совместимость этого класса слов с теорией речевого акта (Austin 1962; Searle 1969) стоит исследовать более подробно.

Наконец, до сих пор неясно, составляют ли ЗГМ русского языка класс идеофонов. Ряд исследователей обнаруживает сходство этих слов с идеофонами (Поливанов 1968; Nikitina 2012; Viimaranta, Vihervä 2019). Однако на основании имеющихся научных данных окончательного решения по этому вопросу принято не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aikhenvald, A.Y. (2018). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford: Oxford University press.
- Akita, K. (2009). Gradient integration of sound symbolism in language: toward a crosslinguistic generalization. In Sh. Iwasaki, H. Hoji, P.M. Clancy, & S.-O. Sohn (Eds.), *Japanese/Korean linguistics* (pp. 217–230). Stanford, CA: CSLI.
- Allopenna, P.D., Magnuson, J.S., & Tanenhaus, M.K. (1998). Tracking the time course of spoken word recognition using eye movements: Evidence for continuous mapping models. *Journal of Memory and Language*, 38(4), 419–439. <https://doi.org/10.1006/jmla.1997.2558>
- Altmann, G.T.M., & Kamide, Y. (2007). The real-time mediation of visual attention by language and world knowledge: Linking anticipatory (and other) eye movements to linguistic processing. *Journal of Memory and Language*, 57(4), 502–518. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2006.12.004>
- Ameika, F. (1992). Interjections: The universal yet neglected part of speech. *Journal of Pragmatics*, 18(2), 101–118. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90048-G](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90048-G)
- Austin, J.L. (1962). *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press, Clarendon Press.
- Bally, Ch. (1950). *Linguistique générale et linguistique française*. Berne, Francke.
- Bańko, M. (2008). *Współczesny polski onomatopeikon. Ikoniczność w języku*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bas, A. (2014). *The Oxford dictionary of English grammar*. Oxford University Press.
- Bertelson, P., (1999). Ventriiloquism: A case of cross-modal perceptual grouping. In G. Aschersleben, T. Bachmann, & J. Müsseler (Eds.). *Cognitive Contributions to the Perception of Spatial and Temporal Events* (pp. 347–317). Amsterdam: Elsevier.
- Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., & Finegan, E. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman.
- Bloomfield, L. (1933). *Language*. London: George, Allen & Unwin.
- Bolinger, D. (1989). *Intonation and its Uses. Melody in Grammar and Discourse*. London: Edward Arnold.

- Brackbill, Y., & Little, K.B. (1957). Factors determining the guessing of meanings of foreign words. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 54(3), 312–318. <https://doi.org/10.1037/h0042411>
- Brown, R.W., Black, A.H., & Horowitz, A.E. (1955). Phonetic symbolism in natural languages. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 50(3), 388–393. <https://doi.org/10.1037/h0046820>
- Burghoorn, F., Dingemanse, M., Van Lier, R., & Van Leeuwen, T.M. (2019). The relation between the degree of synaesthesia, autistic traits, and local/global visual perception. *Journal of Autism and Developmental Disorders* (Available online at <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10803-019-04222-7>, Accessed on 2019–11–28).
- Burton-Roberts, N. (1999). Language, linear precedence and parentheticals. In P. Collins, & D. Lee (Eds.), *The Clause in English* (pp. 33–52). Amsterdam: John Benjamins.
- Chernov, G.V., Setton, R. & Hild, A. (2004). *Inference and anticipation in simultaneous interpreting: A probability-prediction model*. John Benjamins.
- Childs, G.T. (1988). The phonology of Kisi ideophones. *Journal of African Languages and linguistics*, 10, 165–190. <https://doi.org/10.1515/jall.1988.10.2.165>
- Childs, G.T. (1994). African ideophones. In L. Hinton, J. Nichols, & J.J. Ohala (Eds.), *Sound symbolism* (pp.178–204). Cambridge: Cambridge University Press.
- Childs, G.T. (2015). Sound symbolism. In J.R. Taylor (Ed.), *The Oxford handbook of the word, vol. 1* (pp. 284–302). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199641604.013.030>
- Clark, H.H. (1996). *Using Language*. Cambridge/New York: Cambridge University Press.
- Clark, H.H., & Gerrig, R.J. (1990). Quotations as Demonstrations. *Language (Baltimore)*, 66(4), 764–805. <https://doi.org/10.2307/414729>
- Cuenca, M.J. (2000) Defining the indefinable? Interjections. *Syntaxis*, 3, 29–44.
- Cuskley, C., & Kirby, S. (2013). Synesthesia, cross-modality, and language evolution. In J. Simner, & E.M. Hubbard (Eds.), *The Oxford handbook of synesthesia* (pp. 869–899). Oxford University Press.
- Cuskley, C., Dingemanse, M., Kirby, S., & Van Leeuwen, T.M. (2019). Cross-modal associations and synesthesia: categorical perception and structure in vowel-color mappings in a large online sample. *Behavior Research Methods*, 51, 1651–1675. <https://doi.org/10.3758/s13428-019-01203-7>
- Deese, J. (1965). *The structure of associations in language and thought*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press.
- Dingemanse, M. (2012). Advances in the cross-linguistic study of ideophones. *Language and Linguistics compass*, 6(10), 654–672.
- Dingemanse, M. (2013). Ideophones and gesture in everyday speech. *Gesture*, 13 (2), 143–165. <https://doi.org/10.1075/gest.13.2.02din>

- Dingemanse, M. (2015). Ideophones and reduplication: Depiction, description, and the interpretation of repeated talk in discourse. *Studies in Language*, 39(4), 946–970. <https://doi.org/10.1075/sl.39.4.05din>
- Dingemanse, M. (2017). On the margins of language: ideophones, interjections and dependencies in linguistic theory. In N.J. Enfield (Ed.), *Dependencies in language* (pp. 195–202). Berlin: Language Science Press.
- Dingemanse, M., & Akita, K. (2017). An Inverse Relation between Expressiveness and Grammatical Integration: On the Morphosyntactic Typology of Ideophones, with Special Reference to Japanese. *Journal of Linguistics*, 53(3), 501–532. <https://doi.org/10.1017/S002222671600030X>
- Dingemanse, M., Blasi, D.E., Luyyan, G., Christiansen, M.H., & Monaghan, P. (2015). Arbitrariness, iconicity, and systematicity in language. *Trends in Cognitive Sciences*, 19(10), 603–615. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2015.07.013>
- Dingemanse, M., Schuerman, W., Reinisch, E., Tufvesson, S., & Mitterer, H. (2016). What sound symbolism can and cannot do: Testing the iconicity of ideophones from five languages. *Language (Baltimore)*, 92(2), e117–e133. <https://doi.org/10.1353/lan.2016.0034>
- Dingemanse, M., Torreira, F., & Enfield, N.J. (2013). Is “Huh?” a universal word? Conversational infrastructure and the convergent evolution of linguistic items. *PLoS One*, 8(11), e78273–e78273. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078273>
- Doke, C.M. (1935). *Bantu linguistic terminology*. London: Longmans, Green and Co.
- Espinal, M.T. (1991). The Representation of Disjunct Constituents. *Language (Baltimore)*, 67(4), 726–762. <https://doi.org/10.2307/415075>
- Evans, N. (1992). “Wanjh! bonj! nja!”: Sequential organization and social deixis in Mayali interjections. *Journal of Pragmatics*, 18(2), 225–244. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90053-E](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90053-E)
- Fawcett, A.Z. (2018). *Ideophone integration and expressiveness in Wao Terero*. UC Santa Barbara. (Available online at <https://escholarship.org/uc/item/3j2196gm>, Accessed on 2020–05–25).
- Fidler, M.U. (2014). *Onomatopoeia in Czech: a conceptualization of sound and its connections to grammar and discourse*. Bloomington, IN: Slavica Publishers.
- Fischer, B. (1992). Saccadic reaction time: Implications for reading, dyslexia, and visual cognition. In K. Rayner (Ed.), *Eye movements and visual cognition* (pp. 31–45). New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4612-2852-3_3
- Fitzpatrick, T., & Izura, C. (2011). Word association in L1 and L2: An exploratory study of response types, response times, and interlingual mediation. *Studies in Second Language Acquisition*, 33(3), 373–398. <https://doi.org/10.1017/S0272263111000027>

- Foolen, A. (2012). The relevance of emotion for language and linguistics. In A. Foolen, U.M. Lüdke, T.P. Racine & J. Zlatev (Eds.), *Moving ourselves, moving others: motion and emotion in intersubjectivity, consciousness and language* (pp. 349–368). Amsterdam, Netherlands: John Benjamins.
- Fortune, G. (1962). *Ideophones in Shona*. London: Oxford University Press.
- Fortune, G. (1971). Some notes on ideophones and ideophonic constructions in Shona. *African Studies (Johannesburg)*, 30(3–4), 237–258. <https://doi.org/10.1080/00020187108707361>
- Fries, C.C. (1952). *The structure of English*. New York: Harcourt Brace.
- Fuchs, S., Pape, D., Petrone, C., & Perrier, P. (2015). *Individual differences in speech production and perception*. Frankfurt am Main, Germany: Peter Lang.
- Gardiner, A. (1932 (1969)). *The theory of speech and language*. Oxford: Clarendon.
- Gick, B., & Derrick, D. (2009). Aero-tactile integration in speech perception. *Nature*, 462(7272), 502–504.
- Givón, T. (1985). Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax. In J. Haiman (Ed.), *Iconicity in syntax* (pp. 187–219). Amsterdam, Netherlands: John Benjamins.
- Givón, T. (1991). Isomorphism in the grammatical code: Cognitive and biological considerations. *Studies in Language*, 15 (1), 85–114.
- Goffman, E. (1981). *Forms of talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Graham, J.F. (1992). *Onomatopoeics: theory of language and literature*. Cambridge University Press. Cambridge: CUP.
- Grice, H.P. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole, & J.L. Morgan (Eds.), *Syntax and Semantics, vol. 3: Speech Acts* (pp. 41–58). New York: Academic Press.
- Griffiths, T.D. & Warren, J.D. (2004). What is an auditory object? *Nature Reviews Neuroscience*, 5(11), 887–892. <https://doi.org/10.1038/nrn1538>
- Guillaume, L., Dessein, A., Susini, P., and Aura, K. (2011). Vocal imitations and the identification of sound events. *Ecological Psychology*, 23 (4), 267–307.
- Güneş, G & Çöltekin, Ç. (2015). Mapping to prosody: Not all parentheticals are alike. In A. Mathieu, J. Glikman, & S. Schneider (Eds.), *Parenthetical Verbs* (pp. 287–332). Berlin/Boston: De Gruyter Mouton.
- Haiman, J. (1983). Iconic and Economic Motivation. *Language (Baltimore)*, 59(4), 781–819. <https://doi.org/10.2307/413373>
- Hakulinen, A., Vilkkuna, M., Korhonen, R., Koivisto, V., Heinonen, T.R., & Alho, I. (2004). *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Hasada, R. (2001). Meanings of Japanese emotion words sound-symbolic. In J. Harkins, & A. Wierzbicka (Eds.), *Cognitive Linguistics*

- Research [CLR]: Emotions in Crosslinguistic Perspective* (pp. 217–253). Berlin/Boston, DE: De Gruyter Mouton.
- Havránek, B. (1964). The functional differentiation of the standard language. In P.L. Garvin (Ed.), *A Prague School reader on aesthetics, literary structure, and style* (pp. 3–16). Washington, DC: Georgetown University Press.
- Heine, B., Kaltenböck, G., Kuteva, T. & Long, H. (2013). An Outline of Discourse Grammar. In Sh. Bischoff, & C. Jany (Eds.) *Functional Approaches to Language* (pp.155–206). Berlin/Boston: De Gruyter Mouton.
- Heinsoo, H., & Saar, E. (2015). Sound symbolism of expressive verbs in Finnic languages (Estonian, Finnish, Ingrian, Votic). Eesti ja soomeugri keeleteaduse ajakiri. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 6 (1), 55–74.
- Hinton, L., Nichols, J., & Ohala, J.J. (1994). *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoffmann, L. (1998). Parenthesen. *Linguistische Berichte*, 175, 299–328.
- Huettig, F., & Altmann, G.T.M. (2005). Word meaning and the control of eye fixation: Semantic competitor effects and the visual world paradigm. *Cognition*, 96(1), B23–B32.
<https://doi.org/10.1016/j.cognition.2004.10.003>
- Huettig, F., & Altmann, G.T.M. (2007). Visual-shape competition during language-mediated attention is based on lexical input and not modulated by contextual appropriateness. *Visual Cognition*, 15(8), 985–1018. <https://doi.org/10.1080/13506280601130875>
- Huettig, F., Rommers, J., & Meyer, A.S. (2011). Using the visual world paradigm to study language processing: a review and critical evaluation. *Acta Psychologica*, 137 (2), 151–171.
<https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2010.11.003>
- Imai, M., Kita, S., Nagumo, M., & Okada, H. (2008). Sound symbolism facilitates early verb learning. *Cognition*, 109(1), 54–65.
<https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.07.015>
- Isačenko, A.V. (1975). *Die russische Sprache der Gegenwart*. Munich: Max Hueber.
- Iwasaki, N, Vinson, D.P., & Vigliocco, G. (2007). What do English speakers know about gera-gera and yota-yota?: A cross-linguistic investigation of mimetic words for laughing and walking. *Japanese-Language Education around the Globe*, 17, 53–78.
- Jääskeläinen, A. (2013). *Todisteena äänen kuva. Suomen kielen imitatiivii konstruktioit*. Helsinki: Unigrafia.
- Jakobson, R. (1960). Linguistics and poetics. In Th.A. Sebeok (Ed.), *Style in language* (pp. 350–377). Cambridge MA: MIT Press.
- Jespersen, O. (1925). *The philosophy of grammar*. London: Allen and Unwin.
- Just, M.A., & Carpenter, P.A. (1984). Using eye fixations to study reading comprehension. In D.E. Kieras, & M.A. Just (Eds.), *New methods in reading comprehension research* (pp. 151–182). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

- Kaltenböck, G. (2007). Spoken parenthetical clauses in English. In N. Dehé, & Y. Kavalova (Eds.), *Parentheticals* (pp. 25–52). John Benjamins.
- Kaltenböck, G., Mihatsch, W., & Schneider, S. (2010). *New Approaches to Hedging*. Bingley: Emerald.
- Kanerva, O. (2018). Correlation between expressiveness and syntactic independence of Russian onomatopoeic verbal interjections. *Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies*, 21, 15–30. <https://doi.org/10.7557/6.4435>
- Kanerva, O. (2019). On differences between homonymy and polysemy of Russian onomatopoeic verbal interjections. *Die Welt der Slaven*, 64 (2), 252–261.
- Kanerva, O.A. (2020). Russian onomatopoeic verbal interjections. Why use ‘non-words’ instead of ordinary ones? *RSUH/RGGU Bulletin. ‘Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies’ Series 7*, 130-146. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-7-130-146>
- Kanerva, O., & Häikiö, T. (2022). Sound symbolic potential of Russian onomatopoeias: Evidence from eye-tracking. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 48(3), 432–445. <https://doi.org/10.1037/xlm0001114>
- Kassambra, A., & Mundt, F. (2019). *factoextra: Extract and visualize the results of multivariate data analyses*. R package version 1.0.6. <https://CRAN.R-project.org/package=factoextra>
- Katsuki-Pestemer, N. (2014). *An Introduction to Japanese Ideophones*. Muenchen: Lincom.
- Kidd, G.R., Watson, C. S., & Gygi, B. (2007). Individual Differences in Auditory Abilities. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 122(1), 418–435. <https://doi.org/10.1121/1.2743154>
- Kiss, G.R. (1975). An associative thesaurus of English: Structural analysis of a large relevance network. In A. Kennedy, & A. Wilkes (Eds.), *Studies in long term memory* (pp. 103–121). London: Wiley.
- Körtvélyessy, L. (2020). Onomatopoeia – a unique species? *Studia Linguistica*, 74 (2), 506–551. <https://doi.org/10.1111/stul.12133>
- Kryk, B. (1992). The pragmatics of interjections: The case of Polish no. *Journal of Pragmatics*, 18, 193–207. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90051-C](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90051-C)
- Kubovy, M. & Van Valkenburg, D. (2001). Auditory and visual objects. *Cognition*, 80(1), 97–126. [https://doi.org/10.1016/S0010-0277\(00\)00155-4](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(00)00155-4)
- Kulemeka, A.T. (1995). Sound symbolic and grammatical frameworks: a typology of ideophones in Asian and African languages. *South African Journal of African Languages*, 15(2), 73–84. <https://doi.org/10.1080/02572117.1995.10587062>
- Kunene, D.P. (1965). The ideophone in Southern Sotho. *Journal of African Languages*, 4, 19–39.
- Kurthen, I., Meyer, M., Schlesewsky, M., & Bornkessel-Schlesewsky, I. (2020). Individual Differences in Peripheral Hearing and Cognition Reveal Sentence Processing Differences in Healthy Older Adults.

- Frontiers in Neuroscience*, 14, 573513–573513.
<https://doi.org/10.3389/fnins.2020.573513>
- Laing, C.E. (2017). A perceptual advantage for onomatopoeia in early word learning: Evidence from eye-tracking. *Journal of Experimental Child Psychology*, 161, 32–45. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2017.03.017>
- Lathey, G. (2016). *Translating Children's Literature*. London: Routledge.
- Leskinen, J. (1998). Miten vieraskielisiä imitatiiveja tunnustetaan? In R. Grünthal, & J. Laakso (Eds.), *Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii 16.5.1998* (pp. 310–315). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Lewis, M. (1970). *An Essay to facilitate the education of youth, by bringing down the rudiments of grammar to the sense of seeing*. London: C Whittingham.
- Lockwood, G., Hagoort, P., & Dingemanse, M. (2016). Synthesized Size-Sound Symbolism. In A. Papafragou, D. Grodner, D. Mirman, & J. Trueswell (Eds.), *Proceedings of the 38th Annual Meeting of the Cognitive Science Society (CogSci 2016)* (pp. 1823–1828). Austin, TX: Cognitive Science Society.
- Lyons, J. (1968). *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Maechler, M., Rousseeuw, P., Struyf, A., Hubert, M., & Hornik, K. (2019). *cluster: Cluster analysis basics and extensions. R package version 2.1.0*.
- Maltzman, I., Morrisett, L., & Brooks, L.O. (1956). An investigation of phonetic symbolism. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 53(2), 249–251. <https://doi.org/10.1037/h0048406>
- Martin, S.E. (1964). Speech levels in Japan and Korea. In D. Hymes (Ed.), *Language in Culture and Society: A reader in linguistics and anthropology* (pp. 407–415). New York: Harper and Row.
- McEnery, T., & Hardie, A. (2012). *Corpus linguistics: method, theory and practice. Cambridge Textbooks in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. (Available online at <http://corpora.lancs.ac.uk/clmtp/index.php>, Accessed on 2019–11–28).
- McGurk, H. & MacDonald, J. (1976). Hearing lips and seeing voices. *Nature*, 264, 746–748.
- McRae, K., Cree, G., Seidenberg, M., & McNorgan, C. (2005). Semantic feature production norms for a large set of living and non-living things. *Behavior Research Methods*, 37(4), 547–559. <https://doi.org/10.3758/BF03192726>
- Meara, P.M. (2009). *Connected words: Word associations and second language vocabulary acquisition*. John Benjamins Publishing. Co. <https://doi.org/10.1075/lllt.24>
- Meinard, M.E.M. (2015). Distinguishing onomatopoeias from interjections. *Journal of Pragmatics*, 76, 150–168. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.11.011>
- Mikone, E. (2002). *Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

- Monaghan, P., & Fletcher, M. (2019). Do sound symbolism effects for written words relate to individual phonemes or to phoneme features? *Language and Cognition*, 11(2), 235–255. <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.20>
- Moos, A., Smith, R., Miller, S.R., & Simmons, D.R. (2014). Crossmodal associations in synaesthesia: Vowel colours in the ear of the beholder. *i-Perception*, 5(2), 132–142. <https://doi.org/10.1068%2Fio626>
- Motamedi, Y., Little, H., Nielsen, A., & Sulik, J. (2019). The iconicity toolbox: Empirical approaches to measuring iconicity. *Language and Cognition*, 11(2), 188–207. <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.14>
- Mustajoki, A. (2012). A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. *Language and Dialogue*, 2, 216–243.
- Mustajoki, A. (2021). A multidimensional model of interaction as a framework for a phenomenon-driven approach to communication. *Russian Journal of Linguistics*, 25(2), 369–390.
- Newman, P. 1968. (1968). Ideophones from a Syntactic Point of View. *Journal of West African Languages*, 5(2), 107–119.
- Nikitina, T. (2012). Russian verboids: A case study in expressive vocabulary. *Linguistics*, 50(2), 165–189. <https://doi.org/10.1515/ling-2012-0007>
- Nuckolls, J.B. (1996). *Sounds like life: Sound-symbolic grammar, performance, and cognition in Pastaza Quechua*. New York: Oxford University Press.
- Nudds, M. (2001). Experiencing the production of sounds, *European Journal of Philosophy*, 9, 210–229.
- Nurse, G.T. (1974). Verb species relationships of some Nyanja ideophones. *African Studies (Johannesburg)*, 33(4), 227–242. <https://doi.org/10.1080/00020187408707437>
- O’Callaghan, C. (2007). *Sounds: A Philosophical Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- O’Callaghan, C. (2011). Lessons from beyond vision (sounds and audition). *Philosophical Studies*, 153(1), 143–160. <https://doi.org/10.1007/s11098-010-9652-7>
- O’Callaghan, C. (2012). Perception and multimodality. In E. Margolis, R. Samuels, & S. Stich (Eds.), *Oxford Handbook of Philosophy of Cognitive Science* (pp. 92–117). Oxford: Oxford University Press.
- O’Callaghan, C. (2021). Auditory Perception. In: E.N. Zalta (Ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2021 Edition). (Available online at <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/perception-auditory/>, Accessed on 2022–09–05).
- O’Reilly, M. (2005). “Active noising”: The use of noises in talk, the case of onomatopoeia, abstract sounds, and the functions they serve in therapy. *Text & Talk*, 25(6), 745–762. <https://doi.org/10.1515/text.2005.25.6.745>
- Oswalt, R.L. (1994). Inanimate imitatives in English. In L. Hinton, J. Nichols, & J.J. Ohala (Eds.), *Sound symbolism* (pp. 293–308).

- New York: Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511751806.020>
- Oxenham, A. (2018). How We Hear: The Perception and Neural Coding of Sound. *Annual Review of Psychology*, 69(1), 27–50.
<https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011635>
- Peirce, C.S.S., & Buchler, J. (1986). *Philosophical writings of Peirce*. New York: Dover Publications.
- Peterson, P. (1999): On the boundaries of syntax. In P. Collins, & D. Lee (Eds.), *The Clause in English* (pp. 229–250). Amsterdam: John Benjamins.
- Pharies, D.A. (1979). *Sound symbolism in the Romance languages (Unpublished doctoral dissertation)*. University of California, Berkeley.
- Pischedda, P.S. (2022). A Corpus-Based Study on the Translation of English Ideophones in Italian Picture Books: The Case of the Diary of a Wimpy Kid. *Languages (Basel)*, 7(3), 224–.
<https://doi.org/10.3390/languages7030224>
- Porretta, V., Kyröläinen, A., van Rij, J., & Järvikivi, J. (2016). *VWPre: Tools for preprocessing visual world data*. Version 1.2.3, updated 2020-03-08, Retrieved from <https://CRAN.R-project.org/package=VWPre>.
- Quirk, R. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. Harlow: Longman.
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1972). *A grammar of contemporary English*. London: Longman.
- R Core Team (2020). *R: A language and environment for statistical computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. <https://www.R-project.org/>.
- Rabaglia, C.D., Maglio, S.J., Krehm, M., Seok, J.H., & Trope, Y. (2016). The sound of distance. *Cognition*, 152, 141–149.
<https://doi.org/10.1016/j.cognition.2016.04.001>
- Ramachandran, V., & Hubbard, E. (2001). Synaesthesia – A window into perception, thought and language. *Journal of Consciousness Studies*, 8(12), 3–34.
- Révész, G. (1946). *Ursprung und Vorgeschichte der Sprache*. Bern: Francke.
- Rhodes, R. (1994). Aural images. In L. Hinton, J. Nichols, & J.J. Ohala (Eds.), *Sound symbolism* (276–292). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511751806.019>
- Samarin, W.J. (1965). Perspective on African ideophones. *African Studies*, 24, 117–121.
- Samarin, W.J. (1971). Survey of Bantu ideophones. *African Language Studies*, 12, 130–168.
- Sapir, E. (1921). *Language*. New York: Harcourt, Brace, and Co.
- Schürmann, M. (2010). Multimodal interactions: tactile-auditory. In E.B. Goldstein (Ed.). *Encyclopedia of perception, vol. I* (pp. 592–593). Thousand Oaks, California: Sage.

- Searle, J. R. (1969). *Speech acts: an essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University.
- Searle, J. R., & Vanderveken, D. (1985). *Foundations of illocutionary logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sekerina, I.A., Campanelli, L., & Van Dyke, J.A. (2016). Using the Visual World Paradigm to Study Retrieval Interference in Spoken Language Comprehension. *Frontiers in Psychology*, 7, 873–873. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00873>
- Shams, L. (2010). Multimodal interactions: visual-auditory. In E.B. Goldstein (Ed.). *Encyclopedia of perception, vol. I* (pp. 595–597). Thousand Oaks, California: Sage.
- Shams, L., Kamitani, Y., & Shimojo, S. (2002). Visual illusion induced by sound. *Cognitive Brain Research*, 14, 147–152.
- Shibatani, M. (1990). *The Languages of Japan*. Cambridge: University Press.
- Simner, J., Cuskey, C., & Kirby, S. (2010). What Sound Does That Taste? Cross-Modal Mappings across Gustation and Audition. *Perception (London)*, 39(4), 553–569. <https://doi.org/10.1068/p6591>
- Sasamoto, R. & Jackson, R. (2016). Onomatopoeia – Showing-word or Saying-word? Relevance Theory, lexis, and the communication of impressions. *Lingua*, 175-176, 36–53. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2015.11.003>
- Spence, C. (2010). Multimodal interactions: visual-haptic. In E.B. Goldstein (Ed.). *Encyclopedia of perception, vol. I* (pp. 597–599). Thousand Oaks, California: Sage.
- Teleman, U., Hellberg, S. & Andersson, E. (1999). *Svenska akademiens grammatik*. Stockholm: Svenska akademien.
- Tognini-Bonelli, T. (2001). *Corpus linguistics at work*. Amsterdam: John Benjamins.
- Trueswell, J.C., & Tanenhaus, M.K. (Eds.) (2004). *Approaches to Studying Word-Situated Language Use*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Tsuru, S., & Fries, H.S. (1933). A problem in meaning. *The Journal of General Psychology*, 8(1), 281–284. <https://doi.org/10.1080/00221309.1933.9713186>
- Tufvesson, S. (2011). Analogy-making in the Semai Sensory World. *The Senses & Society*, 6(1), 86–95. <https://doi.org/10.2752/174589311X12893982233876>
- van Rij, J., Wieling, M., Baayen, R., & van Rijn, H. (2017). *itsadug: Interpreting Time Series and Autocorrelated Data Using GAMMs. R package version 2.3*. Retrieved from <https://cran.r-project.org/package=itsadug>
- Vicente, A., & Falkum, I. (2017). Polysemy. In M. Aronoff (Ed.) *Oxford research encyclopedia of linguistics*. (Available online at <https://oxfordre.com/linguistics/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199384655-e-325>, Accessed on 2020-05-07).

- Viimaranta, J. (2015). *Verbal aspect in onomatopoeic interjections in Russian*, Paper presented on 13.12.2015 at Slavic Cognitive Linguistics Conference, Oxford, UK.
- Viimaranta, J. & Vihervä, M. (2019). The Use of Onomatopoeic Interjections in Predicate Function in Russian and Other Languages: A Perspective from the Corpus of Parallel Texts of the Russian National Corpus. *Scando-Slavica*, 65(2), 239–262. <https://doi.org/10.1080/00806765.2019.1672092>
- Vinson, D.P., & Vigliocco, G. (2008). Semantic feature production norms for a large set of objects and events. *Behavior Research Methods*, 40, 183–190. <https://doi.org/10.3758/BRM.40.1.183>
- Voeltz, E.F.K., & Kilian-Hatz, C. (2001). *Ideophones*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- von Staden, P.M.S. (1977). Some remarks on ideophones in Zulu. *African Studies (Johannesburg)*, 36(2), 195–224. <https://doi.org/10.1080/00020187708707502>
- Wallace, M.T. (2010). Multimodal integration: neural basis. In E.B. Goldstein (Ed.). *Encyclopedia of perception, vol. I* (pp. 585–588). Thousand Oaks, California: Sage.
- Wang, X. (2022). Sound symbolism in Chinese children’s literature. *Cognitive Linguistics*, 33(1), 95–120. <https://doi.org/10.1515/cog-2021-0019>
- Waugh, L., & Newfield, M. (1995). Iconicity in the lexicon and its relevance for a theory of morphology. In M.E. Landsberg (Ed.), *Syntactic Iconicity and Linguistic Freezes* (pp. 189–222). Berlin/Boston: De Gruyter Mouton.
- Weiss, J. H. (1963). Role of “meaningfulness” versus meaning dimensions in guessing the meanings of foreign words. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 66(6), 541–546. <https://doi.org/10.1037/h0044085>
- Westbury, C., Hollis, G., Sidhu, D.M., & Pexman, P.M. (2018). Weighing up the evidence for sound symbolism: distributional properties predict cue strength. *Journal of Memory and Language*, 99, 122–150. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2017.09.006>
- Wichmann, A. (2001). Spoken parentheticals. In K. Aijmer (Ed.), *A Wealth of English. Studies in Honour of Göran Kjellmer* (pp. 177–193). Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis.
- Wierzbicka, A., (2003). Interjections across cultures. In A. Wierzbicka (Ed.), *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction* (pp. 285–340). Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110220964.285>
- Wilkins, D. (1992). Interjections as deictics. *Journal of Pragmatics*, 18, 119–158
- Wöllstein, A., & Eisenberg, P. (2016). *Duden – die grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch*. Berlin: Dudenverlag.
- Wood, S.N. (2011). Fast stable restricted maximum likelihood and marginal likelihood estimation of semiparametric generalized linear models. *Journal of the Royal Statistical Society, Series B (Statistical*

Methodology), 73(1), 3–36. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9868.2010.00749.x>

- Zellner, D.A. (2010). Multimodal interactions: color-chemical. In E.B. Goldstein (Ed.). *Encyclopedia of perception, vol. I* (pp. 584–585). Thousand Oaks, California: Sage.
- Ziv, Y. (1985). Parentheticals and Functional Grammar. In A.M. Bolkestein, C. de Groot, & J.L. Mackenzie (Eds.), *Syntax and Pragmatics in Functional Grammar* (pp. 181–199). Dordrecht: Foris.
- Zwicky, A.M., & Pullum, G.K. (1987). Plain morphology and expressive morphology. In *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* (pp. 330–340), Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society.
- Александрова, О.В. (1984). *Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: учебное пособие*. Москва: Высшая школа.
- Андросова, Ф.С. (2014). *Авторские пунктуационные знаки в художественном тексте: функциональный аспект*. Дис. кандидата филологических наук. Якутск.
- Ахманова, О.С. (1974). *Словарь омонимов русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.
- Бабайцева, В.В. (2000). *Явление переходности в грамматике русского языка: монография*. Москва: Дрофа.
- Балясный, Б.И. (2019). О некоторых возможностях передачи эстонских смыслообразных звуков в художественном переводе на русский язык. *Ежегодник финно-угорских исследований*, 13 (1), 63–68.
- Барулина, Н.Н. (1982). *Принципы современной пунктуации с учетом коммуникативного аспекта языка*. Автореферат дис. кандидата филологических наук. Ленинград.
- Бондарко, Л.В. (1977). *Звуковой строй современного русского языка: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература»*. Москва: Просвещение.
- Бондарко, Л.В. (1990). Восприятие речи. В кн.: В.Н. Ярцева (ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия. <http://tapemark.narod.ru/les/o86f.html>
- Бредихин, С.Н., и Борисова, Т.Г. (2020). Специфика средств акцентуации в реализации перлокутивного эффекта детского поэтического текста. *Гуманитарные и юридические исследования*, 4, 183–192.
- Бурлак, С.А. (2019). *Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы*. Москва: Альпина нон-фикшн.
- Буслаев, Ф.И. (1959). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз.
- Валгина, Н.С. (1979). *Русская пунктуация: принципы и назначение: пособие для учителей*. Москва: Просвещение.

- Валгина, Н.С. (2003). *Современный русский язык. Синтаксис: учебник*. Москва: Высшая школа.
- Валгина, Н.С. (2004). *Актуальные проблемы современной русской пунктуации*. Москва: Высшая школа.
- Валгина, Н.С., и Светлышева, В.Н. (2001). *Орфография и пунктуация: справочник*. Москва: Неолит.
- Вашкявичус, В.Ю. (2011). *Экспериментально-теоретическое исследование восприятия и вербализации шумов: на материале кодифицированных и окказиональных звукоподражаний русского и китайского языков*. Дис. кандидата филологических наук. Бийск.
- Вежбицка, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
- Виймаранта, Й., Александрова, А.А., Богомолов, А.С., Пасмор, Е.С., и Тикканен, Л. (2016). «Водные» звукоподражания в финском и русском языках. *Язык и культура*, 1 (33), 6–24.
- Виймаранта, Й., и Протасова, Е. (2020). Глаголы падения в финском языке. *Acta Linguistica Petropolitana*, XVI (1), 389–434.
- Виноградов, В.В. (1947). *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. Москва; Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство.
- Виноградов, В.В. (1960). *Грамматика русского языка*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Власов, М.С., и Одончимэг, Т (2014). Фоносемантика звукоподражаний в монгольском и русском языках: от акустического денотата к окказиональной номинации. *Центрально-Азиатский журнал фундаментальных и прикладных исследований*, 1, 30–50.
- Воронин, С.В. (1982). *Основы фоносемантики: монография*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Востоков, А.Х. (1831). *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная*. Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова.
- Газов-Гинзберг, А.М. (1965). *Был ли язык изобразителен в своих истоках?* Москва: Наука.
- Германович, А.И. (1966). *Междометия русского языка: пособие для учителя*. Киев: Радянська школа.
- Гришина, Е.А. (2005). Устная речь в Национальном корпусе русского языка. В кн.: В.А. Плуиунгян (отв. ред.). *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*. Москва: Индрик, 2005, 94–110.
- Гришина, Е.А. (2017). *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения*. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Гришина, Е.А., и Савчук, С.О. (2009). Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура. В кн.: В.А. Плуиунгян (отв. ред.) *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009, 129–149.

- Грот, Я.К. (1899). Спорные вопросы русского правописания. В кн.: Я.К. Грот (ред.). *Труды Я.К. Грота. Том 2. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка (1852–1892)*. Санкт-Петербург.
- Ермакова, А.А., и Прокофьева, Л.П. (2020). Синестетические ассоциации в немецких и русских детских колыбельных. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, 2, 131–141.
- Ермакова, О.П. (2021). О роли прагматики в языковом выражении сходства. В кн.: А.Н. Еремин (ред.) *Проблемы лингвистической прагматики*. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 55–65.
- Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык.
- Ефремова, Т.Ф. (2006). *Современный толковый словарь русского языка в 3 томах*. Москва: АСТ, Астрель, Харвест.
- Журавлев, А.П. (1991). *Звук и смысл*. Москва: Просвещение.
- Журинский, А.Н. (1972). Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания (в применении к идеофону языка эве). *Проблемы африканского языкознания*. Москва: Наука, 95–124.
- Журковский, Б.В. (1968). *Идеофоны: сопоставительный анализ (на материале некоторых языков Африки и Евразии)*. Москва: Институт языкознания АН СССР.
- Зализняк, А.А. (1977). *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. Москва: Русский язык.
- Зализняк, А.А. (2004). Феномен многозначности и способы его описания. *Вопросы языкознания*, 2, 20–45.
- Зализняк, А.А. (2006). *Многозначность в языке и способы ее представления*. Москва: Языки славянских культур.
- Зализняк, А.А. (2010). *Грамматический словарь русского языка*. Москва: АСТ-Пресс Книга.
- Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., и Шмелев, А.Д. (2005). *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры.
- Зимняя, И.А. (2001). *Лингвopsихология речевой деятельности*. Москва; Воронеж: МОДЭК.
- Иванова, В.Ф. (1962). *История и принципы русской пунктуации: учебное пособие*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Иоанесян, Е.Р., и Дронов, П.С. (2020). Естественно-языковые номинации жестов с адапторами. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*, 30(6), 959–967.
- Исаченко, А.В. (1960). *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: часть 2*. Братислава: Издательство Словацкой академии наук.

- Ищук, Е.Н. (2015). Пунктуационный сценарий текста как критерий идентификации идиостиля автора. *Филология и человек*, 1, 117–123.
- Канерва, О. (2018). К вопросу о синтаксической обособленности звукоподражательных глагольных междометий. В кн.: Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья (ред.). *Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018*. Барселона: Trialba Ediciones, 1184–1192.
- Канерва, О., и Виймаранта, Й. (2018) Функциональная мотивация знаков препинания со звукоподражательными глагольными междометиями. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 52, 83–97.
- Канерва, О.А., и Протасова, Е.Ю. (2022). Звукоподражательные междометия в современной детской литературе. *Русистика без границ*, 4, 43–55.
- Карапетян, Г.К., и Шварцкопф, Б.С. (1990). Пунктуация. В кн.: В.Н. Ярцева (ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия. <http://tapemark.narod.ru/les/406a.html>
- Карцевский, С.О. (1984). Введение в изучение междометий. *Вопросы языкознания*, 6, 127–137.
- Карцевский, С.О. (1928). *Повторительный курс русского языка*. Москва; Ленинград: Государственное издательство.
- Киреева, Н.П. (2016). *Грамматический метод обучения русскому правописанию. Книга 2. Лекции по пунктуации*. Москва: Издательские решения.
- Князев, С.В., и Пожарицкая, С.К. (2011). *Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: учебное пособие для вузов*. Москва: Академический Проект; Гаудеамус.
- Кольцова, Л. М. (2010). Пунктуация поэтического текста в номинативно-прагматическом и коммуникативном аспекте. *Cuadernos de Rusística Española*, 6, 149–156.
- Кор Шаин, И. (2008). Плюх! – плюх – плюхнуть(ся). К вопросу об эволюции нарративных предикатов в свете корпусных данных. В кн.: А. Мустайоки, М.В. Копотев, Л.А. Бирюлин, Е.Ю. Протасова (ред.). *Инструментарий русистики: корпусные подходы*. Хельсинки: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 152–162.
- Коцарь, Э.Б. (1966). *Вводные слова и словосочетания, вводные предложения, вставные конструкции: учебно-методическое пособие для слушателей отделения повышения квалификации редакторов*. Москва.
- Кравцова, В.Ю. (2007). Экспериментальное исследование иконизма на материале звукоподражаний русского и китайского языков. *Альманах современной науки и образования*, 3–3, 108–110.
- Крейдли, Г.Е. (2002). *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение.

- Кривошеева, Е.И. (2011). Экспериментальное исследование восприятия японских звукоподражаний носителями русского языка. *Мир науки, культуры, образования*, 6–1, 326–328.
- Кривошеева, Е.И. (2014а). Экспериментальное исследование фоносемантических свойств звукоподражаний русского языка при восприятии носителями японского языка. *Вестник Тихоокеанского государственного университета*, 3, 195–202.
- Кривошеева, Е.И. (2014б). Экспериментально-теоретическое исследование восприятия русских звукоподражаний носителями японского языка. *Европейский журнал социальных наук*, 7–2, 260–266.
- Кривошеева, Е.И. (2019). Экспериментальное исследование межъязыкового иконизма в звукоподражаниях корейского и русского языков. *Казанская наука*, 5, 137–139.
- Кузнецов, С.А. (1998). *Большой толковый словарь русского языка: А-Я* Санкт-Петербург: Норинт.
- Кулагина, Д. (2021). *Новые русские междометия в социальных сетях (в сопоставлении с чешским языком)*. Магистерская дипломная работа. Брно: Масариков университет.
- Курашкина, Н.А. (2007). *Звукообозначения как репрезентация звукоосферы в языке: на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофононов*. Дис. канд. филол. наук. Ифа: Башкирский государственный университет.
- Леонтьев, А.А. (1997). *Основы психолингвистики*. Москва: Смысл.
- Лойтер, С. М. (2005). *Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору*. Петрозаводск: ПетРГУ.
- Лурия, А.Р. (1975). *Основные проблемы нейролингвистики*. Москва: Издательство московского университета.
- Ляшевская, О. Н., Плунгян, В. А., и Сичинава, Д. В. (2005) О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка. В кн.: В.А. Плунгян (отв. ред.) *Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы*. Москва: Индрик, 2005, 111–135.
- Маринченко, И.А., и Васильева, Е.В. (2020). Стилистические приемы использования звукоподражаний в детской художественной прозе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 13 (2), 113–117. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.21>
- Мещанинов, И.И. (1945). *Члены предложения и части речи*. Ленинград: Издательство АН СССР.
- Мустайоки А., и Копотев М. (2005). *Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления «стихийной» русской конструкции*. *Russian Linguistics*, 29(5-6), 1–38.
- Мустайоки, А., и Протасова, Е. (2007). Финские глаголы со значением плавания. В кн.: Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.) *Aquamotion. Глаголы передвижения в воде: лексическая типология*. Москва: Индрик, 380–405.
- Мхитарьян, Г.С. (2016) *Грамматический статус и функционирование глагольно-междометных форм в*

- современном русском языке. Дис. кандидата филологических наук. Пятигорск.
- Никунласси, А., и Протасова, Е. (2015). Финские глаголы, описывающие издаваемые животными звуки. В кн.: Е.В. Рахилина (сост.). *Глаголы звуков животных: типология метафор*. Москва: Языки славянской культуры, 178–195.
- Овсяннико-Куликовский, Д.Н. (1912). *Синтаксис русского языка*. Санкт-Петербург: Издательство Л.И. Овсяннико-Куликовской.
- Осипов, Б.И. (1992). *История русской орфографии и пунктуации*. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета.
- Панькина, Е.В. (2009). *Экспериментально-теоретическое исследование восприятия звукоподражаний в разносистемных языках иноязычными носителями: на материале русского, английского, алтайского и монгольского языков*. Дис. кандидата филологических наук. Кемерово: КГУ.
- Петренко, В.Ф. (2005). *Основы психосемантики*. Санкт-Петербург: Питер.
- Пешковский, А.М. (1914). *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Типография В.М. Саблина.
- Пешковский, А. М. (1928). *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва; Ленинград: Государственное издательство.
- Пешковский, А.М. (Парамонов, О.) (1930). Новые принципы в пунктуации (По поводу проекта Главнауки). *Русский язык в советской школе*, 4, 130-147.
- Пирс, Ч. (2000). *Начала прагматизма*. Перевод с английского, предисловие В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. Санкт-Петербург: Лаборатория метафизических исследований философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Алетейя.
- Плунгян, В.А. (2018). Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста. *Слово.ру: балтийский акцент*, 9 (1), 7–12. DOI:10.5922/2225-5346-2018-1-1.
- Плунгян, В.А., Резникова, Т.И. и Сичинава, Д.В. (2005). Национальный корпус русского языка: общая характеристика. *Научно-техническая информация*, 2 (3), 9–13.
- Поливанов, Е.Д. (1933). *Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком*. Москва; Ташкент: Государственное издательство УзССР.
- Поливанов, Е.Д. (1968). *Статьи по общему языкознанию*. Москва: Наука.
- Потебня, А.А. (1941). *Из записок по русской грамматике. Том 4. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог*. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Прокопович, Е.Н. (1965). Глагольно-междометные формы в русском литературном языке XIX в. *Вопросы языкознания*, 1, 76-81.

- Прокопович, Е.Н. (1982). *Глагол в предложении: Семантика и стилистика видов-временных форм*. Москва: Наука.
- Протасова, Е., и Шмелев, А. (1998). «Хмыканье» и «меканье» в русской речи. *Aikalainen*. CD-ROM. Helsinki: Point.
- Рахилина, Е.В., Кустова, Г.И. Ляшевская, О.Н., Резникова, Т.И., и Шеманаева, О.Ю. (2009). Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ. В кн.: В.А. Плуиный (отв. ред.). *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009, 215–239.
- Розенталь, Д.Э., Голуб, И.Б., и Теленкова, М.А. (2010). *Современный русский язык*. Москва: Айрис-пресс.
- Розенталь, Д.Э., Джанджакова, Е.В., и Кабанова, Н.П. (1999). *Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию*. Москва: ЧеРо.
- Савчук, С.О. (2005). Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции. В кн.: В.А. Плуиный (ред.) *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*. Москва, 2005, 62–88.
- Сергеева, М.Э. (2002). *Экспериментально-теоретическое исследование фонологизации шумов в русском и английском языках (на материале кодифицированных и окказиональных звукоподражаний)*. Дис. канд. филол. наук. Кемерово: КГУ.
- Середа, Е.В. (2005). *Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие*. Москва: Флинта: Наука.
- Сигал, К.Я. (2022). Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века: основные тенденции. *Научный диалог*, 11 (2), 94–121. Doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-94-121.
- Скаличка, В. (1967). Исследование венгерских звукоподражательных выражений. В кн.: Кондрашов Н.А. (составитель и редактор). *Пражский лингвистический кружок: сборник статей*. Москва: Прогресс.
- Смирницкий, А.И. (1959). *Морфология английского языка*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках.
- Соколова, А.В. (2015). Ономатопоэтические имена персонажей-животных детской литературной сказки. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*, 3, 88–94.
- Тошович, Б. (2006). *Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков*. Москва: Языки славянской культуры.
- Федорова, О.В. (2008). Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций. *Вопросы языкознания*, 6, 98–120.
- Фещенко, В.В. (2022). *Язык в языке. Художественный дискурс и основания лингвоэстетики*. Москва: НЛЮ.

- Хвостунова, Т.И. (2000). Место глагольно-междометных форм в переходной зоне между глаголами и звукоподражательными междометиями. *Вестник Мордовского университета*, 1 (2), 72–77.
- Чеснокова, Л.Д. (1991). *Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора: учебное пособие для студентов-филологов*. Москва: Высшая школа.
- Чистович, Л.А. (1990). Восприятие речи. В кн.: В.Н. Ярцева (ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия. <http://tapemark.narod.ru/les/o86f.html>
- Шанский, Н.М., и Тихонов, А.Н. (1987). *Современный русский язык. Часть 2. Словообразование. Морфология*. Москва: Просвещение.
- Шапиро, А.Б. (1955). *Основы русской пунктуации*. Москва: Издательство АН СССР.
- Шаронов, И.А. (2008). *Междометия в речи, тексте и словаре*. Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета.
- Шахматов, А.А. (1925–1927). *Синтаксис русского языка. Выпуск 2*. Ленинград: Академия наук СССР.
- Шварцкопф, Б.С. (1988). *Современная русская пунктуация: система и ее функционирование*. Москва: Наука.
- Шведова, Н.Ю. (1980). *Русская грамматика*. Москва: Наука.
- Шляхова, С.С. (2004). *Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий*. Пермь: Пермский государственный педагогический университет.
- Шляхова, С.С. (2006). *Фоносемантические маргиналии в русской речи: диссертация ... доктора филологических наук*. Пермь.
- Шляхова, С.С. (2018). О состоянии фоносемантики в России. Часть первая. *Вопросы психолингвистики*, 1, 99–114.
- Шляхова, С.С. (2019). О состоянии фоносемантики в России. Статья вторая. *Вопросы психолингвистики*, 1, 232–251.
- Шляхова, С.С. (2020). О состоянии фоносемантики в России. Статья третья. *Вопросы психолингвистики*, 2, 124–145.
- Щерба, Л.В. (1928). О частях речи в русском языке. В кн.: Л.В. Щерба (ред.). *Русская речь*. Ленинград: Academia, 5–27.
- Щерба, Л.В. (1935). Пунктуация. В кн.: П.И. Лебедев-Полянский, А.В. Луначарский, И.М. Нусинов, В.Ф. Переверзев, И.А. Скрышник (ред.) и В.М. Фриче (отв. ред.). *Литературная энциклопедия в 11 томах. 1929–1939. Том 9*. Москва: Советская энциклопедия, 1935, 366–370. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-3661.htm>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. ЗГМ и соответствующие им однокоренные глаголы и существительные

		Глагол		Существительное
		несоверш. вид	соверш. вид	
1.	<i>апчи</i>	—	—	—
2.	<i>ах (ах-ах)</i>	ахнуть	ахать	ахание
3.	<i>бах</i>	бахать/-ся	бахнуть/-ся	бахание
4.	<i>бабах</i>	бабахать/-ся	бабахнуть/-ся	бабахание
5.	<i>бац</i>	бацать/-ся	бацнуть/-ся	—
6.	<i>бом</i>	—	—	—
7.	<i>бряк</i>	брякать/-ся	брякнуть/-ся	бряк, брякание
8.	<i>бултых</i>	бултыхать/-ся	бултыхнуть/-ся	бултыхание
9.	<i>буль-буль</i>	булькать	булькнуть	булькание
10.	<i>бум</i>	—	—	—
11.	<i>бух</i>	бухать/-ся	бухнуть/-ся	бухание
12.	<i>вжик</i>	вжикать	вжикнуть	вжикание
13.	<i>грох</i>	грохать/-ся, грохотать/грохотить	грохнуть/-ся, грохотнуть	грохот, грохотание, грохочение
14.	<i>динь-динь</i>	динькать	—	—
15.	<i>дон</i>	—	—	—
16.	<i>жжик</i>	—	—	—
17.	<i>звяк</i>	звякать	звякнуть	звяк, звякание, звон
18.	<i>ик</i>	икать/-ся	икнуть/-ся	икание/иканье, икота
19.	<i>кап</i>	капать	капнуть	капание, капля, капель
20.	<i>паф</i>	—	—	—
21.	<i>пафф</i>	—	—	—
22.	<i>пиф-паф</i>	—	—	—
23.	<i>плюх</i>	плюхать/-ся	плюхнуть/-ся	плюхание

		Глагол		Существительное
		несоверш. вид	соверш. вид	
24.	<i>пых</i>	пыхать, пыхтеть	пыхнуть	пыхтение
25.	<i>скрип</i>	скрипеть	скрипнуть	скрип, скрипение
26.	<i>стук</i>	стукать/-ся	стукнуть/-ся	стук, стукание, стукотня, стукоток
27.	<i>трах</i>	трахать/-ся	трахнуть/-ся	—
28.	<i>трах-тарарах</i>	—	—	—
29.	<i>тарарах</i>	тарарахать	тарарахнуть/-ся	—
30.	<i>тик</i>	тикать	тикнуть	тикание
31.	<i>тик-так</i>	—	—	—
32.	<i>топ</i>	топать	топнуть	топание, топот, топотня
33.	<i>трень-брень</i>	тренькать	тренькнуть	тренькание
34.	<i>тук (тук-тук)</i>	тукать/-ся	тукнуть/-ся	туkanie
35.	<i>тюк</i>	тюкать/-ся	тюкнуть/-ся	тюkanie
36.	<i>тю-тю</i>	—	—	—
37.	<i>тяп</i>	тяпать	тяпнуть/-ся	тяпание
38.	<i>ух</i>	ухать	ухнуть/-ся	ухание
39.	<i>фу</i>	фукать	фукнуть	фукание
40.	<i>фук</i>	фукать	фукнуть	фукание
41.	<i>фью (фью-фью)</i>	—	—	—
42.	<i>фюють (фюють)</i>	—	—	—
43.	<i>хлест</i>	хлестать/-ся	хлестнуть/-ся	хлестание, хлѣст
44.	<i>хлесть</i>	хлестать/-ся	хлестнуть/-ся	хлестание, хлѣст
45.	<i>хлобысть</i>	хлобыстать	хлобыстуть/-ся	хлобыстание
46.	<i>хлоп</i>	хлопать/-ся	хлопнуть/-ся	хлопание, хлопок
47.	<i>хлысть</i>	хлыстать/-ся	хлыстнуть/-ся	хлыстание, хлыст
48.	<i>хлюп</i>	хлюпать/-ся	хлюпнуть/-ся	хлюпание
49.	<i>хляск</i>	хляскать	хляснуть	хляскание
50.	<i>хлясть</i>	хлястать	хлястнуть	хлястание
51.	<i>хрясь</i>	хряскать	хрястнуть/-ся	хряст, хряск
52.	<i>хруп</i>	хрупать, хрумкать	хрупнуть	хрупание
53.	<i>хрусть</i>	хрустеть	хрустнуть	хруст, хрустение

		Глагол		Существительное
		несоверш. вид	соверш. вид	
54.	<i>хрясть</i>	хряска́ть, хряпа́ть, хряста́ть	хря́кнуть/-ся	хря́ск, хря́ст
55.	<i>цок</i>	цока́ть, цокота́ть	цо́кнуть	цо́кание, цо́кот
56.	<i>чик</i>	чика́ть	чи́кнуть	чи́кание
57.	<i>чирик</i>	чирка́ть	чи́ркнуть	чи́ркание
58.	<i>чирк</i>	чирка́ть	чи́ркнуть	чи́ркание
59.	<i>чих</i>	чиха́ть/-ся	чихну́ть/-ся	чих, чиха́ние
60.	<i>чмок</i>	чмока́ть/-ся	чмо́кнуть/-ся	чмо́кание
61.	<i>чок</i>	чока́ть/-ся	чо́кнуть/-ся	чо́кание
62.	<i>шарах</i>	—	шара́хнуть	—
63.	<i>шарк</i>	шарка́ть	ша́ркнуть	ша́ркание
64.	<i>шварк</i>	шварка́ть/-ся	шва́ркнуть/-ся	шва́ркание
65.	<i>шлеп</i>	шлапа́ть/-ся	шле́пнуть/-ся	шлепа́ние, шле́пок, шле́потня
66.	<i>ши</i>	шика́ть	ши́кнуть	ши́кание
67.	<i>шмыг</i>	шмыга́ть	шмы́гнуть	шмы́гание
68.	<i>шмяк</i>	шмяка́ть/-ся	шмя́кнуть/-ся	шмя́кание
69.	<i>шорк</i>	шорка́ть	шо́ркнуть	шо́ркание
70.	<i>шу-шу</i>	шу́шукать/-ся	—	шу́шукание
71.	<i>щелк</i>	щелка́ть/-ся	щелкну́ть/-ся, щелкано́уть	щелка́ние, щелкото́ня

Примечание. ЗГМ, однокоренные глаголы и существительные для каждого из них взяты из толково-словообразовательного словаря Ефремовой (Ефремова 2000)

Приложение 2. Стимульные слова для парадигмы «визуального мира», их значение и контексты употребления

	Слово	Значение	Примеры
1.	<i>ам</i>	звук, возникающий при кусании, хватании ртом	Тогда Серёжа дал крылья крокодилу и велел отогнать слона от солнышка. — <i>Ам!</i> — облизнулся крокодил и съел слона вместе с солнцем. (А. В. Лисаченко «Алфавитные сказки», 2015)
2.	<i>апчхи</i>	звук чихания	— <i>Апчхи</i> , — элегантно чихал он в очередной клетчатый платок и выкидывал его в урну. (Н. Абгарян «Всё о Манюне», 2012)
3.	<i>бах</i>	низкий, глухой отрывистый звук, который возникает при ударе, выстреле или падении	Вбежали, по прилавкам — <i>бах!</i> Прилавки вдребезги. (Е. Хаецкая. «Синие стрекозы Вавилона» / «Девочки из колодца», 2004)
4.	<i>бац</i>	резкий и короткий звук, который возникает при ударе или выстреле	И вот даю я ей сама повод, который она выискивает: сделала вид, что ловлю муху, рукой <i>бац</i> по тарелке — тарелка на пол и вдребезги. (Б. Вахтин «Надежда Платоновна Горюнова», 1980)
5.	<i>бом</i>	низкий, гулкий звук, который возникает при ударе колокола	И, поверьте на слово, в этот момент, когда я падал на вылизанный паркет в кабинете комполка, в голове моей громко-громко раздается: «Вечерний звон, <i>бом-бом</i> ». (А. Лукьянов «Палка // «Октябрь», 2001)
6.	<i>брень</i>	звук струнного музыкального инструмента	Кое-что в этой области тобой уже сделано — вот, например, картина с тройкой или эти цимбалы — <i>брень-брень!</i> (В. Пелевин «Девятый сон Веры Павловны», 1991)
7.	<i>бряк</i>	звук, который возникает в результате удара металлических или стеклянных предметов	— слышалось в спальне в то время, когда Павел Иванович срывал с себя сюртук и жилет. — Посуда не посуда, <i>бряк</i> обземы!.. Больше нам забот нету... (Г. Успенский. «Наблюдения Михаила Ивановича» / Из цикла «Разоренье», 1869)
8.	<i>бултых</i>	звук, который возникает при падении в воду твёрдого или тяжёлого предмета	Бойе приосел в осоке, пополз к урезу берега, вдруг пружинисто взметнулся, <i>бултых</i> в воду! (В. П. Астафьев «Бойе», 2015)

	Слово	Значение	Примеры
9.	<i>буль-буль</i>	звук жидкости, которая выливается из узкого сосуда, или звук падающего в воду предмета	Был когда-то замполит, был и — <i>буль-буль</i> — утоп в море. (Г. Сабуров «Пешком по волнам» // «Звезда», 2002)
10.	<i>бух</i>	глухой, отрывистый звук, возникающего от удара, выстрела или падения	« <i>Бух!</i> » — снежная глыба с ветки на голову — вот тебе Рождество (М. Пришвин «Дневники», 1924)
11.	<i>вжик</i>	короткий резкий звук высокого тона, жужжание	Слышу: <i>вжик! вжик! вжик!</i> — пчелы так и шныряют туда и обратно, так и шныряют. (Ф. Искандер «Сандро из Чегема», 1989)
12.	<i>грох</i>	звук, который возникает при падении, сопровождающийся грохотом	[...] ну, думаю, конец мой идет, из ума совсем вышибли, ноги подламываются, я <i>грох</i> об землю: глаза у меня стали мертвые, лицо синее, дыхания нет, у рта пена. (Ф. Достоевский «Записки из Мертвого дома», 1862)
13.	<i>диль-диль</i>	звук колокольчика, звук удара о металлическое, стеклянное	Разочек хохотнула, колокольчиком таким <i>диль-диль</i> , это он типа пошутит. (М. Кучерская «Тетя Мотя» // «Знамя», 2012)
14.	<i>дон</i>	звон, издаваемый колоколом или другими металлическими предметами	Вот она, чугунка... Чад, разноголосый грохот, плавный полет крана... Бахирев пошел навстречу крану, и сверху раздался предупреждающий, отрывистый звук колокола: <i>дон!</i> .. <i>дон!</i> .. (Г. Николаева «Битва в пути», 1959)
15.	<i>звяк</i>	отрывистый звонкий звук, который возникает при ударе по металлическим или стеклянным предметам	Арестанты в тюремных бушлатах, в ножных кандалах подносят снаряды: кандалы — « <i>звяк-звяк</i> ». (В. Шишков «Емельян Пугачев», 1939–1945)
16.	<i>кап</i>	звук падающей капли	Со свесившегося конца тряпки медленно капала на земляной пол вода: <i>кап! кап!</i> — отмеряла минуты. (Г. Яхина «Дети мои», 2018)
17.	<i>ляп</i>	звук удара, стука	Пускай они себе там учатся, а тут детишки пятилетние, не подозревая, откуда я к ним пришла, <i>ляп-ляп</i> — по голени, <i>ляп-ляп</i> — ладошками, резвились вовсю на воле. (Н. Мордюкова «Казачка», 2005)
18.	<i>ом-ом</i>	поглощение еды	В нас людях вы подмечайте это! ведь интересно делиться/ что каждый из нас увидел необычного вот в том/ что нас окружает/ в том с кем и с чем мы общаемся/ вот/ вы берёте свои мисочки/ да/ вот/ с сухофруктами/ с

	Слово	Значение	Примеры
			орехами/ это всё дары земли/ и вот эти щедрые дары земли/ [...] Приятного аппетита! <i>Ом!</i> (Речь перед спортсменами, 2001)
19.	<i>пиф-паф</i>	звук выстрела	Комиссар дёрнулся, обернулся на крик, но было поздно. — <i>Пиф-паф!</i> Выстрел прозвучал, как хлопок петарды. (Д. Колодан, К. Шаинян «Затмение», 2007)
20.	<i>плюх</i>	звука, который возникает при падении предмета плашмя, звук при движении жидкости, плеск	Они это называли игрой в «блинчики», чтобы новость — как камешек по воде « <i>плюх-плюх-плюх</i> ». (А. Гаврилов «Средства осмысления жизни» // «Отечественные записки», 2003)
21.	<i>порх</i>	шум от трепетания крыльев птицы	— закрякала Уточка. <i>Порх</i> с воды и улетела. За зиму-то у нее крыло зажило и новые перышки отросли. (В. В. Бианки «Лесные были и небылицы», 1923–1958)
22.	<i>пых</i>	звук вырывающейся струи воздуха или пара, яркая вспышка света	Но вдруг теряет сознание, комом падает в пламя. <i>Пых</i> и — конец. (В. Шишков «Угрюм-река», 1913–1932)
23.	<i>свись</i>	свист, звук при резком движении или рассекании воздуха	Кресалом чиркнул, а пуля — <i>свись</i> в бруствер. (Ю. Бондарев «Горячий снег», 1969)
24.	<i>скрип</i>	резкий звук, который возникает при трении, сжатии	<i>Скрип-скрип</i> ... Петли качелей американского образца успели чуть-чуть заржаветь и теперь поскрипывали совсем как те, на которых Настя каталась в детстве в парке Горького. (К. Яхонтова «Смятение Анастасии», 1996–1998)
25.	<i>тик-так</i>	звук часов	Смотришь на них и заряжаешься молодостью. А часики — <i>тик-так, тик-так</i> . И вовсе это не часики, а бомба с часовым механизмом. (А. Мацанов «Бабник» // «Ковчег», 2012)
26.	<i>топ-топ</i>	звук хождения или передвижения, топотанье	— Едва мы за порог, а она в село ближайшее резвыми ножками — <i>топ-топ-топ?</i> (Г. Яхина «Дети мои», 2018)
27.	<i>трах</i>	резкий треск, сильный грохот или шум	[...] <i>трах</i> горшок об лоб: горшок разбил, а тесто ему и потекло и в глаза и в ноздри. (Н. Лесков «Очарованный странник», 1873)
28.	<i>тресь</i>	звук удара, стука, также треск, хруст	— Он вам переломает все стулья. Сядет, шутите — восемь пудов, оно — <i>тресь</i> и развалилось. (В. Лихоносос «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж», 1983)

	Слово	Значение	Примеры
29.	<i>ту-ту</i>	звук гудка (паровоза)	Делайте что хотите. А я играю в паровозик: <i>ту-ту-ту-ту-у-у-у-у-у-у-у-у-у!</i> .. (А. Волос «Недвижимость» // «Новый Мир», 2001)
30.	<i>тук-тук</i>	короткий, отрывистый удар или стук	Что окажется на картинке? — <i>Тук-тук</i> , кто в домике живёт? — тихо добавила Орли. (А. Иванов «Комьюнити», 2012)
31.	<i>ух-ух</i>	удар, падение, выстрел, который сопровождается сильным и глухим звуком	Изредка стреляли пушки: <i>ух — ах, —</i> и каждый раз взлетали стаи галок. (А. Толстой «Похождения Невзорова, или Ибикус», 1924)
32.	<i>фью-фью</i>	свист, звук при резком движении воздуха, порхание	<i>Фью</i> — туда к черту... <i>бу-ме-ран!</i> .. (С. Сергеев-Ценский «Движения», 1909–1910)
33.	<i>хлесть</i>	звук резкого, хлёсткого удара	— Мы-то плачем, у Гроба Господня, а они с мечами... да с бечами... — <i>хлесть-хлесть!</i> И выстегнули. (И. Шмелев «Лето Господне», 1927–1944)
34.	<i>хлоп</i>	звук удара, хлопка, выстрела	Тот блеск любил, пышность... Снегурочек рубенсовских статей — в «Волгу» не влезали... Огня бенгальские, шары, гирлянды с фокусами, хлопушки... <i>Хлоп! Хлоп!</i> Пробка в потолок! Ш-ш-ш... (Г. Попов «Елочка» // «Труд», 01.01.1988)
35.	<i>хлобысь</i>	звук, который возникает при падении или ударе	И вот она, француженка, вся из себя пикантная, вся во французских духах и вся, можно сказать, в шанели номер 5, а ей на спину мешок с картошкой — <i>хлобысь!</i> (Л. Измайлов «Наши женщины», 1984)
36.	<i>хрусть</i>	треск, хруст от разрушения чего-либо сухого, ломкого, хрупкого	Выперся как-то. Ноги не держат. Тащусь дальше. Слышу — <i>хрусть</i> . Чтой-то?.. Костыль треснул. (А. Трушкин «208 избранных страниц», 1990–2002)
37.	<i>хлюп</i>	звук всплеска	Вот незримый оператор прижимается к стене, пропускает своих спутников вперед: их там трое, и они массивны, толсты, неуклюжи в тугих мешках своих резиновых комбинезонов, в кислородных масках — чисто водолазы. <i>Хлюп-хлюп, хлюп-хлюп</i> . (С. Самсонов «Кислородный предел», 2008–2009)
38.	<i>цвирк</i>	звук вырывающейся под давлением струи жидкости	— Чего ты? — <i>Равномерное цвирканье</i> молока по ведру прекратилось. (Ю. Казаков «Странник», 1956)

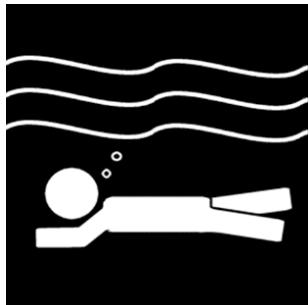
	Слово	Значение	Примеры
39.	<i>чирк</i>	звук удара, стука с царапаньем или скрежетом	Слышны лишь звуки чиркающих о коробок спичек. <i>Чирк-чирк</i> . Что ты наделал паук? (А. Котюсов «Дело о помидорах» // «Волга», 2012)
40.	<i>чих</i>	звук чихания	Когда под диван смеешься, оттуда в ответ всегда пыль вылетает. — После таких переживаний... <i>чих!</i> — чихает папа, — надо подкрепиться. (О. Кургузов «Надоело летать!» // «Трамвай», 1991)
41.	<i>цок-цок</i>	звонкий, отрывистый звук, который возникает при ударе	« <i>Цок-цок-цок</i> » — стучал бы Ослик копытцами (С. Козлов «Правда, мы будем всегда?»), 1969–1981)
42.	<i>чебурах</i>	звук при ударе или падении	У нас был капитан Земель-Луков, так его на параде вот эдак-то хватило. <i>Чебурах</i> наземь и — вчистую! — Умер? (М. Горький «Жизнь Матвея Кожемякина», 1910)
43.	<i>чмок</i>	звук, который возникает при поцелуе	— и <i>чмок</i> в сахарные губки вне зависимости от пола, возраста и общественного положения. (Ю. Енцов «Пятая колонка» // «Столица», 10.06.1997)
44.	<i>чух-чух</i>	звук вырывающейся струи воздуха или пара (у поезда)	В такт этим отсекаемым в воздухе рывкам дыма паровоз натужно пыхтит: <i>чух! чух! чух!</i> (А. Ким «Мое прошлое» // «Октябрь», 1998)
45.	<i>шарах</i>	звук неожиданного, сильного удара, броска, выстрела	А тут «юнкерс» налетел, восемьдесят седьмой, «лапотник» мы его звали, тоже злой был, бомбочкой по нам — <i>шарах!</i> (Г. Владимов «Генерал и его армия», 1994)
46.	<i>шварк</i>	неожиданное, резкое бросание, швыряние или удар	Мужичонка — <i>шварк</i> чемодан на тротуар и бежать. (Ю. Жуковская, Д. Завгородняя, В. Марков, Л. Павленко «Как мы нарывались на грубость» // «Комсомольская правда», 06.2006).
47.	<i>шлеп</i>	звук, который возникает при шлепке или падении, звук хождения, передвижения (по грязи)	В шапке и ботинках Ваня и прошелся по деревне. — Как сейчас помню — <i>шлеп! шлеп!</i> по лужам. (Д. Каралис «Автопортрет», 1999)
48.	<i>шмяк</i>	звук удара по упругому, звук падения	Скучно глядя веселым глазом в камеру, поет: «Я мышка, хвостиком бяк-бяк-бяк, яичко со столика <i>шмяк-шмяк-шмяк</i> ». (Л. Измайлов «Приключения курочки Рябы, происшедшие с ней по заказу Центрального телевидения», 1993–2000)

	Слово	Значение	Примеры
49.	<i>шу-шу</i>	звуки разговора шепотом, тайная речь	Приехал с какой-то барыней да и околачивается третью неделю, а прислуга <i>шу-шу, шу-шу...</i> Оказалось, что Вася состоит при барыне аманом и чуть что напроказит, она сапоги с него снимет, а потом не велит обеда подавать. (Д. Мамин-Сибиряк «Клад», 1889)
50.	<i>щелк</i>	срабатывание механизма, которое сопровождается коротким, отрывистым звуком	Генерал встает из-за стола, вынимает из кармана ключ и идет к двери — <i>щелк, щелк!</i> (Е. и В. Гордеевы «Не все мы умрем», 2002)

Примечание. 1. Для определения семантики слов использовался толковый-словообразовательный словарь Ефремовой (Ефремова 2000) и словарь фоносемантических единиц Шляховой (Шляхова 2004). Слово *ом-ом* рассматривается в качестве близкого по значению с *ам* (см. Канерва 2020). Словарь Шляховой (Шляхова 2004) определяет семантику слова *цвирк* как «звук вырывающейся струи жидкости под давлением воздуха, пара», но мы посчитали, что *цвирк* более удачно имитирует звук вырывающейся тонкой струйки жидкости, например, из шприца, и использовали его. 2. Все примеры, иллюстрирующие контекстуальное употребление слов, взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, <https://ruscorpora.ru/>).

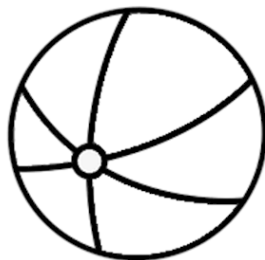
Приложение 3. Стимульный материал для эксперимента по отслеживанию движений глаз

Четверка изображений для слова *буль-буль*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *буль-буль*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rarinet.net; Sclera (А, Б, В и Г); Б является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *тик-так*

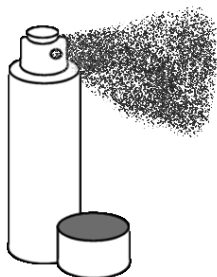

MA	TI	KE	TO	PE	LA	SU
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31	1	2	3	4

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *тик-так*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Paxtoncrafts Charitable Trust (А), Sergio Palao / ARASAAC (Б), Elina Vanninen, изм. Rapunet (В) и Elina Vanninen (Г); А и Б является отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *алчи*

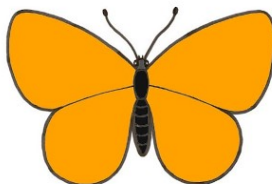
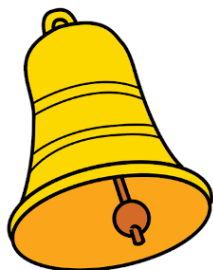
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *алчи*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка *rapunet.net*; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, Г), Sclera (В); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *брень*

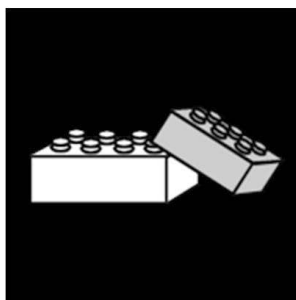
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *брень*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В, Г). Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *бом*

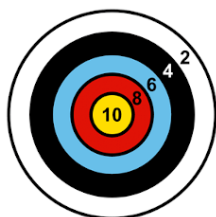
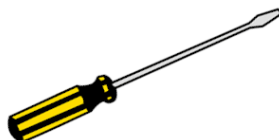
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *бом*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б), Elina Vanninen (В, Г); В является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *свись*

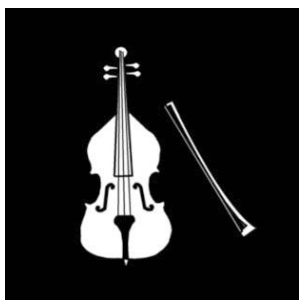
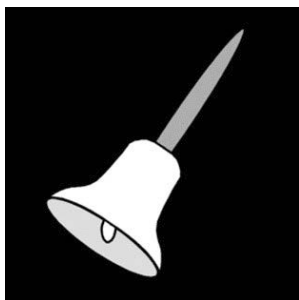
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *свись*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А), Sclera (Б, В, Г); А, Б, В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *фью-фью*

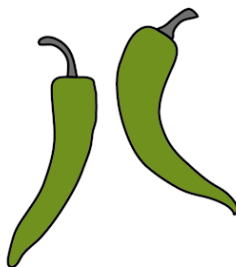
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *фью-фью*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rарupnet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В, Г); А и Б являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *диль-диль*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *диль-диль*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, В, Г); А и Б являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *шлеп*

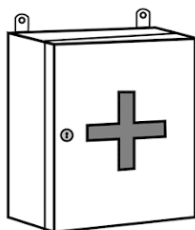
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *шлеп*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А), Kuvako (Б), Heidi Ahlström (В), Paxtoncrafts Charitable Trust (Г); А и Б являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *порх*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *порх*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б), Sclera (В), Elina Vanninen (Г); А, Б и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *чих*

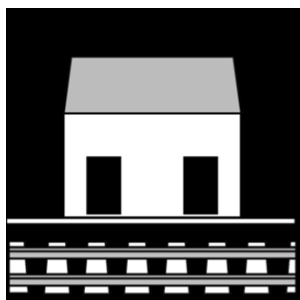
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *чих*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Kuvako (А), Sergio Palao / ARASAAC (Б, В), Paxtoncrafts Charitable Trust (Г); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *бултых*

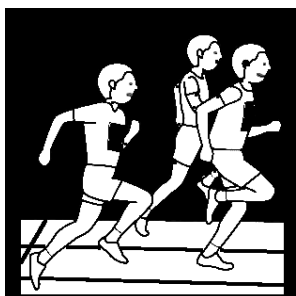
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *бултых*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В), Elna Vanninen (Г); Б является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова чух-чух

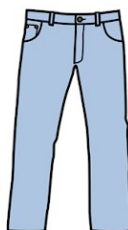
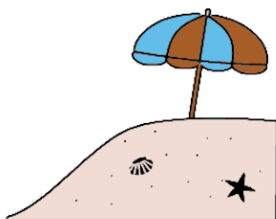
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова чух-чух; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, В, Г); Б и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *плюх*

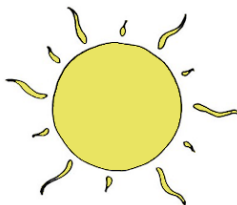
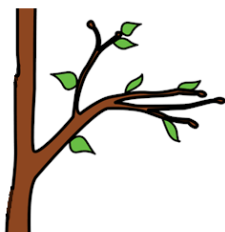
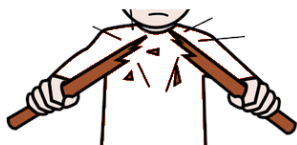
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *плюх*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, Г), Sergio Palao / ARASAAC (В); А, Б и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *хлюп*

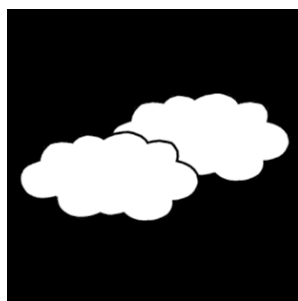
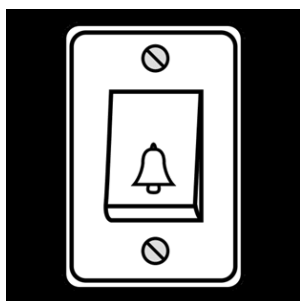
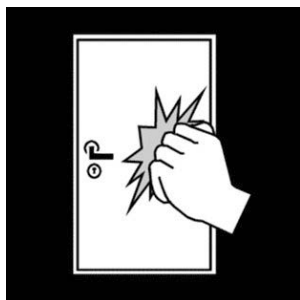
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *хлюп*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, Г), Sclera (В); А, Б и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *хрусть*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *хрусть*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC, изм. rapunet.net (А), Sergio Palao / ARASAAC (Б, В), Annakaisa Ojanen (Г); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *тук-тук*

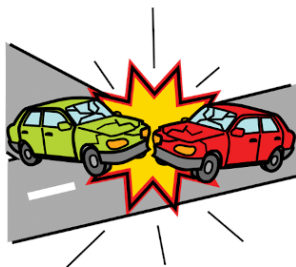
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *тук-тук*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, В, Г); В является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *скрип*

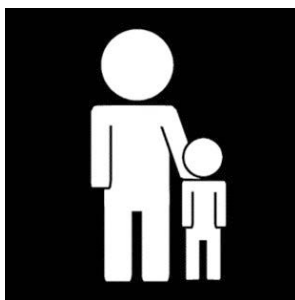
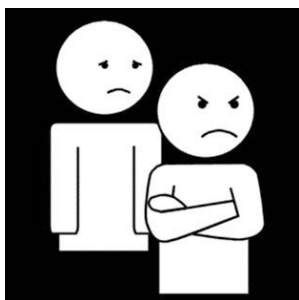
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *скрип*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, В, Г); А, Б и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова **бах**

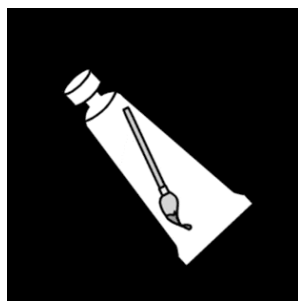
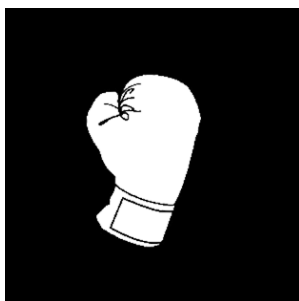
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова **бах**; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б), Kuvako (В), Annakaisa Ojanen (Г); Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *ляп*

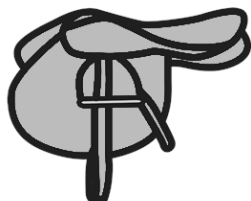
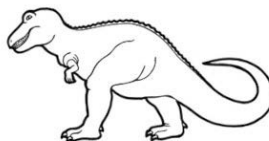
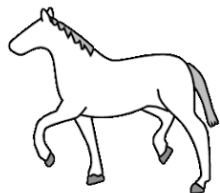
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *ляп*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А), Sclera (Б, В, Г); А и Б являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова бух

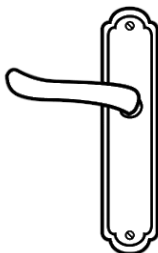
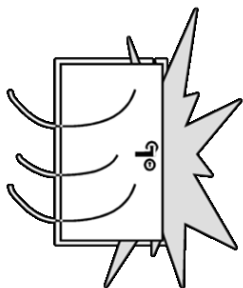
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова бух; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, Г), Sergio Palao / ARASAAC (В); А и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *цок*

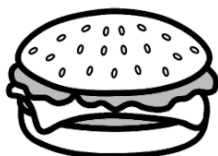
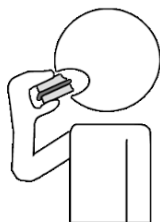
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *цок*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка papunet.net; Sclera (А, Г), Elina Vanninen (Б), Paxtoncrafts Charitable Trust (В); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *шварк*

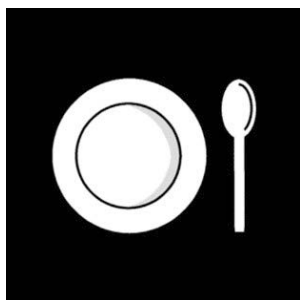
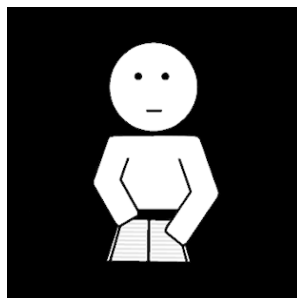
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *шварк*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Г), Sergio Palao / ARASAAC (Б, В); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *ам*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *ам*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, Г), Paxtoncrafts Charitable Trust (В); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *ом*

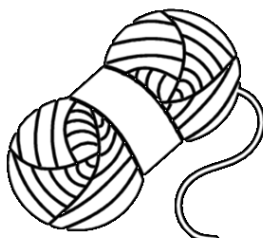
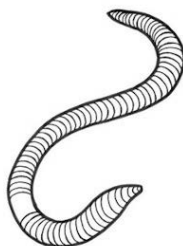
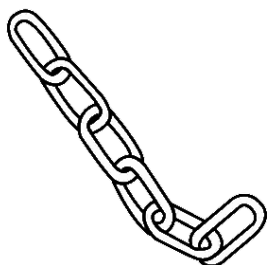
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *ом*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, В, Г); Б является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *чмок*

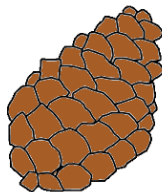
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *чмок*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, В, Г). Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *звяк*

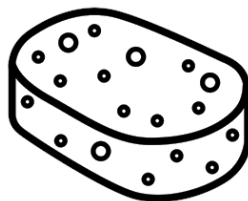
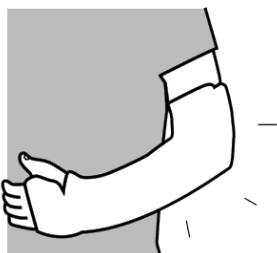
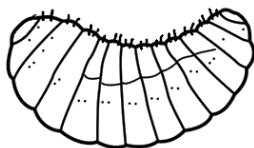
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *звяк*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А), Elina Vanninen (Б), Sclera (В, Г); А, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *пых*

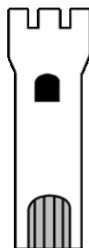
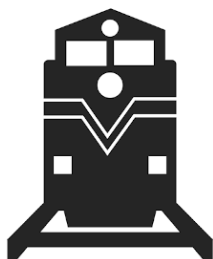
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *пых*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка *rapunet.net*; *Sclera* (А, Б, Г), *Sergio Palao / ARASAAC*, изм. *Rapunet* (В); А, Б и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии *Creative Commons BY-NC-SA*

Четверка изображений для слова *гроз*

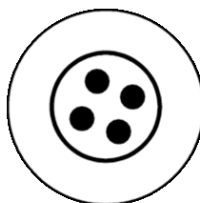
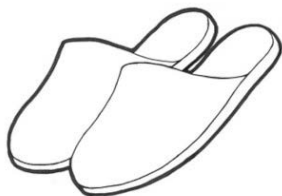
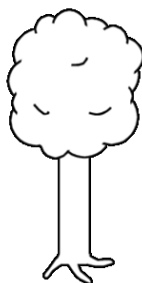
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *грох*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Elina Vanninen (А), Sergio Palao / ARASAAC (Б, В), Paxtoncrafts Charitable Trust (Г); Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *ту-ту*

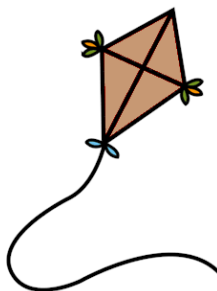
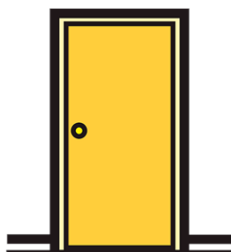
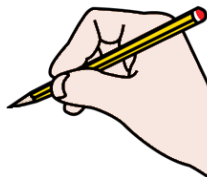
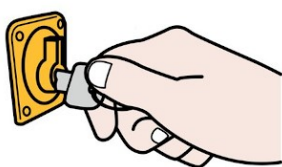
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *ту-ту*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Toisto / Tuija Helkiö (А), Sclera (Б, В, Г); Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *топ-топ*

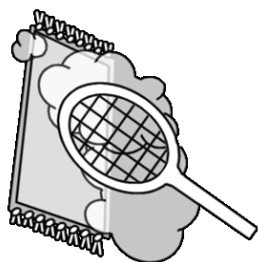
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *топ-топ*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, Г), Elna Vanninen (В); А, Б и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *щелк*

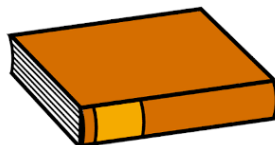
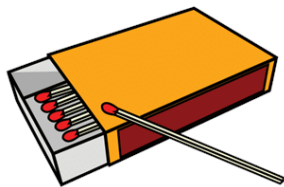
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *щелк*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка papunet.net; Sergio Palao / ARASAAC, изм. Papunet (А, Б), Paxtoncrafts Charitable Trust (В), Sergio Palao / ARASAAC (Г); Б и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *хлобысь*

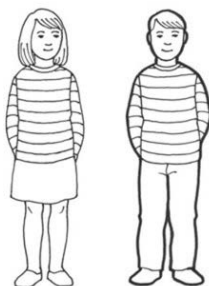
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *хлобысь*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б, Г), Sergio Palao / ARASAAC (В); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *чирк*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *чирк*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В), Paxtoncrafts Charitable Trust (Г); А является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *шу-шу*

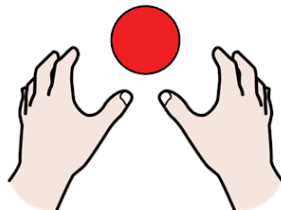
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *шу-шу*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Elina Vanninen (А, Б, В, Г); Б является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *пиф-паф*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *пиф-паф*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, Г), Eilina Vanninen (В); А и Б являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *тресь*

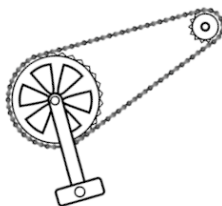
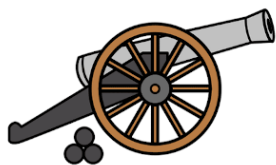
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *тресь*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В), Sclera (Г); Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова **чебурах**

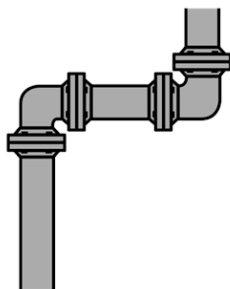
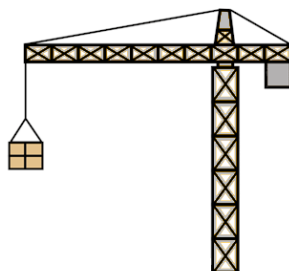
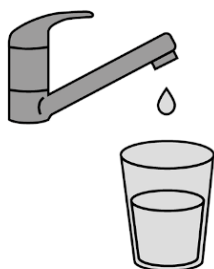
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова **чебурах**; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, В), Sclera (В), Elina Vanninen (Г); Б и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова ух-ух

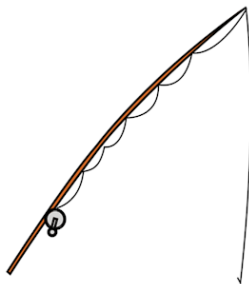
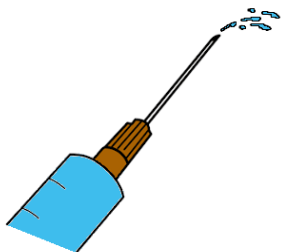
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова ух-ух; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В, Г); Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *кап*

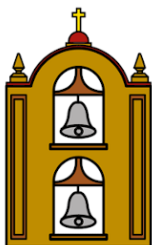
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *кап*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Kuvako (А), Sergio Palao / ARASAAC (Б, В), Elina Vanninen (Г); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *цвирк*

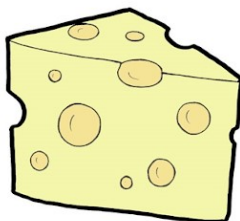
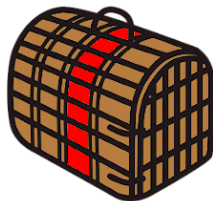
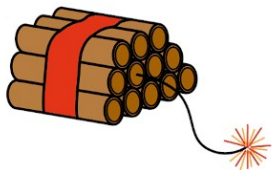
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *цвирк*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, Г), Sergio Palao / ARASAAC, изм. Rapunet (В); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *дон*

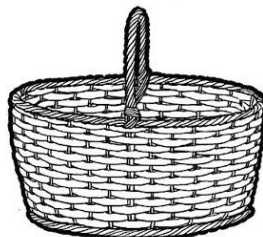
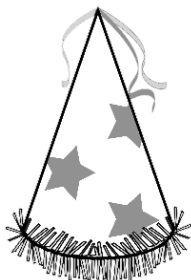
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *дон*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В), Aino Ojala (Г); Б и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *шарах*

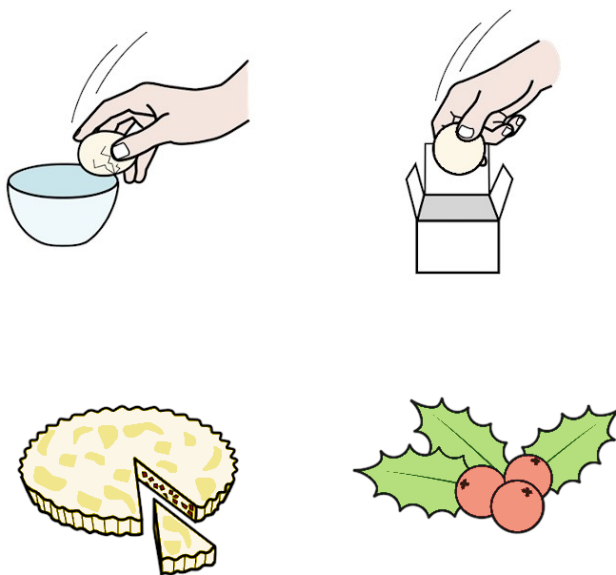
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *шарах*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, В), Paxtoncrafts Charitable Trust (Б), Elina Vanninen (Г); Б и В являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *хлоп*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *хлоп*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Elina Vanninen (А, Б, Г), Sergio Palao / ARASAAC (В), (Г); В является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *шмяк*

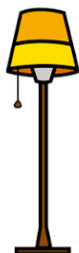
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *шмяк*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В), Heidi Ahlström (Г), (Г); Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *бац*

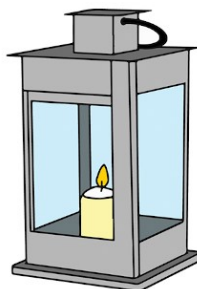
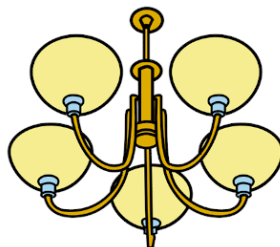
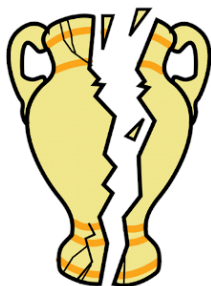
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *бац*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В, Г); Б является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *трах*

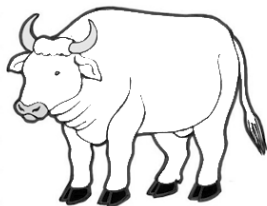
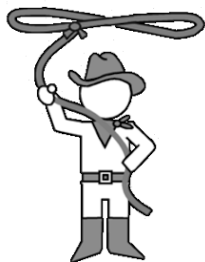
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *трах*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В, Г); Б и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *бряк*

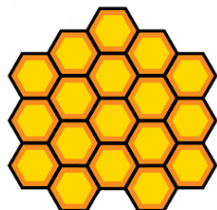
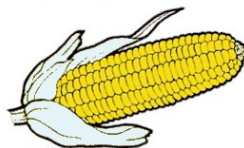
Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *бряк*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, Б, В) Aino Ojala (Г); В является отредактированной версией исходного изображения. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова *хлесть*

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова *хлесть*; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sclera (А, Б), Elina Vanninen (В), Sergio Palao / ARASAAC (Г); А, Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA

Четверка изображений для слова **ожик**

Верхнее левое изображение (А) — целевая картинка для слова **ожик**; верхнее правое (Б) — визуальный конкурент; нижнее левое (В) — семантический конкурент; нижнее правое (Г) — контрольный дистрактор. Фотографии взяты из фотобанка rapunet.net; Sergio Palao / ARASAAC (А, В, Г), Elna Vanninen (Б); Б, В и Г являются отредактированными версиями исходных изображений. Изображения предоставляются по лицензии Creative Commons BY-NC-SA